Ем. ЯРОСЛАВСКИЙ

АНАРХИЗМ в РОССИИ

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

Ем. ЯРОСЛАВСКИЙ

АНАРХИЗМ В РОССИИ

(Как история разрешила спор между анархистами и коммунистами в русской революции)

ОГИЗ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
1939

Редактор *Д. Чугаев*
Отв. корректора *З. Окунь* и *М. Тепер*
Технический редактор *М. Пиотрович*
Сдано в набор 11/XII 1938 г. Подписано в печать 21 I 1939 г. Уполн. Главлита № А-4151. Государственное издательство политической литературы № 53. ИП/Мас. Формат $80 \times 92^{1}/_{16}$. $7^{1}/_{2}$ печ. л. 38 000 зн. в 1 п. л. Тираж 100 000 экз. Заказ № 2641. Цена в переплете 2 руб.

3-я фабрика книги «Красный пролетарий» треста «Полиграфкнига». Москва, Краснопролетарская, 16.

ВВЕДЕНИЕ

Слово «анархизм» происходит от греческого слова «анархия», означающего буквально безвластие, безначалие. Сторонники анархизма—анархисты не признают никакого государства, никакой власти, никакой обязательной для членов общества общественной организации. Поэтому они не признают и власти большинства над меньшинством, народа над паразитами, эксплоататорами.

Таким образом, анархисты отрицательно относятся и к диктатуре пролетариата и к Советскому государству, так как они *отрицают всякую государственную власть*. Анархисты отрицают всякую общественную дисциплину. Они не признают для членов общества какой бы то ни было обязательной дисциплины, поэтому они относятся отрицательно и к обязательной трудовой дисциплине. А без обязательной для членов общества дисциплины немыслимо самое существование человеческого общества, хотя бы это общество строилось на началах добровольного соглашения, добровольного договора членов этого общества. Без дисциплины немыслима никакая организация, будь то артель, кооператив, профсоюз и т. п.

Анархист строит свои планы будущего анархического общественного устройства не на основании знания законов общественного развития, а на основании придуманной общественной организации, которая бы обеспечивала неограниченную свободу отдельной личности. В основу своей деятельности анархисты кладут *не интересы общества*, а интересы *отдельной личности—индивидуума*. Так же как и социалисты-утописты, они считают человеческую природу основой при построении своих планов общественного переустройства. Они не признают при этом, что человеческая природа не есть нечто постоянное, что она меняется в зависимости от развития производительных сил общества, в зависимости от способа производства материальных благ, необходимых для жизни и развития общества.

В противоположность анархистам и социалистам-утопистам марксисты строят свои программы на основе научного изучения и познания развития производительных сил и производственных отношений, т. е. исходя из материальных основ человеческого общества.

Карл Маркс дал гениальное определение всего процесса общественного развития на основании знания законов развития общества.

«В общественном производстве своей жизни,—пишет Маркс,— люди вступают в определенные, необходимые, от их воли независящие отношения,—производственные отношения, которые соответствуют определенной ступени развития их материальных производительных сил. Совокупность этих производственных отношений составляет экономическую структуру общества, реальный базис, на котором возвышается юридическая и политическая надстройка и которому соответствуют определенные формы общественного сознания. Способ производства материальной жизни обусловливает социальный, политический и духовный процессы жизни вообще. Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание»[1].

Эту принципиальную разницу антинаучных взглядов социалистов-утопистов и анархистов, с одной стороны, и стоящих на позиции самой передовой науки современности марксистов— с другой, по основному вопросу исторического развития человеческого общества следует иметь в виду при изучении истории борьбы между марксизмом и анархизмом.

Оставляя в стороне отдельные анархистские высказывания писателей древних и средних веков, необходимо отметить выступление Макса Штирнера (он же Каспар Шмидт) в 1845 г. со своего рода манифестом анархистов под названием «Единственный и его собственность». Штирнер заявил, что нет ничего реального, кроме личности, индивидуума, с его потребностями, стремлениями и волей. А раз это так, то никто не может требовать, чтобы анархическая личность жертвовала собой во имя счастья человеческого общества. Штирнер писал: «Долой, поэтому, все то, что не есть целиком мое собственное дело!.. Для меня нет ничего выше меня!»[2]

Штирнер был противником всякого государства. «Меня хотят,— писал Штирнер,—уговорить пожертвовать своими интересами ради интересов *государства.* Я, напротив того, объявляю войну не на жизнь, а на смерть всякому государству, даже самому демократическому»[3].

Интересы какого же класса выражал Макс Штирнер, чьи интересы защищают анархисты-индивидуалисты? Макс Штирнер, как и большинство анархистов-индивидуалистов, защищал собственность *мелких и средних товаропроизводителей*—крестьян, ремесленников, кустарей. Штирнер выступил как раз тогда, когда крупная промышленность все больше вытесняла в Германии мелкое производство, ремесло, заменяя его крупным производством. Штирнер писал, возражая коммунистам:

«По мнению коммунистов, собственником должна быть община. Как раз наоборот. Собственником являюсь «*Я*», с другими же

---

[1] *Маркс,* К критике политической экономии, стр. 6.
[2] *Плеханов,* т. IV, стр. 184.
[3] *Там же,* стр. 185.

я вхожу только в известное соглашение на счет моей собственности. Если община не удовлетворяет моих притязаний, то *Я* восстаю против нее и защищаю свою собственность»[1].

Отцом своим большинство анархистов считает, однако, не Штирнера, а Прудона и его ученика—Михаила Бакунина.

Взгляды Прудона Маркс подверг уничтожающей критике в книге «Нищета философии», написанной им в ответ на книгу Прудона «Философия нищеты».

Во время революции 1848 г. Прудон выступил с проповедью примирения классов. В циркуляре к избирателям департамента Ду в апреле 1848 г. Прудон призывал: «*Рабочие, подайте руки вашим хозяевам*, а вы, работодатели, не оттолкните руки тех, кто получал от вас заработную плату»[2].

На вопрос о том, какая же у него программа, Прудон ответил в своей «Исповеди революционера»: «*Никаких партий больше, никакой власти, абсолютная свобода человека и гражданина:* вот в трех словах наш политический и социальный символ веры»[3].

Прудон выступал защитником мелкой собственности и раздробленного мелкого производства. Он был противником крупного фабрично-заводского производства. Основой общественной организации, по мысли Прудона, должна быть мелкая частная собственность, но так как она очень непрочна, то необходимо, по мнению Прудона, ее поддержать. Поддержать же ее можно посредством *организации обмена*. Обмен должен происходить на основе индивидуальной свободы, индивидуального договора.

Таким образом, в отличие от Штирнера, который выдвигал на первый план принцип неограниченной свободы личности—«Я», Прудон, так же как и Штирнер защищая интересы мелких собственников, выдвинул на первый план принцип «договора». Но оба они, и Штирнер и Прудон, были анархистами-индивидуалистами.

Несколько с иных позиций повел борьбу с марксизмом Михаил Бакунин. (Ниже мы расскажем, кто такой Бакунин, и дадим более полное изложение его взглядов.) Бакунин, так же как Прудон, относился отрицательно ко всякому государству и, так же как Прудон, вел борьбу с марксизмом, с коммунизмом. Но если Штирнер и Прудон выдвинули на первое место принцип «свободы», то Бакунин прибавил к этому еще столь же отвлеченный принцип «равенства и солидарности», причем надо сказать, что одно время Бакунин даже объявлял себя учеником Маркса, но, как правильно говорит Г. В. Плеханов, Бакунин «совершенно *не усвоил материалистического понимания истории*, он был лишь «софистизирован» этим учением»[4]. Это значит, что Бакунин для оправдания своих взглядов иногда *делал вид*, что опирается на материалистическое понимание истории, на самом же деле он боролся против этого понимания.

---

[1] *Плеханов*, т. IV, стр. 190.
[2] *Там же*, стр. 198.
[3] *Там же*.
[4] *Там же*, стр. 211.

Бакунин, будучи ярым противником всякого государства, был также ярым противником всякой политической борьбы пролетариата, если она не направлена *к полному уничтожению классового господства.* В противоположность Марксу и Энгельсу, которые заявили в «Коммунистическом манифесте», что коммунисты *в капиталистическом обществе* «поддерживают всякое революционное движение, направленное против существующего общественного и политического строя», Бакунин считал, что «всякое политическое движение, которое *не* имеет своей целью *непосредственное*, прямое, *бесповоротное* и *полное* экономическое освобождение рабочих, и которое не начертало на своем знамени различным, но совершенно ясным образом принцип *экономического равенства*, или,—что то же самое,—принцип *полного возвращения капитала труду*, т.-е. просто *социальной ликвидации*,—всякое *подобное* политическое движение есть движение *буржуазное* и, как таковое, должно быть исключено из интернациональных движений»[1].

С этой точки зрения, например, Бакунин должен был бы осудить участие испанских рабочих в едином антифашистском фронте, потому что борьба против фашизма вовсе еще не означает полного экономического освобождения рабочих и уничтожения власти капитала. Бакунисты должны были бы отказаться от защиты Испанской республики в Испании, или от защиты независимости чехословацкого народа в Чехословакии, или от защиты независимости китайского народа в Китае, потому что эта борьба против германского, японского и итальянского фашизма еще не есть борьба за «социальную ликвидацию» капитализма.

Бакунин изложил свою систему взглядов в главном своем произведении—«Государственность и анархия». Как же он там формулировал свои «идеи», свою программу? «...*Разрушение всех государств, уничтожение буржуазной цивилизации, вольная организация снизу вверх посредством вольных союзов—организация разнузданной чернорабочей черни, всего освобожденного человечества, создание нового общечеловеческого мира*»[2]. Свою систему Бакунин называл «анархистским коллективизмом».

На самом деле никакого коллективизма его система не гарантировала. Она гарантировала только *насилие более сильных над более слабыми. Система анархизма Бакунина направлена в конце концов к тому, что она толкает человечество не вперед, а назад, к распаду общественных связей, к распаду общественной дисциплины.*

* * *

Анархисты в России имели большое влияние в 60—70-х годах среди народников, «бунтарей». В период революции 1905 г. анархизм возродился вновь среди деклассированных мелкобуржуазных элементов, однако он не имел серьезного влияния на

---

[1] *Плеханов,* т. IV, стр. 217.
[2] *Там же,* стр. 221.

рабочее движение. Еще меньшее влияние имел анархизм в период Октябрьской социалистической революции 1917 г.

В СССР анархисты давно потеряли всякое влияние. Причиной этого является победа социализма в СССР. Исчезла помещичья и мелкобуржуазная старая крестьянская Россия, которая в свое время воспитала анархизм, которая дала основоположников анархизма—Михаила Бакунина, Петра Кропоткина и других «кающихся дворян»—аристократов старой царской России, которая выдвигала анархистов как вожаков части люмпен-пролетариата в период первой революции. Исчезла помещичье-буржуазная Россия, в которой анархисты, борясь с пролетарским революционным движением, руководимым коммунистической партией большевиков, пытались оказать влияние на пролетариат.

На месте старой царской России уже свыше 20 лет существует новое государство—советское, социалистическое. Такого государства история человечества еще не знала. Оно возникло в результате победоносной Октябрьской социалистической революции.

Эта революция открыла новую страницу мировой истории. 7 ноября 1917 г. победила Великая Октябрьская социалистическая революция в России. На одной шестой части мира была пробита широкая брешь в системе империалистических государств. Молодое советское рабоче-крестьянское правительство, руководимое партией большевиков, партией Ленина—Сталина, победило своих бесчисленных врагов. Советское государство разгромило армии белой гвардии и иностранных интервентов, несмотря на то, что во главе белогвардейских армий стояли старые, опытные русские и иностранные генералы и офицеры. Советское государство ликвидировало вооруженную интервенцию и экономическую блокаду 14 капиталистических государств, которые объединились для борьбы с Советской Республикой. Оно уничтожило, ликвидировало классы помещиков, капиталистов. Выкорчевывая остатки капитализма в стране, пролетарская диктатура ликвидировала последний капиталистический класс—кулачество. Советское государство победило экономическую разруху и создало великолепную, богатую, передовую индустриальную и сельскохозяйственную социалистическую технику. Советское государство по плану, разработанному коммунистической партией, построило на месте старого, разрушенного капиталистического, помещичьего и мелкособственнического хозяйства новое, мощное, богатое, социалистическое хозяйство, с более высокой техникой и более высокой производительностью труда. Оно подняло экономический, политический и культурный уровень жизни всего народа.

Советское правительство создало замечательную, единственную в мире Красную Армию, с оружием в руках защищающую знамя коммунизма, защищающую жизнь, труд, достояние миллионных масс на одной шестой части мира. Советское государство обеспечило великую дружбу народов СССР, пышный расцвет их культуры и благосостояния благодаря правильной национальной политике Всесоюзной коммунистической партии большевиков, составляющей передовой отряд Коммунистического Интернационала.

Великие завоевания Советского народа записаны в Сталинской Конституции победившего социализма.

Партия большевиков возникла около 40 лет назад из небольших подпольных, гонимых царизмом рабочих кружков. Ее организаторами были Ленин и Сталин, гениальные теоретики, стратеги, вожди пролетариата, вожди трудящихся масс, мастера революции.

Рабочие и крестьяне в России победили и добились таких блестящих успехов прежде всего потому, что с самого начала развития массового революционного рабочего движения в России во главе этого движения стояла партия большевиков. Именно она, эта партия, организовала передовых рабочих; она организовала победоносное вооруженное восстание; она организовала отпор белогвардейцам и интервентам и разгром их; она организовала новое, советское, социалистическое государство; она организовала новое, социалистическое хозяйство; она обеспечила величайшие победы трудящихся.

Но партия большевиков добилась этого потому, что она боролась против всех видов оппортунизма в рабочем движении, против всех видов антимарксистских учений, и в том числе против анархизма.

Анархизм в России начал распространяться вскоре после падения крепостного права (1861 г.). Анархизм Бакунина и Петра Кропоткина был теорией народников, боровшихся за «землю и волю» при царизме. Существовавшая незначительный период группа «Черного передела» (Плеханов и др.) после раскола партии «Земля и воля» (1879 г.) унаследовала в значительной доле идеи анархизма. Анархизм в России затем возродился в период революции 1905 г. в виде террористических и экспроприаторских групп, начавших в известной своей части переходить к анархо-синдикалистам, которые считали главной организацией пролетариата не партию, а профсоюзы, «синдикаты». Анархисты (махаевцы) в период революции 1905—1907 гг. в России пытались вырыть пропасть между революционной социалистической интеллигенцией и рабочим классом, мешали массовой борьбе рабочих и крестьян и подогревали антисемитские выступления черносотенных бандитов.

Анархисты в России, независимо от различных их группировок и оттенков, боролись против Октябрьской социалистической революции 1917 г., боролись против молодой Советской республики.

Анархо-синдикализм в лице так называемой «рабочей оппозиции» пытался свить себе гнездо в рабочем движении и в самой коммунистической партии в период пролетарской диктатуры с целью расшатать, дезорганизовать ряды пролетарской партии, но большевистская партия пресекла их разрушительную деятельность.

В самый острый период борьбы пролетариата против объединенных сил мировой и российской буржуазии анархисты занялись распределением между собой богатых особняков и на-

грабленного имущества, не думая о том, что пролетариату необходимо строить на месте разрушенного свое, социалистическое хозяйство.

В лице Махно и его сторонников анархисты на юге Украины пытались осуществить «идеал» анархизма. Но эта попытка кончилась позором и показала всю несостоятельность анархизма. Имя Махно осталось в памяти рабочих и трудящихся крестьян как имя, опозоренное тягчайшими преступлениями против революции, против рабочего дела, как имя бандита, погромщика и изменника революции.

Партия Ленина—Сталина еще в годы мировой войны разоблачала анархистские взгляды на государство, которые пытались протащить в большевистскую партию Бухарин, Пятаков и вся компания предателей бухаринцев и троцкистов. Бухарин вслед за анархистами заявлял, что рабочие должны подчеркивать свою враждебность *ко всякому государству*, в том числе и к рабочему государству. Бухарин заявлял, что после завоевания власти рабочим классом происходит «взрыв» государства. Эти анархистские взгляды Бухарина были разоблачены Лениным. Ленин и партия большевиков исходили из того марксистского положения, что после свержения власти буржуазии происходит «слом» *старой бюрократической машины государственной власти и строится новое государство, пролетарское, советское, создается новая власть, диктатура пролетариата, необходимая для подавления эксплоататоров, для защиты нового, социалистического общества от капиталистического окружения и для строительства коммунистического общества.*

Совсем не случайно Бухарин в течение многих лет боролся против советского социалистического государства, вместе с контрреволюционером Троцким и троцкистами он стал гнуснейшим предателем, бандитом, агентом фашистских разведок.

Таким образом, в ходе первой в мире пролетарской, социалистической революции народ проверил программу, тактику и стратегию коммунистов и убедился в их правильности. В ходе революции народ проверил и отверг учение, программу, тактику и стратегию анархизма.

Опыт Октябрьской социалистической революции, опыт победы социализма в СССР имеет огромное значение для пролетариата, для трудящихся масс всего мира, которые, конечно, могут и должны учитывать особые условия борьбы за свое освобождение, используя этот опыт в каждой стране. Но рабочие и трудящиеся крестьяне капиталистических стран сделали бы величайшую, непоправимую ошибку, если бы они пренебрегли этим опытом, не воспользовались бы им.

Что бы вы сказали про людей, которые ни за что не хотят итти проверенной дорогой, ведущей к цели, а во что бы то ни стало хотят итти другой дорогой, которая приводила и приводит к поражению?

Главная цель, побудившая автора написать эту брошюру об анархизме и коммунизме, заключается в том, чтобы помочь

трудящимся Франции, Испании и других стран, где еще происходит спор между анархизмом и коммунизмом, выбрать этот правильный путь[1].

Задача автора облегчается тем, что сами анархисты под влиянием событий, например, в Испании, вынуждены многое пересмотреть в своем прежнем мировоззрении, в таких важнейших вопросах, как отношение к органам власти и участие в них, создание дисциплинированной армии, подчиненной единому командованию, выработка обязательной для всех трудовой и политической дисциплины и т. п.

Все истинные друзья и сторонники революции в Испании могут только приветствовать факты, свидетельствующие о том, что анархисты Испании готовы все сделать для того, чтобы усилить единый фронт трудящихся против фашизма. Достаточно привести такое решительное и многообещающее заявление, как сделанное «Солидаридад Обрера», органом Национальной конфедерации труда в Испании, 2 декабря 1936 г.: «Мы должны забыть старые формулы, чтобы сказать товарищам из лагеря анархистов: вы делаете правильные и потому полезные для революции шаги. Это первые шаги. Давайте обсудим, какие еще шаги можно сделать для создания единой мощной организации рабочего класса, для еще большего сближения между анархистами и коммунистами».

В статье «О военно-политической работе 11-й интернациональной бригады» сказано:

«Четкая линия компартии Испании—линия народного фронта—была путеводной звездой в области политического воспитания наших кадров и улучшения политико-морального состояния батальонов. Интернациональным бригадам часто приходилось бороться бок о бок с анархистскими батальонами, с которыми было крайне важно сохранить хорошие отношения, в особенности во время боев. Мы должны были убедить анархистов в общности наших интересов в борьбе против фашизма. Мы посылали в батальоны анархистов инструкторов для обучения их пулеметной стрельбе и рытью окопов, в некоторых случаях мы предоставляли в их распоряжение пулеметные отряды, что в то же время обеспечивало нашу безопасность с флангов. Между 11-й интернациональной бригадой и анархистскими частями за все время войны никогда не было серьезных трений»[2].

Так в боях с бандами Франко и интервенцией фашистских государств коммунисты Испании укрепляют единый фронт с анархистами, и последние все более проникаются важностью дисциплины, единого руководства и твердой организации для победы испанской демократической республики.

Это сплочение народного фронта, эта боевая работа протекает в обстановке борьбы с фашистскими бандитами из троцкистской

[1] Книга эта издана в различных странах на испанском, французском, английском языках, переводится на итальянский язык. В настоящее издание внесены лишь некоторые изменения.

[2] Журнал «Коммунистический Интернационал» № 4 за 1938 г.

ПОУМ, пытающимися нанести изнутри удар героическим народным массам Испании. Троцкисты в Испании играли на разногласиях коммунистов и анархистов, разжигали эти разногласия, натравливали анархистов на коммунистов, выполняя заказ своих фашистских хозяев. Но испанский народ, сплоченный в едином народном фронте, защищая не только дело испанского народа, но и дело всего передового, прогрессивного человечества, вырабатывает пути соглашения анархистов и коммунистов, пути создания единства трудящихся. А в этом единстве—залог победы.

Поэтому мы хотим помочь испанским анархистам быстрее преодолеть свою ошибочную теорию, исправить ошибки в практике революционной борьбы. Мы хотим показать, вскрыть идейные разногласия, показать, на чем, на какой основе должно итти объединение, чтобы оно принесло пользу революции. Мы всегда были против *спутывания* различных взглядов. Поэтому мы придаем большое значение выяснению идейных ошибок анархистов, разъяснению неправильности и вреда анархистских теорий и анархистской практики. Мы думаем, что это лучше всего сделать на опыте анархизма в России.

* * *

Настоящая брошюра предназначена была для рабочих Запада, которым предстоит до конца освободиться от ненаучных, вредных анархистских теорий, мешающих победе рабочего класса. Мы считаем своим долгом помочь братьям по классу и рассказать им, как партия Ленина—Сталина наряду с беспощадным разоблачением реформизма вела решительную борьбу и с анархизмом. Ленин писал в статье «Детская болезнь «левизны» в коммунизме»:

«За границей еще слишком недостаточно знают, что большевизм вырос, сложился и закалился в долголетней борьбе против *мелкобуржуазной революционности,* которая смахивает на анархизм или кое-что от него заимствует, которая отступает в чем бы то ни было существенном от условий и потребностей выдержанной пролетарской классовой борьбы»[1].

В старой России, где преобладал мелкобуржуазный состав населения, происходило массовое разорение мелкой буржуазии, была плодотворная почва для мелкобуржуазной революционности. Неспособность «взбесившейся от ужасов капитализма» мелкой буржуазии проявить дисциплину, выдержку и организованность нашла отражение и в анархизме. Мелкий буржуа легко переходил от «бешеной» революционности к покорности, к апатии, а затем и к поддержке реакции. Реформизм и анархизм взаимно дополняли друг друга.

«И если в России,—писал Ленин,—несмотря на более мелкобуржуазный состав ее населения по сравнению с европейскими странами, анархизм пользовался в период обеих революций (1905 и 1917) и во время подготовки к ним сравнительно ничтожным

---

[1] *Ленин,* т. XXV, стр. 179.

влиянием, то это, несомненно, следует поставить отчасти в заслугу большевизму, который вел всегда самую беспощадную и непримиримую борьбу против оппортунизма»[1].

Большевики показали на опыте борьбы с анархистами в период царизма и в период пролетарской диктатуры весь вред анархистских теорий и анархистской практики.

Большевики разгромили всякие попытки Бухарина, Пятакова и др. протащить в партию буржуазно-анархистские взгляды по основным вопросам: о государстве, о переходном периоде, о путях укрепления социалистического государства рабочих и крестьян, о победе бесклассового коммунистического общества. Большевики разоблачили и разгромили анархо-синдикалистскую организацию Шляпникова—Медведева. Борьба этих врагов против ленинско-сталинской партии, против социалистического государства привела их в лагерь фашизма.

Большевики отстояли гегемонию пролетариата в буржуазно-демократической революции. Большевики сплотили под руководством рабочего класса всех трудящихся и повели на борьбу против помещиков и буржуазии. Под руководством большевиков рабочий класс в союзе с беднейшим крестьянством добился победы в Октябрьской социалистической революции. Советский народ под руководством партии Ленина—Сталина построил в основном социалистическое общество в СССР.

Мы считаем, что данная брошюра будет полезна трудящимся Советского государства, так же как и трудящимся капиталистических стран. Она поможет проследить и разобраться, к чему приводили и приводят теории и практика анархистов.

---

[1] *Ленин*. т. XXV, стр. 180.

I

ЧЕМУ УЧИТ ОПЫТ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ РУССКИХ АНАРХИСТОВ В ПЕРИОД ДО ВОЗНИКНОВЕНИЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОЧЕЙ ПАРТИИ (БОЛЬШЕВИКОВ)

(Бакунин, Нечаев, «Земля и воля», «Черный передел»)

Прежде чем излагать деятельность Бакунина, одного из видных вождей и теоретиков анархизма, необходимо уяснить *социальную почву,* на которой вырос и развивался бакунинский анархизм.

В противоположность марксистам, партии коммунистов-большевиков, программа, идеология которых выросла на основе рабочего пролетарского движения,—бакунизм вырос на основе движения мелкобуржуазных, крестьянских элементов по преимуществу. Недаром Бакунин, перенеся свою деятельность в Европу, имел успех главным образом в наиболее отсталых в промышленном отношении странах: Италии, Испании, отчасти среди швейцарских ремесленников. Бакунин до известной степени выражал протест разоряющегося под напором капиталистических отношений крестьянина, который вел еще полунатуральное хозяйство и приходил в ярость от «ужасов капитализма». Крестьянство большей частью покорно гнуло свою спину; но время от времени, когда терпение истощалось, крестьянство восставало, и стихийный *бунт* крестьян был той формой движения, которая носила нередко анархические черты. Это было главным образом движение *докапиталистического* крестьянства; оно-то и было идеалом революционного движения для Бакунина.

Движение это было направлено *против феодальной собственности,* против крепостничества. Победа его расчищала путь *буржуазному строю,* а не социализму.

Бакунин же видел в этом движении социалистическую, по его выражению—«социальную», революцию. И больше всего его прельщали факты *уничтожения собственности,* разгромы и поджоги правительственных зданий, уничтожение официальных документов (Плеханов называет это увлечением взбунтовавшегося бюрократа). Бакунина, например, очень увлекало восстание калабрийского крестьянства в конце XVIII в., организованное кардиналом Руффо против неаполитанских республиканцев. Бакунин считал это восстание «социалистическим» на том основании, что

«калабрийские крестьяне начали грабить замки и, придя в города, грабили дома буржуазии, но они не трогали народа»[1]. Точно так же Бакунин приходил в восторг от восстания галицийских крестьян в 1846 г., организованного агентами графа Меттерниха; от гайдамацких восстаний, которые поддерживались Екатериной II, и даже от избиений польских патриотов в 1863 г., в которых принимали участие польские и литовские крестьяне. Он и бонапартистские настроения французских крестьян считал проявлениями «социалистического инстинкта». Таким образом, идеалом революционного движения для Бакунина было движение отсталых крестьян, ремесленников, носившее нередко антигосударственный, анархистский характер. Бакунин выступал больше и чаще всего в качестве идеолога крестьянского бунта. Несомненно, дореформенные крестьянские движения в России оказали в этом отношении на Бакунина огромное впечатление и влияние.

Бакунин в пролетариате ценил больше всего его *деклассированные* элементы—босяцкий пролетариат, *люмпен-пролетариат*, так как этот слой стоял ближе к крестьянству. Промышленный пролетариат Бакунин относил к «рабочей аристократии». «Люмпен-пролетариат», или «нищенский пролетариат», Бакунин считал той силой, которая «сосредоточивает в себе всю жизнь, силу и будущность современного общества».

Такова социальная почва, на которой развивался анархизм в России.

Основоположник анархизма в России—Михаил Бакунин родился в 1814 г. в богатой и знатной помещичьей русской семье, рос на средства, полученные путем жесточайшей эксплоатации крепостных крестьян. Принято думать, что Михаил Бакунин с юных лет был революционером. На самом деле это не так. *С 1844 по 1866 г., до 51 года своей жизни, он был буржуазным революционным демократом, зараженным к тому же еще славянским национализмом; антисемитом же Бакунин оставался до конца своей жизни.* Правда, он вырос в обстановке, когда были еще свежи воспоминания о героическом революционном выступлении декабристов (14 декабря 1825 г.), руководители которых были повешены царем Николаем I. Но Бакунин в книге «Наука и насущное революционное дело» говорил, что он, будучи молодым человеком, как и многие современники его, молодые образованные дворяне, смотрел на революционное вооруженное восстание декабристов, как «на проявление ребяческого фанфаронства».

В 1842 г. Бакунин высказал мысль, ставшую лозунгом анархистов: «Страсть к разрушению есть вместе с тем и творческая страсть», но через десять лет после этого, в 1852 г., т. е. уже *после* революции 1848 г., он сохранил еще черты крепостника-помещика и писал своему брату помещику Николаю Бакунину: «Хотя я и небольшой друг телесных наказаний, но я вижу, что, к несчастью, они еще очень нужны,—*вели же сечь, дорогой друг,*

---

[1] *Бакунин*, Письма к французу, стр. 172.

вели сечь, но никогда не секи сам, это неблагородно; наказывай всегда так, чтобы крестьяне были убеждены в справедливости понесенного наказания»[1].

Не безынтересно напомнить, что уже в это время (1847 г.) вожди и основатели коммунистического движения Маркс и Энгельс написали «Манифест коммунистической партии», эту первую замечательную программу революционного пролетариата. В этой программе коммунистической партии Маркс и Энгельс открыли всемирно-историческую роль рабочего класса как могильщика капитализма и созидателя нового, коммунистического общества. Боевым лозунгом «Манифеста коммунистической партии» Маркс и Энгельс выдвинули: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Сравните этот творческий, *организующий*, объединяющий, боевой лозунг с голым призывом Бакунина к «разрушению», и вы поймете, какое огромное значение имел призыв «Манифеста коммунистической партии» для всего рабочего движения.

Призыв анархистов к разрушению лишь кажется революционным. Разрушение не всегда является показателем силы, а нередко оно является показателем бессилия, отчаяния. Так, в 40-х годах в Германии и позднее в России рабочие, не понимая причин своего тяжелого положения и не умея найти из него выход, вымещали свою ненависть на машинах, разрушали станки. Только коммунизм учит рабочих, *как* можно выйти из тяжелого положения, как освободиться от власти эксплоататоров. Призыв Маркса и Энгельса «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» сплачивает, соединяет миллионы рабочих всего мира в могущественную силу, победившую уже на одной *шестой части мира, в СССР*, и борющуюся за победу коммунизма во всем мире.

Бакунин был буржуазным националистом, шовинистом в период революции 1848 г. и значительно позже, а антисемитом, как было уже сказано, он оставался всю свою жизнь. Следы национализма в виде антисемитизма остались у Бакунина и тогда, когда он стал вождем анархистов. В то время когда Маркс призывал *пролетариат всех стран* к революционному объединению в один революционный союз, Бакунин носился с мыслью объединения *славян*, независимо от их классовой принадлежности. Он написал в самый разгар революционных событий в Европе, в 1848 г., брошюру: «Призыв к славянам. Сочинение *русского патриота* Михаила Бакунина, члена славянского конгресса в Праге». Маркс и Энгельс решительно выступали тогда против Бакунина. Они указывали на опасность и вред для пролетариата подмены интернациональных классовых лозунгов борьбы либерально-буржуазными, националистическими лозунгами, которые выдвигал Бакунин.

В своей «Исповеди» Бакунин писал царю Николаю Романову: «если бы вы, государь, захотели тогда поднять славянское знамя, то они без условий, без переговоров, но слепо предавая себя

---

[1] Материалы для биографии Бакунина, т. I, стр. 261—262, Гиз, 1923 г. Курсив наш.—*Ем. Я.*

вашей воле, они и все, что только говорит по-славянски в австрийских и в прусских владениях, с радостью, с фанатизмом бросились бы под широкие крылья российского орла и устремились бы с яростью не только против ненавистных немцев, но и на всю Западную Европу».

Сам Бакунин, конечно, считал себя интернационалистом: ведь он призывал к разрушению *всех* государств. Но в то же время он *всегда* проповедывал *(даже будучи анархистом) объединение всех славян,* без различия классов. Он проповедывал борьбу всего славянства *не против германской буржуазии, а против германской нации,* замазывая наличие славянской буржуазии и забывая, что германские рабочие такие же братья, как и итальянские, испанские, французские, русские и др.

В таком основном труде об анархизме, как «Государственность и анархия», Бакунин не просто защищал националистические, шовинистические взгляды, но защищал их как *руководящие* идеи для анархистов.

В сочинениях Бакунина вы найдете совершенно открытые *антисемитские выпады.* При этом Бакунин *выступает не против еврейской буржуазии, а против всей еврейской нации, против всех евреев. Всех евреев Бакунин считал паразитами, эксплоататорами, относился к ним с нескрываемым презрением.* Когда Бакунин боролся в I Интернационале против Утина, организатора русской секции I Интернационала в Женеве, сторонника Маркса, он писал о нем в своем «Докладе об Альянсе»: «Утин, нужно ли это говорить? еврей по рождению и, что хуже, русский еврей». Такие выражения, как «этот еврейчик», вы можете встретить у Бакунина, когда он говорит об Утине. Мы отнюдь не берем под защиту Утина как революционера, так как он впоследствии сделался ренегатом и вымаливал себе прощение у царя. Но мы хотим указать на антисемитизм Бакунина, проявленный им в отношении к Утину и особенно к евреям, проживающим в России. В этом вопросе Бакунин по сути дела поддерживал политику царского самодержавия. Царское правительство в России, терпя богатых евреев, а иногда даже поощряя их, давая им привилегии, создало для трудящихся евреев особого рода запретную зону, «гетто»—«черту оседлости», запретило евреям заниматься земледелием, быть на государственной службе, не пускало их на крупные заводы и создало из еврейской массы бесправный народ. В презрении к еврейскому народу оно веками воспитывало всю Россию.

И Бакунин, бывший дворянин, помещик, царский офицер, с молоком матери впитал презрение к евреям, великорусский славянский шовинизм, антисемитизм. Антисемитизм Бакунина корнями уходит в ту дворянскую, помещичью, эксплоататорскую среду, из которой Бакунин вышел и с настроениями которой полностью никогда не мог порвать.

Удивительно ли после этого, что некоторые последователи Бакунина из народников *одобряли еврейские погромы* на юге России в начале 80-х годов, выпустив 30 августа 1881 г. от имени

Исполнительного комитета «Народной воли» прокламацию, в которой доказывали, что еврейские погромы являются протестом народа против эксплоататоров? Удивительно ли, что после октября 1917 г., в годы гражданской войны на Украине, махновцы, считавшие себя анархистами, организовывали еврейские погромы?

Бакунин не был и образцом стойкости в своих убеждениях. Известно, что, арестованный за границей после революции 1848 г. и выданный прусскими властями царю Николаю I, Бакунин написал в крепости *покаянную исповедь*, в которой вымаливал себе прощение у царя, чтобы вырваться из тюрьмы, в то же время зная от графа Орлова, что ему *не грозит* смертная казнь. «Окажите мне,—писал Бакунин,—сии две величайшие милости, всемилостивейший государь! и я благословлю провидение, освободившее меня из рук немцев, для того, чтобы предать меня в отеческие руки вашего императорского величества. Потеряв право называть себя верноподданным вашего императорского величества, подписываюсь от искреннего сердца *кающийся грешник* Михаил Бакунин». Так писал Бакунин, вымаливая себе *«две милости»:* замену одиночного тюремного заключения другим наказанием и свидания с родными.

Революционеры в России считали для себя высшим позором просить у царя помилования даже тогда, когда их приговаривали к смертной казни. Автор настоящей брошюры провел в тюрьме, на каторге и в далекой сибирской ссылке 12 лет. Он знает, что людей, которые писали на имя царя покаянные исповеди и прошения, революционеры в России считали изменниками революции. *Нет, истинному революционеру бесполезно искать у Михаила Бакунина примера стойкости.*

Если бы в свое время русские революционеры (70-х годов прошлого столетия и позже) знали об этой «Исповеди» Бакунина, то многие из них отвернулись бы от него. Но сторонники Бакунина и сам он усердно *скрывали* этот документ. «Исповедь» Бакунина перед царем Николаем Романовым была опубликована в России впервые только после того, как пролетариат под руководством коммунистов-большевиков взял власть в свои руки и раскрыл царские архивы. Напрасно анархист Неттлау, биограф Бакунина объясняет этот поступок Бакунина тем, что он-де обращался к царю, как к своему тюремщику: больше, дескать, ему не к кому было обращаться. Нет, подлинные русские революционеры не писали своим тюремщикам таких прошений, какие писал Бакунин.

Каждый рабочий в праве осудить такое поведение Бакунина, претендовавшего на репутацию безупречного революционера. Стоит сравнить поведение Бакунина с поведением величайшего русского революционера, социалиста-утописта, вождя крестьянской революции Николая Гавриловича Чернышевского, которого царь держал свыше 20 лет в крепости, на каторге, а затем в якутской ссылке (в далеком Вилюйском остроге). Чернышевский не унизился до прошений о помиловании перед своим смертель-

ным врагом—царем, несмотря на то, что положение его было гораздо тяжелее, чем положение Бакунина, и он не имел такого влиятельного заступничества богатых и знатных родственников, как Бакунин. Когда Чернышевскому царские чиновники предложили написать просьбу о помиловании, он с презрением отверг это предложение.

Могут сказать: Бакунин писал в тюрьме, на самом деле он думал иначе.

Но вот Бакунин попадает *после тюрьмы и ссылки* вновь за границу. Он уже не в руках царя. Он на свободе. И что же? Бакунин в 1862 г. написал брошюру под названием «Народное дело. Романов, Пугачев или Пестель?»[1]. Бакунин писал о неизбежности в ближайшее же время крестьянского восстания в России и *высказывался за желательность того, чтобы сам царь стал во главе народного движения*. Насколько путаны были взгляды Бакунина, видно из того, что он писал о народном самоуправлении: «с царем или без царя, все равно и как захочет народ. Но чтобы не было в России чиновничества». Подумайте только: *самоуправление с царем во главе и без чиновников!* Да ведь это каша, сапоги всмятку, чепуха несусветная!

Не в ранней молодости своей, а уже 47 лет от роду, будучи на свободе, Бакунин писал о царе: «отношение наше к Романову ясно. Мы не враги и не друзья его, мы друзья народно-русского, славянского дела. Если царь во главе его, мы за ним. Но когда он пойдет против него, мы будем его врагами». Это писал Михаил Бакунин в 1862 г., когда в России еще не улеглись крестьянские восстания, вызванные гнусным обманом народа царем Александром II, который под видом манифеста 19 февраля 1861 г. ограбил крестьян в пользу помещиков. Бакунин вводил в заблуждение революционеров самой постановкой вопроса о возможности такого царя, который может стать во главе освободительного движения народа. Его последователи в России из членов партии «Земля и воля» несколько позже, в 70-х годах пытались вызвать крестьянское движение, *прикрываясь именем царя*, который будто бы стоит за крестьян, против помещиков. И эта их единственная попытка поднять крестьян на бунт, и то по подложной грамоте царя, безусловно, потерпела крах.

Таким образом, хотя Бакунин и призывал к уничтожению всякого государства, к безвластию, в то же время он не был последовательным борцом против царизма—этого оплота реакции в Европе и Азии.

Бакунин боролся против революционной политики рабочего класса, против интернациональной рабочей партии, против власти рабочего класса.

Парижская коммуна, которую приветствовали Маркс и Эн-

---

[1] — т. е. Бакунин ставил вопрос: за кого стоять—за царя Романова, за вождя крестьянского восстания Пугачева или за вождя военного заговора декабристов Пестеля?

гельс как пример первой диктатуры пролетариата в истории человечества, для Бакунина была ни больше ни меньше, как «в чужом пиру похмелье». В письме к Огареву в апреле 1871 г. Бакунин писал: «Вижу слишком ясно, что дело проигранное... нам там делать нечего. В чужом пиру похмелье было бы плохое, чрезвычайно неприятное, тем более, что совершенно бесполезное. Наше дело готовиться, организоваться, распространяться, чтобы быть готовыми ко дню пробуждения дьявола. А до тех пор тратить свои бедные средства и своих немногих людей,—наше единственное сокровище,—было бы преступно и глупо»[1].

В то время когда Карл Маркс и Фридрих Энгельс, вожди и учители *коммунистического рабочего движения*, создавали «Союз коммунистов» (1847 г.) и I Интернационал—Международное товарищество рабочих (1864 г.), Бакунин проповедывал националистические панславистские идеи и планы, занимался поисками «хорошего» царя и лживо-революционными фразами прикрывал реакционный смысл всех своих анархистских теорий.

Всем известно, что борьба Маркса против Бакунина в I Интернационале имела *принципиальное* значение. Мы на ней не будем подробно останавливаться только потому, что в этой небольшой работе мы пишем главным образом об анархизме в России. Нам важно, однако, здесь подчеркнуть, что Бакунин попытался взорвать I Интернационал, создал в 1865 г. тайное общество «Альянс социалистической демократии», расколол швейцарскую секцию Интернационала, был разоблачен на Лондонской конференции Интернационала в 1871 г., и за дезорганизаторскую деятельность он и его сторонники были изгнаны из Интернационала на конгрессе в Гааге в 1872 г.

В письме к Больте от 23 ноября 1871 г. Карл Маркс писал:

«Для господина Бакунина его доктрина (белиберда, составленная по кусочкам из прудоновских, сен-симонистских и других теорий) была и есть вещь второстепенная и служит ему лишь средством к приобретению личного значения и веса. Но если Бакунин в теоретическом смысле нуль, то зато он, как интриган, на высоте своего призвания»[2].

Итак, Бакунин принадлежал к тому кругу «кающихся дворян», которые считали, что они должны исправить грехи своих отцов-эксплоататоров по отношению к народу. Поэтому он посвятил себя революции. Но такой «кающийся дворянин» очень часто сохранял барское отношение к очень многим явлениям социальной жизни. Мы уже видели, что Бакунин не мог отделаться от антисемитизма. С другой стороны, такой «кающийся дворянин» впадал нередко в *идеализацию* того, что вчера еще презирал. Мы видели уже, что Бакунин советовал при крепостном праве своим родственникам-помещикам сечь крепостных крестьян. Став

---

[1] Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву, стр. 420, 1906 г.

[2] *Маркс*, Письма, стр. 268.

анархистом, Бакунин впадает в другую крайность: он видит готового революционера в любом разбойнике. В религиозных сектах в России, не имевших ничего общего ни с коммунизмом, ни с анархизмом, Бакунин и его сторонники видели революционную силу. Действительность, как мы увидим, принесла горькое, жестокое разочарование сторонникам Бакунина.

* * *

Первым проводником анархистских взглядов Бакунина в России был Сергей Нечаев. Его деятельность относится к концу 60 и началу 70-х годов прошлого столетия, когда уже был создан I Интернационал и вполне определилась глубокая разница взглядов Маркса и Бакунина. Нечаев воспринял анархистские взгляды Бакунина и действовал от его имени, в ряде случаев прикрывался именем I Интернационала, хотя никакого отношения к Интернационалу не имел.

Нечаев создал в России узко заговорщическую организацию «Народная расправа». Эта организация была сверху донизу построена централистически. Она была целиком построена на авторитете центрального комитета, на беспрекословной дисциплине.

Это была самая *авторитарная* организация, какую когда-либо создавали революционеры. Но ведь Бакунин, как известно всем анархистам,—враг авторитарности, враг всякой «власти», авторитета. Анархисты до последнего времени называли себя «либертэрами», освободителями, сторонниками ничем не ограниченной свободы. А коммунистическая партия, как известно, в основу своей организации кладет *демократический централизм,* т. е. строит свою организацию *на выборности всех* руководящих органов сверху донизу, с одной стороны, и *на подчинении* всех членов низшей партийной организации (кружка, группы, ячейки) решениям вышестоящей выборной партийной организации—с другой. Анархисты за это порицали коммунистов. Бакунин вел жесточайшую борьбу с Марксом в I Интернационале, между прочим, и по вопросу о том, как *организовать* рабочий класс. В отличие от Маркса Бакунин предлагал предоставлять всем организациям полную автономию, полный отказ от централизованного руководства рабочим движением.

Как же случилось, что Сергей Нечаев, ученик Бакунина, создал организацию *строго централистическую,* хотя малочисленную, заговорщическую, написал устав этой организации, который находится в полном противоречии *с официально* известными анархистскими бакунинскими взглядами на организацию? В течение десятков лет Бакунин и все его сторонники, в том числе и его личный секретарь Арман Росс (Михаил Сажин), скрывали тот факт, что *автором этого нечаевского «катехизиса» был сам Бакунин.* Михаил Петрович Сажин уже после Октябрьской социалистической революции в России рассказал, что «катехизис», писанный рукою Бакунина, был найден после ареста Нечаева

в его бумагах и сожжен Сажиным. Этот факт показывает, что *на деле Бакунин и его сторонники, если им это было выгодно, готовы были создавать и создавали такую авторитарную централистическую организацию, в которой совершенно подавлялись воля и мнение отдельного члена их организации.* Такой организацией и была созданная Нечаевым «Народная расправа», разгромленная царизмом прежде, чем она успела что-либо сделать. Напрасно некоторые историки пытались представить дело так что Нечаев был «самозванцем», что Бакунин не давал ему никаких полномочий. При обыске у студента Успенского, члена нечаевской организации, царские жандармы нашли удостоверение на имя Нечаева:

«Податель сего есть один из доверенных представителей русского отдела Всемирного революционного союза»,—говорилось в удостоверении. А на этом удостоверении стояла подпись Бакунина и печать: *«Михаил Бакунин»*.

На Лондонской конференции I Интернационала в 1871 г. были представлены материалы, указывающие, что Нечаев действовал в России от имени Бакунина, называя себя, не имея на то основания, агентом Интернационала.

Конечно, было бы неправильно ставить знак равенства между Бакуниным и Нечаевым. С некоторыми взглядами Нечаева Бакунин не соглашался. Бакунин считал главной революционной силой в России крестьянство и люмпен-пролетариат. Бакунин в брошюре «Постановка революционного вопроса» писал, что «разбойник в России настоящий и единственный революционер—революционер без фраз, без книжной риторики, революционер непримиримый, неутомимый, неукротимый на деле, революционер народно-общественный, а не сословный». Нечаев же убедился, побывав за границей, особенно после восстания Парижской коммуны 1871 г., что «на Западе есть новые, свежие люди, которым принадлежит будущее. Это—рабочая среда, не разделяемая ни границами государств, ни племенными различиями. Вот кто поймет нас! Потому что наше дело—дело народа,—их дело!»[1]. Но это на Западе. А в России Нечаев не видел самостоятельного рабочего движения. Нечаев воспринял у Бакунина его ошибочные, анархистские взгляды, которые мешали ему и современной молодежи выработать правильный взгляд на революцию и толкнули его на путь узко заговорщической деятельности.

В 70-х годах прошлого столетия в России сложилась революционная организация «Земля и воля». Она объединила все революционные силы тогдашней России. Среди деятелей «Земли и воли» были люди различных направлений. Среди них были сторонники Петра Лаврова, который учил, что историю делают не массы, а «критически мыслящие личности», которые могут

[1] Брошюра «Русским студентам», Лондон, 1870 г. Между прочим, Нечаев издал в 1870 г. русский перевод «Манифеста коммунистической партии» Маркса и Энгельса, сделанный Михаилом Бакуниным в то время, когда Бакунин (в течение короткого времени) считал себя учеником Маркса.

повернуть народ, куда им вздумается. Последователи Лаврова предлагали революционной молодежи просвещать крестьян и рабочих путем длительной пропаганды идей «крестьянского социализма». Среди них были сторонники Петра Ткачева, признававшего необходимость захвата государственной власти путем заговора революционной организации.

Но самым сильным влиянием пользовались в организации «Земля и воля» анархистские взгляды Бакунина. Вот почему мы останавливаемся несколько более подробно на деятельности этой организации.

Было бы неправильно думать, что Бакунин *создал* эту организацию. Народническому движению предшествовала деятельность просветителей—Белинского, Герцена, Добролюбова, Чернышевского. В особенности глубокий след в сознании передовой части русского общества оставил Чернышевский. Он видел выход из тяжелого положения русского народа в крестьянской революции, в вооруженном восстании крестьян против царя и помещиков. На этот путь он звал революционную молодежь. В письме к Герцену Чернышевский писал: «Наше положение ужасно, невыносимо, и только топор может нас избавить, и ничто, кроме топора, не поможет». Но Чернышевский и его сторонники не были анархистами. Они были республиканцами—революционными демократами. В прокламации «Молодая Россия», написанной в 60-х годах XIX столетия революционером Зайчиневским под влиянием Чернышевского, дается лозунг социалистической и демократической *республики*. «Скоро, скоро наступит день,— говорится в прокламации,—когда мы распустим великое знамя будущего, знамя красное и с громким криком: да здравствует социальная и демократическая республика Русская; двинемся на Зимний дворец истребить живущих там». Правда, Чернышевский и его последователи, будучи утопическими социалистами, не могли ясно и верно предсказать пути завоевания социалистической республики. Ни кружку Зайчиневского, ни Чернышевскому не под силу была эта задача... Лишь через 55 лет рабочие под знаменем научного социализма и под руководством коммунистической партии большевиков могли выполнить эту великую историческую задачу.

К сожалению, в тот период, когда Чернышевский был арестован и сидел в крепости, деятели «Земли и воли» увлеклись анархистскими взглядами на революцию, и это принесло огромный вред движению; народники-бакунисты сделали шаг назад от республиканских взглядов просветителей к анархизму.

Увлечение народников анархистскими взглядами, как отмечает Ленин, было данью и результатом *отсталости* движения, *слабости* пролетариата в тогдашней России.

Мы уже знаем, что Бакунин ошибочно считал крестьян *природными* бунтарями и социалистами. Последователи Бакунина придерживались его лозунга: «Мы народ должны не учить, а бунтовать». Поэтому они считали, например, что крестьяне и казаки, стихийно восставшие под руководством крестьянского

вождя Степана Разина, были ближе к коммунизму, чем вожди утопического социализма—Фурье, Сен-Симон, Кабэ и др. Мы уже знаем, что Бакунин считал разбойников самыми последовательными революционерами. По мнению Бакунина, крестьянская община, при всех ее недостатках, должна быть ячейкой анархо-коммунистического строя: «бунтовская, стенько-разинская, пугачевская, раскольничья,—единственная сторона, от которой должно... ждать морализации и спасения русского народа».

Бакунин был убежден, что крестьянская община решительно враждебна всякому государству. Он считал, что крестьяне должны разрушить всякое государство, хотя и они идут на борьбу «с призывом царского имени». Дело только в том, чтобы организовать повсеместно этот крестьянский бунт, и для этого надо «итти в народ». Считая крестьян врожденными бунтарями и социалистами, землевольцы, переодевшись в крестьянскую одежду, двинулись в деревню, чтобы поднять крестьян на бунт против царя.

На самом же деле русские крестьяне 70-х годов прошлого столетия не только не были природными коммунистами или социалистами, но и не мечтали о коммунизме. Они ждали земли, были мелкими собственниками, ненавидели помещиков и верили в царя, который, по их мнению, должен дать землю крестьянам. Когда народники пошли в деревню поднимать всенародный бунт и стали говорить крестьянам о социализме, они в большинстве случаев не встретили сочувствия. Некоторые пропагандисты жаловались, что бакунинская пропаганда среди крестьян «в одно ухо вошла, в другое вышла». Один из видных участников этого движения—М. Попов вспоминает: «Надежды на то, что пропаганда вызовет деревенский народ на активную борьбу или, по крайней мере, вдохнет в крестьянство веру в то, что такая борьба даст плодотворные результаты,—такие надежды не оправдались. Крестьянин слушал революционера точно так же, как он слушает батюшку, проповедывающего ему о царстве небесном, и после прослушанной проповеди, как только переходил порог церкви, жил точно так же, как он жил и до проповеди». Вера Фигнер, бывший член исполнительного комитета партии «Народная воля», просидевшая более 20 лет в одиночке Шлиссельбургской крепости, вспоминает: «Я прожила в Петровском уезде 10 месяцев, мои ближайшие товарищи в Вольском уезде немного более, и утверждаю, что к нам за все время не присоединился ни один человек... Можно было притти в отчаяние от революционного одиночества, в котором мы жили». Плеханов, бывший тогда сторонником Бакунина, писал: «крестьянин, охотно и внимательно слушавший рассказы и рассуждения пропагандиста на тему о малоземелье, о тяжести податей, о произволе администрации, о бессердечии помещиков, о жадности попов, о хищничестве кулаков и т. п., в массе оказывался глух к проповеди социализма. Социалистические идеалы не только не влекли его к себе, но прямо не укладывались в его голову, потому что в идеалах, подсказываемых ему его собственными производ-

ственными отношениями, было очень много *буржуазного индивидуализма*». То же самое подтверждает и другой тогдашний бакунист—Аптекман. Он вспоминает, как крестьянин, которому он говорил о необходимости восстания и отобрания земли у помещиков, воскликнул: «Вот будет хорошо, как землю-то поделим! Тогда я принайму двух работников, да как заживу-то!»

Конечно, царское правительство не дремало, и в одном только 1874 г. было арестовано больше тысячи революционеров.

Что же показала эта попытка «хождения в народ»? Она показала, что представления Бакунина о крестьянстве как главном революционном элементе России, как о природном социалисте и бунтаре оказались неправильными. Учение Бакунина, что крестьянин—против всякого государства, оказалось неверным. Огромная масса революционных сил была растрачена напрасно, без пользы для революции. Учение Бакунина не только не направило народников по правильному пути, но и сбило их с той более правильной дороги, на которую звал до этого Чернышевский. К тому же Бакунин учил, что никакой борьбы за политическую свободу вести не надо, что эта борьба будет только «отвлекать» от социалистической («социальной») революции. Бакунин учил, что Россия сразу, минуя буржуазно-демократическую революцию, совершит всенародный бунт, уничтожит всякое государство и перейдет к анархии. Это учение сбивало с толку участников движения и принесло несомненный вред революционной борьбе с царизмом.

К сожалению, это бакунинское учение еще и сегодня кое-где живет среди анархистов Испании, Франции и других стран, где непонимание анархистами путей революции и неумение оценить, какая именно революция происходит в настоящее время, приводят, как мы увидим, к очень тяжелым и трудно поправимым ошибкам.

Когда бакунисты-народники убедились в том, что их анархистская проповедь не находит отклика в крестьянстве, часть из них вспомнила совет Бакунина, что можно поднять крестьян и во имя царя, как в свое время поднимал крестьян вождь крестьянского восстания Емельян Пугачев.

И вот группа бакунистов-бунтарей—Стефанович, Бохановский, Лев Дейч (впоследствии видный социал-демократ, меньшевик)—направилась в Чигиринский уезд на Украине, где многие бедняки-крестьяне особенно страдали от малоземелья. Крестьяне волновались и решили послать к царю ходока просить земли. Некоторых крестьян жандармы арестовали. Бакунист Стефанович под видом крестьянина Дмитрия Найды вызвался поехать к царю ходоком с прошением от крестьян. Стефанович объяснял свое поведение таким образом: «Все мои наблюдения утвердили меня в мысли, что только авторитетное начало может гарантировать принятие задуманной мною организации, а таковым в данном случае могло быть только имя царя Александра II».

Отправившись будто бы к царю, Стефанович вернулся и привез изготовленный им самим манифест от царя, «высочайше данную грамоту» якобы за подписью царя Александра II. В этом

подложном манифесте царь призывал крестьян организовать тайное общество «Тайная дружина» для борьбы с помещиками, чиновниками и попами, которые будто бы мешают ему, царю, исполнить свою волю—отдать крестьянам всю землю. Манифест обещал в случае победы: «Вся земля с лесами и сенокосами станет таким же бесплатным достоянием вашим, как вода, свет солнечный и всякий другой дар божий, созданный для человека; не будет ненавистного вам дворянского начальства, не знающего сострадания к вам, и воцарится тогда свобода и благоденствие на земле русской».

К этому подложному манифесту Стефанович добавил еще устав крестьянского общества «Тайная дружина», тоже будто бы «высочайше утвержденный государем императором Александром Николаевичем». И чтобы убедить крестьян, что все это—настоящее, а не поддельное, Стефанович устроил обряд присяги на евангелии членов «Тайной дружины». На стол положили икону, зажгли свечу, воткнули крестообразно два ножа, и участники организации приняли присягу.

Это тайное общество было вскоре из-за одного провокатора раскрыто царскими жандармами, и участники его были арестованы и сосланы в Сибирь.

Зачем же нужен был бакунистам этот вредный для революции и недостойный революционеров маскарад? А затем, что все их учение об анархизме было неправильно. Затем, что все их анархистские понятия о крестьянстве и революции оказались несостоятельными, беспочвенными.

Бакунинское учение задержало развитие революции в России, не дало ему ни одной плодотворной мысли для действительной борьбы за освобождение трудящихся от гнета царизма. Бакунисты тормозили действительно революционное движение, возможное только под руководством рабочего класса. Вот почему нельзя было построить победоносную рабочую организацию в России без борьбы марксизма с народничеством, без идейного разгрома всего народничества в целом и его разновидности—бакунизма. Это было тем более необходимо, что некоторые бакунисты в России пытались вести работу среди рабочих, завели с ними связи и создавали рабочие пропагандистские кружки. Князь Петр Кропоткин, известный анархист, был одним из таких пропагандистов. Другим известным пропагандистом был Чайковский, тот самый Чайковский, который впоследствии, в период социалистической революции в России, вместе с генералом Миллером возглавил в 1918 г. белогвардейское правительство, организованное интервентами на севере России. Эти пропагандисты сами были слишком далеки от ясного понимания целей, задач революции и средств борьбы и пытались сбить рабочих на неправильный путь. Так, например, когда Петру Кропоткину поручили составить программу для пропагандистских кружков, он на вопрос: «Должны ли мы заниматься рассмотрением идеала будущего строя?», отвечал, что самое важное—разрушить государство, а там уже сам народ наметит и выработает основы обществен-

ного хозяйства. А ведь это делалось в то время, когда уже были переведены на русский язык такие замечательные работы Маркса, как I том «Капитала», «Манифест коммунистической партии» и др.

Конечно, не все рабочие, попавшие в такие кружки, шли слепо за бакунистами. Среди рабочих 70 и 80-х годов выделились люди с самостоятельными взглядами, одаренные организаторы, передовые рабочие, сознававшие огромную, передовую роль пролетариата. Эти люди—*Виктор Обнорский*, *Степан Халтурин*, *Петр Моисеенко*, *Петр Алексеев*, *Семен Агапов* и др. показали, что они в понимании задач борьбы стоят на голову выше анархистских учителей—Кропоткиных, Бакуниных, Чайковских.

Вот почему мы приходим к выводу, что неправильные, вредные для развития революции анархистские идеи Бакунина, Кропоткина и других народников-анархистов задержали и в рабочем классе выделение более многочисленного ядра сознательных рабочих, из которого впоследствии, когда за дело организации взялись марксисты, сложилась и выросла победоносная, могучая организация—большевистская партия, под руководством которой был свергнут царизм, уничтожены классы капиталистов, помещиков, кулаков и в основном построено социалистическое общество в СССР.

II

АНАРХИСТЫ В ПЕРИОД ПЕРВОЙ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ (1905—1907 гг.)

В 1883 г. Плеханов, Аксельрод, Дейч, Засулич образуют в Швейцарии первую русскую марксистскую группу «Освобождение труда». Организаторы группы были до этого в течение нескольких лет видными деятелями народнического движения, примыкая к ее *бунтарскому, бакунинскому течению*.

После раскола партии «Земля и воля» в 1879 г. на «Народную волю» и «Черный передел» Плеханов и др. были организаторами группы «Черный передел». Чернопередельцы унаследовали от своего прошлого анархистские взгляды на государство и революцию. Чернопередельцы не оставили сколько-нибудь заметного следа в революционном движении России. Маркс в письме к Зорге от 5 ноября 1880 г. высмеял чернопередельцев как бакунинскую, полуанархистскую группу.

«Эти господа,—писал Маркс,—против всяких политических революционных выступлений. Россия, по их плану, должна сделать скачок прямо в анархически-коммунистически-атеистическое тысячелетие. Скачок же этот они тем временем подготовляют скучнейшим доктринерством. Так называемые принципы их доктрин взяты у покойного Бакунина»[1].

Став социал-демократами, эти люди должны были подвергнуть и подвергли критике свои народнические, анархистские взгляды.

Но недаром марксисты называют анархизм родным братом реформизма, соглашательства: от бакунинского анархизма Плеханов, Аксельрод и другие члены группы «Освобождение труда» в начале XX столетия, когда появилась партия Ленина, партия большевиков, стали реформистами, перекочевали к меньшевизму, возглавили меньшевистское движение.

Однако следует отметить, что Г. В. Плеханов дал серьезную критику своего бакунинского, анархистского, народнического прошлого. В 80-х годах XIX столетия основоположник первой марксистской, социал-демократической организации в России Плеханов в книге «Наши разногласия» подверг резкой критике

[1] Цит. по *Ленину*, т. XI, стр. 177.

анархистские взгляды Бакунина. Плеханов писал: «бакунизм—не система. Это смешение социалистических теорий «латинских стран» с русскими крестьянскими «идеалами», народного банка Прудона—с сельской общиной, Фурье—со Стенькой Разиным»[1].

Большая заслуга Плеханова и созданной им группы «Освобождение труда» состоит в том, что эта группа распространила учение марксизма в России и нанесла серьезный удар народническим взглядам, а стало быть, и бакунинскому анархизму.

В середине и в конце 90-х годов XIX столетия, начиная с организации Лениным петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», развивается движение последовательного революционного марксизма, складывается *большевистское течение,* выделившееся в 1903 г. на II съезде Российской социал-демократической рабочей партии как группа большевиков в рамках формально единой РСДРП. В 1905 г. большевики созвали самостоятельный партийный съезд, а в 1912 г. большевики окончательно оформились в самостоятельную Российскую социал-демократическую рабочую партию (большевиков), партию нового типа, партию марксизма-ленинизма, без меньшевиков-ликвидаторов справа и без «отзовистов»-ликвидаторов «слева».

РСДРП (большевиков) после социалистической революции 1917 г. стала называться *коммунистической партией.* Но уже с самого начала своего возникновения она была зародышем будущего, III, Коммунистического Интернационала, за который боролись Маркс и Энгельс. Уже петербургский «Союз борьбы» был зародышевой ячейкой *партии нового типа,* партии боевой, способной свергнуть не только царизм, но и власть помещиков и капиталистов в России,—а это была ведь величайшая и труднейшая задача, если иметь в виду при этом, что пролетариат в России составлял при царизме *меньшинство* населения. *Только рабочий класс в союзе с крестьянством под руководством партии большевиков мог выполнить эту гигантской важности историческую задачу.*

Еще в 1894 г. Ленин, воюя против народников, писал в книге «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?», что своей пропагандой марксизма среди рабочих и своей организационной работой по созданию самостоятельной рабочей партии марксисты добьются того, что «русский ***рабочий,*** поднявшись во главе всех демократических элементов, свалит абсолютизм и поведет ***русский пролетариат*** (рядом с пролетариатом ***всех стран***) *прямой дорогой открытой политической борьбы к* ***победоносной коммунистической революции***»[2].

Всему миру теперь известно, что Ленин оказался абсолютно прав, что он в 1894 г., за два с лишним десятилетия до Октябрьской социалистической революции 1917 г., правильно и точно определил путь развития революции. *Революция в России по-*

[1] *Плеханов,* т. II, стр. 320.
[2] *Ленин,* т. I, стр. 194.

шла не по рецепту анархистов Бакунина, Кропоткина, Реклю, Пуже, Малатесты и др., а по пути, предвиденному Марксом, Энгельсом, Лениным, Сталиным. Разве это не лучшее доказательство правильности теории и практики коммунистов, их умения определить путь борьбы, оценить силы и значение разных классов общества, врагов и союзников пролетариата, правильно наметить и правильно применить средства борьбы?

Революция 1905—1907 гг. в России по своему характеру была буржуазно-демократической революцией. Ее должны были совершить рабочий класс в союзе с крестьянством. Они должны были путем победоносного вооруженного восстания свергнуть самодержавие, уничтожить власть помещиков и установить революционно-демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства, необходимую не только для того, чтобы разбить всякие попытки контрреволюции реставрировать монархию, но и для того, чтобы обеспечить перерастание буржуазно-демократической революции в революцию социалистическую. Решающим условием победы была необходимость обеспечить за рабочим классом руководящую роль, гегемонию пролетариата в происходившей революции. Ее успех зависел от того, насколько удастся пролетариату изолировать либеральную буржуазию и повести за собой крестьянство. Для этого сам рабочий класс должен был выступать единым фронтом: всякий политический раскол в его рядах облегчал буржуазии возможность оторвать от него крестьянство и бить по частям силы революции.

За политическое единство рядов рабочего класса, за его гегемонию в революции 1905—1907 гг. боролись только большевики, руководимые Лениным и Сталиным. Меньшевики, эсеры и анархисты выступали тогда дезорганизаторами сил революции, агентурой буржуазии в рабочем движении.

В тот период, когда складывались и поднимались силы первой русской революции, анархисты в России не проявили себя ни одним сколько-нибудь значительным, серьезным революционным актом. Но они принесли несомненный вред революционному движению своей борьбой против марксистов, особенно своей проповедью индивидуального террора и анархии.

Деятельность русских анархистов развивалась в 1905—1906 гг. почти исключительно на юге России (Одесса, Екатеринослав, Елисаветград), частью на Кавказе и в Польше (Лодзь, Белосток, Варшава). Кто хорошо знает историю революции в России, тот знает, что анархистское движение 1905—1907 гг. не дало в России ни одного крупного деятеля революции, не оплодотворило революцию ни одной ценной мыслью. Анархистское движение не может назвать ни одного факта, который имел бы положительное и решающее значение для развития революции. Это признают и сами анархисты. (П. Кропоткин в № 2 газеты «Хлеб и воля» за 1909 г.)

Большевистское движение дало таких гигантов мысли, величайших гениев человечества, как Ленин и Сталин, которые

сплотили и вдохновили массы на вооруженное восстание, воспитали эти массы для совершения великой социалистической революции, положившей начало новой эры в истории человечества.

Такие революционные средства борьбы, как массовая стачка и вооруженное восстание, в России были широко применены под влиянием и руководством партии большевиков в борьбе с реформистами, в том числе и анархистами. В вооруженном *восстании в Москве в декабре 1905 г. не было ни одной анархистской боевой дружины в то время, когда большевики и беспартийные рабочие сражались с оружием в руках на баррикадах.*

Индивидуальный террор и экспроприация—вот излюбленные «методы борьбы», которые избрали в 1905—1907 гг. анархисты. Но как раз эти «методы борьбы» показывали *слабость, а не силу* анархистского движения. И не случайно, что большинство анархистов ушло в бандитизм, ничего общего не имевший с задачами революции.

Этим мы вовсе не хотим сказать, что среди русских анархистов не было людей, «по-своему» преданных делу революции. К анархизму примыкала часть, хотя и очень незначительная, неустойчивых рабочих. Анархисты, увлекая их за собой, пытались внести раскол в рабочее движение, мешали рабочему классу в его борьбе.

Анархисты в период революции 1905 г. в России разделились на несколько течений, но общим для всех этих течений было отрицание необходимости буржуазно-демократического этапа революции как пути к социалистической революции. Русские анархисты взяли свое идейное оружие у Бакунина, Кропоткина, Прудона, Малатесты, Реклю. Они старались доказать, что революция в России должна привести к уничтожению всякого государства, к анархии, что на месте царской России надо сразу создать без всяких урезок коммунистически-анархистский строй, в котором все было бы основано на правиле: «Каждому по потребностям, от каждого по способностям». Они были противниками революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства.

Анархисты отрицали также необходимость создания самостоятельной рабочей партии и участия рабочего класса в политической борьбе. Они отрывали, таким образом, часть рабочих от единого фронта, от союза рабочего класса и крестьянства, ослабляли силы революции и тем оказывали услугу контрреволюции.

Остановимся на фактах.

Прежде всего необходимо рассказать коротко о так называемой *махаевщине*, принесшей огромный вред рабочему движению в России.

А. Махайский (А. Вольский), будучи социал-демократом оппортунистического, реформистского толка, в ссылке в Сибири пришел к выводу, что за плечами капиталистов вырастает *новый класс* эксплоататоров и господ—*интеллигенция*, командующая

интеллигенция, выдумавшая и социализм для превращения рабочих в орудие своих целей. В обоснование этой «теории» он выпустил книгу «Умственный рабочий». К Махайскому вскоре примкнули ссыльные анархисты. В прокламации, выпущенной в 1902 г., махаевцы и анархисты доказывали, что интеллигенция представляет собою «высшую расу, призванную править». В этой же прокламации махаевцы клеветали, что революционные партии в России борются против царизма якобы только из-за того, чтобы, завоевав политическую свободу, дорваться до власти, чтобы эксплоатировать рабочих. О «Еврейском рабочем союзе» (Бунде) махаевцы писали, что евреи борются с царизмом, чтобы получить доступ к государственной службе. Что же удивительного, что иркутские жандармы охотно допускали распространение таких, по сути дела контрреволюционных, произведений анархистов-махаевцев! Ведь такая проповедь была наруку жандармам, выгодна царизму. Махаевцам удалось создать в Одессе группу «Непримиримых», в Белостоке—группу «Борьба». Вот как один из лидеров русских анархистов—Новомирский характеризует программу махаевцев:

«Она сводилась к трем пунктам: 1) рабочему классу не нужно идеалов; 2) нужна *экономическая*, революционно-террористическая борьба с капиталом и 3) интеллигенция—класс эксплоататорский, враждебный пролетариату».

Этот же анархист оценивает махаевцев так: «Махаевцы не могли стать авангардом массового движения, так как вся их программа была почти исключительно отрицательной. Те самые причины, которые загубили «экономизм», свели на-нет зубатовщину, нанесли смертельный удар и махаевщине. Политическая борьба исторически необходима, и *махаевцы своим отрицанием политики сами себя поставили вне истории*».

Для товарищей, недостаточно знакомых с историей революции в России, напомним, что русские «экономисты» в конце 90-х годов уговаривали рабочих отказаться от политической борьбы с самодержавием, предоставив ее либеральной буржуазии. Зубатовщина была попыткой царской полиции направить рабочее движение в послушное царизму легальное русло и тем обезопасить его, отвлечь пролетариат от политической борьбы. Фактически анархизм махаевцев представлял нечто среднее между «экономизмом» и «зубатовщиной». Ведь писал же Махайский, что рабочие могут добиться заработной платы, равной с прибылью капиталистов. Махаевцы стремились оторвать рабочие массы от социалистической интеллигенции и тем играли наруку царским жандармам, которые иными средствами добивались того же самого. Все это говорилось махаевцами, несмотря на то, что они в конце 1904 г. и называли себя в Одессе анархистами-коммунистами.

Характерно, что лидерами организации были отнюдь *не рабочие*. Так, Николай Стрига (Владимир Лапидус), лидер одесских махаевцев, был выходцем из буржуазной среды.

Махаевщина была разоблачена и не имела широкого распространения в рабочем классе.

Большевики боролись против махаевщины, так как она отвлекала рабочих от борьбы с истинными врагами революции, с врагами социализма. Верно, что значительная часть интеллигенции при царизме в России служила царю, помещикам и капиталистам. Но не мало было в царской России и революционно настроенной интеллигенции, участвовавшей в революции беззаветно, целиком отдававшей свои силы рабочему классу. Махаевцы мешали рабочим разглядеть друзей революции среди этой интеллигенции. Они изображали дело так, что рабочему классу интеллигенция не нужна. *Они пытались не допустить внесения социалистического* сознания в рабочее движение и тем самым пытались разоружить рабочий класс идейно. Махаевцы даже оправдывали деклассированные элементы, хулиганов и босяков, помогавших черносотенцам устраивать погромы против евреев и нападать на участников политических демонстраций: в этих хулиганских черносотенных выступлениях махаевцы тоже видели борьбу «ручных рабочих» против «умственных рабочих», то-есть против интеллигенции. Там, где большевики имели сильные организации, махаевцы не пользовались никаким влиянием. В тюрьмах и на каторге махаевцев нередко поддерживали уголовные преступники и бандиты.

Правда, на другой день после Октябрьской революции значительная часть буржуазной и мелкобуржуазной интеллигенции оказалась враждебной советской власти. Эта часть интеллигенции, поддерживаемая контрреволюционерами, меньшевиками, эсерами и кадетами, организовала саботаж, забастовки учителей, инженеров и т. п. Естественно, что в эти первые месяцы и в период гражданской войны значительная часть рабочих питала недоверие к интеллигенции за ее саботаж и борьбу против социалистической революции.

Однако этот саботаж был сломлен. Подавляющая масса советской интеллигенции стала активно участвовать в социалистическом строительстве. За годы революции выросла новая интеллигенция из рабочих и крестьян. Эта интеллигенция Страны социализма—совсем особая интеллигенция, какой не знает ни одна страна в мире.

А между тем среди рабочих, даже среди части коммунистов, проявляется еще неправильное, махаевское отношение к интеллигенции. Нередко еще к интеллигенции кое-где относятся как к людям «второго сорта».

Партия большевиков решительно борется против такого дикого, хулиганского, махаевского отношения к интеллигенции. Социалистическое общество нуждается в своей интеллигенции во всех областях социалистического строительства. Партия коммунистов и советская власть ставят своей ближайшей задачей сделать всех рабочих и крестьян СССР образованными, интеллигентными людьми.

Поэтому коммунистическая партия и сегодня решительно борется с малейшими проявлениями махаевщины.

* * *

Одним из течений анархизма в России в 1905—1907 гг. было течение «безначальцев», имевшее свой печатный орган «Безначалие». В программной статье первого номера этого органа говорится, что на своем черном знамени анархисты должны написать: «Беспощадная кровавая народная расправа. *Признание краж и всяких открытых нападений на лавки и дома, совершаемых угнетенными классами*».

Другая фракция русских анархистов называлась «чернознаменцами». Их орган «Бунтарь» в передовой первого номера писал, обращаясь к безработным: «Организуйтесь и вооружайтесь! Нападайте на магазины и организованно берите предметы первой необходимости. *Так* пусть прозвучит ваше требование хлеба».

Конечно, напасть на отдельного мелкого лавочника, ограбить частную квартиру легче, чем вести организованную классовую борьбу *со всем классом капиталистов, со всем классом помещиков*. Легче было напасть на отдельного агента царской власти, чем нападать на царское самодержавие в целом, организовав массы для свержения царизма. Но такая деятельность еще очень далека от революционной, а чаще всего не имеет ничего общего с революционной деятельностью.

Следует отметить, что анархисты вели свою работу не среди наиболее организованных, классово сознательных рабочих, а среди мелкой разоряющейся буржуазии, среди мелкобуржуазной интеллигенции, среди люмпен-пролетариата, иногда среди уголовных: ведь для кражи и нападения на лавки и дома уголовный бандит и шулер вполне подходят! Тут не надо никакой идейности. Но если мы вспомним, что сам Бакунин считал разбойников лучшими революционерами, тогда нам станет понятно, почему русские анархисты так формулировали свои задачи.

Эти задачи очень откровенно сформулировал на одном из собраний лидер одесской группы анархистов-коммунистов Гершкович, который заявил, что анархисты-коммунисты говорят рабочим: «Режь, грабь, бей, не надо никаких союзов, никаких организаций: грабь, режь, бей». К этой «программе» мог присоединиться любой уголовный громила.

Судите сами, какой огромный вред принесла рабочим России такая проповедь там, где ей не было противопоставлено слово действительно революционной партии большевиков-марксистов, которые строили в самых трудных условиях борьбы, шаг за шагом рабочую партию и учили пролетариат по-настоящему, организованно, сознательно бороться против его классовых врагов.

Сами анархисты в обращении «К товарищам анархистам» («Черное знамя» № 1 за 1905 г.) дали такую убийственную оценку своей теории: «Элементы утопического идеализма, отрывки мысли XVIII века смешиваются с современными «прогрессивными» теориями», и все это местами пронизано лучами классовой теории». И такую-то вредную для пролетариата мешанину анархисты выдавали и выдают за передовое учение пролетариата!

Тактика индивидуального и экономического террора, которую практиковали анархистские группки и анархисты-одиночки, могла создавать у части рабочих вредную иллюзию, что за нее ведут борьбу анархистские «герои». Она притупляла сознание рабочей массы, гасила ее активность.

Автор этой брошюры летом 1906 г. работал в большом промышленном центре—Екатеринославе (теперь Днепропетровск), где была довольно большая группа анархистов-коммунистов. Анархисты убили директора машиностроительного завода Шадуара, на самом заводе они не принимали никакого участия в борьбе рабочей массы (в это время на заводе происходила стачка), а, наоборот, расстраивали организацию рабочих. В результате анархисты внесли раскол в рабочую массу, и через некоторое время рабочие вынуждены были возобновить работу на заводе на *худших условиях.* Провокаторы не могли бы принести большего вреда, чем принесли анархисты рабочим Екатеринослава.

Особенно же большой вред рабочему движению принесли акты «безмотивного террора», рассчитанные анархистами якобы на то, чтобы напугать буржуазию. Вот как описывает анархист Новомирский действие такого акта:

«17 декабря (1905 г.) группа чернознаменцев... организовала нападение на кафе Либмана. Чернознаменцы думали дать один из образцовых актов «безмотивного» террора. Нельзя было придумать более неудачного акта для пропаганды этой теории. Кафе Либмана—второклассный ресторан, который посещали отнюдь не крупные богачи, а люди самых различных классов, вплоть до мелких служащих и захудалых интеллигентов. Кроме того, и самый акт был исполнен чрезвычайно неудачно: бомбу бросили на улице, и она, конечно, ничего кроме шума не произвела. Рабочие с недоумением спрашивали друг друга: «Что означает это швыряние бомб в обыкновенный ресторан?» Никто не верил, что это дело революционеров. Я лично был в толпе, собравшейся после взрыва, и слышал, что говорили рабочие: «Неужели теперь революционерам нечего делать, как только бросать бомбы в рестораны? Разве царское правительство свергнуто, разве власть буржуазии уничтожена? Наверно бомбу бросили черносотенцы[1], чтобы дискредитировать революционеров».

Рабочие в массе своей были *выше* анархистских методов борьбы и анархистских теорий. Руководимые большевиками, рабочие понимали лучше анархистов, за что бороться и как бороться. Но отсталая часть рабочих кое-где была сбита с толку анархистами и стала на путь мелких террористических актов и грабежей. В 1907 г. в Варшаве во время стачки сапожников анархисты призвали к экспроприации собственности хозяев, эта экспроприация выразилась в простом расхищении обуви из мастерских *в свою пользу* более ловкими на этот счет ремесленниками, и никакой «экспроприации экспроприаторов» из этого не получилось.

---

[1] Черносотенцами называли членов монархических, контрреволюционных союзов—«Союза русского народа», «Михаила-архангела» и примыкавших к ним.

Получилось то, что анархистское знамя прикрыло шайки уголовных бандитов, вроде нашумевшей в свое время в Одессе шайки «Черного ворона», совершившей ряд ограблений от имени анархистов.

Такова теория и практика так называемых активных анархистских групп.

Недалеко от описанных групп ушла и группа «Хлеб и воля», организованная П. Кропоткиным и другими анархистами в Лондоне и имевшая сторонников в России. Эта группа также проповедывала возможность прямого перехода в «анархистское тысячелетие», также отрицала необходимость создания самостоятельной партии рабочего класса, отрицала участие рабочего класса в политической борьбе и т. д.

Описанными течениями не исчерпывается анархизм в России в период революции. Таких течений было не мало. Вот как один из участников анархистского движения описывает разнообразие «оттенков» анархизма: «Бомбы безмотивного террора и толстовское «не убий»; революция и пассивное сопротивление; отказ «безначальцев» участвовать в производстве, чтобы не быть эксплоатируемыми, и стачка; оправдание «безначальцами» краж у капиталистов и социальная экспроприация эксплоататоров,—это тоже несовместимые формы прямого действия,—это дистанция от зверя до ангела...» Этот анархист забывал только, что настоящую революцию делают не звери и не ангелы, а трудящиеся люди.

Мы не останавливаемся подробно на всех этих течениях анархизма. Толстовство как анархистское течение здесь стоит несколько особо, как учение о непротивлении злу насилием.

Таковы итоги анархистского движения в период первой революции в России.

В отличие от анархистов большевики сумели пустить такие глубокие корни в рабочем классе, что никакие репрессии не могли уничтожить марксистско-ленинское революционное движение.

Царизм преследовал представителей революционной рабочей партии большевиков. Не мало большевиков было убито и казнено во время революции, тысячи их были отправлены на каторгу, в ссылку, заточены в тюрьмы. В самую тяжелую эпоху реакции большевики не свернули своего революционного знамени, не отказались от подготовки нового вооруженного восстания, которое под руководством большевиков в феврале—марте 1917 г. покончило с царской монархией и явилось прологом к Великой Октябрьской социалистической революции.

III

АНАРХИСТЫ ВО ВРЕМЯ ИМПЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ВОЙНЫ (1914—1918 гг.)

В годы после поражения революции 1905 г. только одна партия рабочего класса—большевистская партия в тяжелых условиях столыпинской реакции использовала все и всякие легальные возможности (от профсоюзов, страховых касс до думской трибуны) и неустанно собирала силы для нового наступления на царское самодержавие. Меньшевики стали ликвидаторами, они отказались от революционной борьбы и подпольной партии. Анархисты, которые и в революцию 1905 г. отказывались участвовать в массовом революционном движении, в годы реакции еще больше занимались экспроприацией, сливаясь с уголовщиной, нанося вред революционной борьбе масс.

Во время империалистической войны 1914—1918 гг. *последовательно революционное отношение к хищнической империалистической войне показала только партия большевиков.*

Сколько было вынесено прекрасных постановлений и конгрессами II Интернационала и конгрессами анархистов о том, как они исполнят свой интернациональный долг, если будет объявлена империалистическая война! При этом надо напомнить, что анархисты до этого даже упрекали марксистов в умеренности и оппортунизме. Но вот разразилась война. Наступил час, когда надо было не на словах, а на деле показать свое революционное отношение к войне, затеянной хищниками—империалистами Германии, России, Франции, Англии, Японии и других стран в целях передела мира. Конечно, буржуазия каждой страны старалась представить дело так, что на нее напали и что она защищает культуру против варварства и милитаризма другой страны, что она защищает «отечество». Буржуазия старалась изо всех сил привлечь на свою сторону вождей рабочих организаций. Почти во всех странах вожди социалистических партий—Гэды, Вальяны, Плехановы, Шейдеманы, Каутские, Носке и др.—стали на сторону «своей» буржуазии.

Что же сделали в этот момент анархисты?

Может быть, они объявили всеобщую стачку? Может быть, они призвали массы рабочих, крестьян, солдат и матросов к вооруженному восстанию против виновников войны? Нет, *они, вожди анархистов, почти все поступили совершенно так же,*

как поступили и соглашатели, ренегаты, предатели рабочего класса из партий меньшевиков и эсеров.

Анархист Петр Кропоткин занял такую же позицию, как и меньшевик Плеханов, как Жан Грав, Корнелиссен, Густав Эрве. Все эти люди, из уст которых до войны звучали призывы к «классовой войне», к революции, *к немедленному* введению коммунизма, стали проповедывать классовый мир, превратились, говоря словами анархиста Ге, *в социал-траншейников*. Французский анархист Эрве стал шовинистом и свою газету «Социальная революция» переименовал в «Победу». Такой анархист, как Петр Кропоткин, выступил в буржуазной печати России с откровенной защитой царизма и империалистических правительств Англии и Франции в империалистической войне. Реформисты и анархисты были оборонцами, социал-шовинистами. В 1915 г. из Сибирской ссылки Сталин писал Ленину, что русские реформисты и анархисты (Плеханов и Кропоткин) одинаково защищают оборонческую позицию. Ленин с возмущением писал тогда, обозревая поведение вождей рабочих организаций:

«Виднейшие анархисты всего мира не менее, чем оппортунисты, опозорили себя социал-шовинизмом (в духе Плеханова и Каутского) в этой войне»[1].

Единственной организацией, оставшейся верной рабочему классу, была партия Ленина—Сталина, партия большевиков. Как только началась война, Ленин стал собирать во всем мире единомышленников—тех, кто не шел на гражданский мир с буржуазией. На его призыв откликнулись такие пролетарские революционеры, как Карл Либкнехт, Роза Люксембург и др.

В России, несмотря на то, что царское правительство, получив поддержку меньшевиков и эсеров, обрушилось репрессиями на большевиков, послало на каторгу рабочих депутатов Государственной думы—большевиков,—партия большевиков вела революционную работу в массах рабочих, крестьян, солдат и матросов.

Партия большевиков сплачивала массы рабочих и крестьян под лозунгом превращения империалистической войны в войну гражданскую и подготовила массы к свержению царизма.

---

[1] *Ленин*, т. XVIII, стр. 204—205.

IV

РУССКИЕ АНАРХО-СИНДИКАЛИСТЫ В ПЕРИОД ПРОЛЕТАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

В октябре 1917 г. в России большевики подняли массы рабочих, крестьян, солдат и матросов на Великую *социалистическую* пролетарскую революцию. Несмотря на то, что против нее были *все другие партии*, в том числе и так называемые «социалисты»—меньшевики и эсеры и большинство анархистов, пролетарская революция победила, начав новую, полную величия, героизма и успехов эпоху социализма. Участвовали ли в этой борьбе анархисты? Анархисты, как и в 1905 г., считали грехом участвовать в борьбе за какую бы то ни было *власть*, в том числе и в борьбе *за рабоче-крестьянскую власть*. А без организации власти победивший народ был бы тотчас же раздавлен, потому что против большевиков, против пролетарской революции были не только все другие партии в России, не только вся буржуазия России и ее слуги, но и вся *международная буржуазия*. 14 капиталистических государств организовали интервенцию и экономическую блокаду против вновь возникшего государства. Плохо вооруженная, голодная, разутая, раздетая Красная Армия разгромила силы внутренней контрреволюции и силы международных империалистов-интервентов. Народы Советского государства отстояли свою страну, укрепили диктатуру пролетариата.

Они сделали это под руководством *коммунистической партии*. Основную силу, которая организовала отпор, которая действовала героически в самых опасных местах, составляли коммунисты и комсомольцы. *Больше половины всех коммунистов и комсомольцев было мобилизовано в армию; в прифронтовой полосе все поголовно коммунисты и комсомольцы входили в Красную Армию*. Крупнейшие военные руководители-коммунисты выделились в великой четырехлетней гражданской войне из среды народа и воспитались под руководством Ленина и Сталина: Ворошилов, Фрунзе, Киров, Куйбышев, Чапаев, Щорс, Буденный, Щаденко и сотни, тысячи других героев гражданской войны.

Помогали ли нам в этом анархисты? Нет. Они были врагами пролетарской диктатуры, они были в стане контрреволюции. Возьмем русских *анархо-синдикалистов*, которые во многом позаимствовали свои теории и свою практику у французских, испанских, итальянских анархо-синдикалистов.

В революции 1905 г. в России идеи анархо-синдикализма не играли никакой роли, но в профессиональных организациях, несомненно, участвовали и анархо-синдикалисты. Некоторые идеи анархо-синдикалистов нашли подготовленную почву как раз у реформистского, оппортунистического, соглашательского крыла русских социал-демократов—у меньшевиков. Например, меньшевики отстаивали вредную для рабочего класса идею *нейтрализации* профсоюзов. Они настолько переоценивали роль и значение профсоюзов, что предлагали создать «широкую рабочую партию». В эту партию, по мысли меньшевиков, должны были войти и все профсоюзы, кооперативы и другие *непартийные* организации. Против такого смешения профсоюзов и партии боролись большевики.

Что же представляли собой анархо-синдикалисты в России?

Анархо-синдикалисты в России в первые годы пролетарской диктатуры издавали газеты: «Голос труда», «Вольный голос труда», «Труд и воля» и др. В августе и ноябре 1918 г. они провели две легальные конференции своих группочек. Они выступали на рабочих собраниях, но сколько-нибудь серьезного влияния на рабочие массы не имели, за исключением Московского союза пищевиков (булочников), где у них насчитывалось несколько десятков сторонников. По существу, это были маленькие группки, главным образом интеллигентов, которые то объединялись, то разъединялись.

В 1920 г. в Москве создалось объединение анархо-синдикалистов с анархистами-коммунистами в единый *«Союз анархо-синдикалистов-коммунистов г. Москвы». Но этот союз через несколько недель сам собою распался.*

Часть анархо-синдикалистов пыталась освободиться от бакунинского анархистского отношения к государству и принять участие в строительстве нового общественного строя. Но в то же время анархо-синдикалисты брали под защиту такие действия анархистов, как захват в свои руки отдельных домов группами налетчиков, действовавшими под флагом анархизма, брали под защиту действия махновцев, которые были направлены против революции.

Здесь мы остановимся на упреке, который делают нам часто анархисты, в том числе и испанские, что в начале революции большевики прекратили *самочинный захват домов в свою пользу* отдельными вооруженными группами. Это было сделано в интересах пролетарской революции.

Как было дело?

В то время как большевики с оружием в руках боролись против белогвардейских отрядов, анархисты и быстро примазавшиеся к ним уголовные бандиты захватывали особняки и грабили находящиеся в них ценности в свою пользу. Большевики и все сознательные трудящиеся, рабочие и крестьяне считали достояние буржуазии достоянием *всего народа*, а не той или иной группы, которой удалось вооружиться. Вскоре выяснилось, что анархисты и примкнувшие к ним уголовные преступники захватили

оружие: ружья, бомбы, пулеметы и даже пушки, укрепили отдельные особняки в Москве (26 домов), в Ленинграде, Харькове и превратили их в крепости, откуда совершали *вооруженные налеты* на квартиры, рестораны и на отдельных граждан, обыскивали, отбирали имущество и делили между собою награбленное. Иногда грабители надевали на себя форму чекистов и производили свои грабежи и налеты под видом обысков якобы от имени ВЧК. Мог ли терпеть рабочий класс такой безобразный «порядок»? Не грозило ли это гибелью революции? Проливший столько крови в трех революциях, вынесший столько страданий, впервые в истории сбросивший власть эксплоататоров, рабочий класс молодой Советской республики и передовой его отряд—коммунистическая партия совершили бы величайшее преступление перед революцией, если бы не предотвратили такие вреднейшие для революции действия. Поэтому оружие у таких элементов было отнято и отправлено на фронт, а уголовные бандиты были разоблачены и понесли наказание.

Горе было бы испанской революции, если бы республиканцы у себя допустили подобного рода использование оружия. И мы видим, что анархисты Испании, хотя и не сразу, но сознают необходимость учета всего оружия и вооружения им прежде всего тех и только тех, кому оружие это необходимо для организованной борьбы против мятежников, контрреволюционеров.

Да, мы, большевики, боролись против русских анархо-синдикалистов именно потому, что анархо-синдикалисты в России не только не сознавали необходимости помогать революции и не помогали ей, а действовали наруку врагам. Возьмем, например, *отношение русских анархо-синдикалистов к Красной Армии*. В циркулярном письме № 3 «О работе Красной Армии» исполнительное бюро «Российской конфедерации анархо-коммунистов» советовало *разлагать* Красную Армию, возводило контрреволюционную клевету на армию пролетарской диктатуры, армию, которая защищает интересы трудящихся всего мира. Но разве с легкой руки русских анархистов и в других странах, в том числе и в Испании, анархисты не писали о Красной Армии во враждебном духе? Разве они не доказывали, что обойдутся во время революции без такой армии? И разве их проповедь *против* такой армии не сыграла отрицательной роли? К счастью для революции, анархисты в Испании видят теперь, что большевики-коммунисты и в этом вопросе оказались абсолютно правы, и анархисты Испании *сами помогают* теперь строить армию для защиты испанской революции, для разгрома фашизма, для подавления врагов революции.

Исходя из бакунинских, анархистских теорий, что *всякое государство*—зло, что надо бороться против всяких государственных учреждений, русские анархо-синдикалисты (а вместе с ними и анархисты других стран) проглядели, что Советское государство создано в интересах трудящихся, рабочих и крестьян. Долг каждого революционера «на другой день после революции» принять самое активное участие в творчестве новых форм жизни, в ее орга-

низации. Но не так отнеслись к этому русские анархисты. Та же «Российская конфедерация анархистов-коммунистов» в циркулярном письме № 8 «О работе в советских учреждениях» призывала бить по системе в целом, а на работу в советском учреждении смотреть как на работу у капиталистов.

Это заявление анархистов чудовищно. Они его сделали в самое трудное для молодой Советской республики время. Русские анархисты поставили себя по отношению к Советскому государству, в такое же положение, как и вредители из буржуазного лагеря.

Наконец, весной 1921 г. в Москве анархо-синдикалисты созвали совещание, на котором признали необходимым вести подготовку к вооруженному восстанию против советской власти. Они вступили в блок с «левыми» эсерами, вместе с которыми «анархисты подполья» еще раньше, в августе 1919 г., бросили бомбу в собрание ответственных работников-коммунистов г. Москвы в Леонтьевском переулке, которой было убито 13 коммунистов и несколько десятков ранено. И это контрреволюционное совещание состоялось уже после того, как Красная Армия разгромила армии белогвардейцев и интервентов и победила в гражданской войне.

Такова была контрреволюционная деятельность анархо-синдикалистов в России. Что удивительного в том, что за ними не пошли рабочие, что от них с презрением отвернулись трудящиеся? Анархо-синдикалисты в России не дали ни одной плодотворной мысли, не совершили ни одного революционного дела. Все их действия вредили революции. К счастью для революции, анархисты не имели широкого и глубокого влияния, не имели глубоких корней в массах. Их слабенькие организации поэтому распались.

Испанские анархисты в «Солидаридад Обрера» упрекали нас, русских большевиков, в том, что мы боролись против анархистов в целях защиты революции. Они выдумали даже, что большевики в Петрограде разрушили рабочий квартал, где собирались вожди анархистов. Мы не знаем, откуда они почерпнули эти сведения. Мы заявляем категорически, что это неправда, так как никогда большевики ни в Петрограде, ни в других городах не разрушали рабочих кварталов. Большевики разоружали только тех, кто оружие захватывал и использовал не для борьбы против врагов революции, а во вред единому фронту трудящихся. Так и только так должны поступать и сами анархисты в Испании и в других странах, если хотят победы революции, а не победы фашизма.

К счастью для испанской революции, и в этом вопросе испанские анархисты не пошли за русскими анархистами: не стали бойкотировать и саботировать организации республиканского правительства, как это предлагали русские анархисты, исходя из учения Кропоткина, Бакунина и других учителей анархизма. Мы можем только приветствовать такую перемену в точке зрения на участие в органах власти и сотрудничество с другими организациями, полезными революции: такая перемена *содействует* сближению анархистов и коммунистов.

* *
*

Разгромив белые банды и интервентов, Советская страна переходила к мирному хозяйственному строительству, переходила от политики военного коммунизма к нэпу.

Это был крутой поворот в истории нашей страны и коммунистической партии. Надо было преодолеть хозяйственную разруху, развернуть упорную работу по построению социалистического общества. Для этого надо было заменить продразверстку продналогом, допустить на известное время частную торговлю, добиться оживления промышленности, вовлечь во всю эту работу самые широкие слои трудящихся, убедить их, что хозяйственная разруха является таким же опасным врагом народа, как интервенция и блокада. Надо было укрепить пролетарскую диктатуру, преодолеть назревавший политический кризис в стране, укрепить государственное руководство рабочего класса крестьянскими массами. Необходимость такого поворота и задачи, связанные с ним, для ЦК партии большевиков были ясны. Но против линии ЦК партии большевиков выступили все оппозиционные, антипролетарские группочки и группки: троцкисты, «рабочая оппозиция», «левые коммунисты», «демократические централисты» и т. д. Борясь против ленинской политики, они хотели использовать трудности для того, чтобы сбить партию с правильных ленинско-сталинских позиций и привести страну к реставрации капитализма. Нашлись люди, которые хотели в эти дни протащить в партию большевиков анархо-синдикалистские взгляды, навязать ей анархо-синдикалистскую линию. Это была группа «рабочей оппозиции» Шляпникова, Медведева и др.

Название «рабочая оппозиция» было неправильное, так как вся дальнейшая борьба показала, что в лице «рабочей оппозиции» Шляпникова, Медведева и др. мы имели *мелкобуржуазную группировку*, враждебную диктатуре пролетариата и пролетарской революции, скатившуюся затем в лагерь фашизма. Эта «рабочая оппозиция», перед X съездом большевистской партии (1921 г.), доказывала, что главной, основной организацией рабочего класса является не партия, а профсоюз. Управление хозяйством всей страны они предлагали отдать в руки органам, выбранным «съездом производителей». В России это означало бы, что не организованный передовой социалистический пролетариат, не пролетарское государство, а 25 миллионов распыленных мелких крестьянских хозяйств фактически взяли бы в руки все хозяйство— ведь мелкий крестьянин тоже «производитель». Не трудно видеть в этих предложениях анархо-синдикалистскую линию: ведь анархо-синдикалисты в Испании и Франции тоже считали, что синдикаты, т. е. профсоюзы, должны взять в свои руки все производство в городе и деревне, что профсоюзы—главная, основная организация пролетариата, поэтому они боролись против завоевания политической власти пролетариатом, против диктатуры рабочего класса.

Х съезд партии большевиков осудил «рабочую оппозицию» и объявил пропаганду ее взглядов несовместимой с принадлежностью к большевистской партии. Ленин дал резкую оценку этой группировке, указав на то, что нападки на партию со стороны этой группы подрывают диктатуру пролетариата и помогают контрреволюционной буржуазии.

Нельзя забывать, что как раз во время X съезда большевистской партии происходил *Кронштадтский мятеж* против советской власти, поддержанный белогвардейцами и всей русской буржуазией.

Анархисты не раз брали под защиту кронштадтских мятежников. Орган испанских анархистов «Солидаридад Обрера» в номере от 29 сентября 1936 г. писал, что «в Испании не может возродиться характерная черта русской большевистской диктатуры», что «не повторится и история Кронштадта, этого анархистского города, совершенно разрушенного красными солдатами».

Мы тоже хотели бы думать, что в Испании анархисты не совершат тех преступлений против революции, которые совершили анархисты в России.

Прежде всего надо отметить, что Кронштадт никогда, ни в революцию 1905 г., ни в революцию 1917 г., не был *анархистским* городом. Кронштадтские моряки сыграли большую революционную роль в подготовке и проведении Великой Октябрьской социалистической революции и в гражданской войне. Их руководителями тогда были *большевики*, и большинство моряков было на стороне большевиков. Однако те матросы, которые отстояли революционный Кронштадт против войск Керенского и Юденича, ушли на фронт, а в Кронштадт в 1919—1920 гг. пришли *новые* моряки, главным образом *из деревни*, принесшие с собою недовольство крестьянина, жаждавшего отмены продовольственной разверстки. В Кронштадте свила себе гнездо контрреволюционная организация, боровшаяся против коммунистов, против диктатуры пролетариата. Фактическими руководителями этой организации, тайно действовавшими, были *белогвардейцы*. Руководил восстанием *белогвардейский* генерал Козловский. *Белогвардейский* эмигрант кадет Милюков писал, что надо поддержать лозунг мятежников: «Да здравствуют советы без коммунистов». Это требование приближалось к лозунгу анархистов «безвластные советы» и, другими словами, означало: да здравствуют «советы» из меньшевиков, эсеров, кадетов и кого угодно *против коммунистов, против пролетарской диктатуры,* против социализма, за капитализм.

Время для молодой Советской республики было крайне опасное. Шутить и медлить с решительными мерами против мятежников было преступно. Кронштадт—ключ к Ленинграду. Отдать Кронштадт в руки мятежников значило подвергнуть опасности революцию, снова годы и годы проливать кровь. Надо было во что бы то ни стало отстоять с оружием в руках такие важнейшие пункты, как Кронштадт, Ленинград. Мы уверены, что испанские анархисты поступили бы теперь с такими мятежниками

точно так же, как поступили большевики в 1921 г., т. е. заняли бы с боем мятежную крепость и выгнали оттуда мятежников.

Затем надо прямо сказать испанским анархистам, что им рассказывают в анархистской печати сказки, будто Кронштадт был разрушен большевиками. Кронштадт и сейчас неприступная крепость СССР. Но когда весною 1921 г. белогвардейским мятежникам удалось занять Кронштадт, большевики не остановились перед трудностями, чтобы взять эту крепость. Героическим ударом, идя по весеннему, хрупкому льду, неся на руках орудия и проваливаясь иногда под лед, красноармейцы под руководством большевиков взяли смелой атакой опорные пункты мятежников и выбили их из Кронштадта. За несколько дней своего господства мятежники посадили в тюрьму сотни большевиков; они наводили террор на людей, преданных социалистической революции. Все белогвардейские буржуазные газеты капиталистических стран тогда прославляли мятежников. Где же вы видели, чтобы капиталисты хвалили своих врагов? Они хвалили мятежников Кронштадта, потому что мятежники делали и защищали их дело, дело капиталистов.

Вот в чем правда о Кронштадте.

Вы спросите: а какая же связь Кронштадта с анархо-синдикалистами? Связь та, что и анархо-синдикалисты из «рабочей оппозиции» и группа анархистов-синдикалистов, выступавшая самостоятельно,—«Российская конфедерация анархо-синдикалистов» фактически поддерживали кронштадтских мятежников. X съезд партии большевиков отметил в своем решении, что «буржуазная контрреволюция и белогвардейцы во всех странах мира сразу выявили свою готовность принять лозунги даже советского строя, лишь бы свергнуть диктатуру пролетариата в России». Съезд принял резолюцию о синдикалистском и анархистском уклоне в большевистской партии, где указал, что анархистские и синдикалистские настроения среди части коммунистов вызваны «отчасти вступлением в ряды партии элементов, не вполне еще усвоивших коммунистическое миросозерцание, главным же образом уклон этот вызван воздействием на пролетариат и на РКП мелкобуржуазной стихии, которая исключительно сильна в нашей стране и которая неизбежно порождает колебания в сторону анархизма, особенно в моменты, когда положение масс резко ухудшилось вследствие неурожая и крайне разорительных последствий войны и когда демобилизация миллионной армии выбрасывает сотни и сотни тысяч крестьян и рабочих, не могущих сразу найти занятий и средств к жизни».

Какова же судьба этих анархо-синдикалистов, пытавшихся воздействовать на ход революции *внутри* ВКП(б)? Дальнейшая их деятельность показала, что мы имели в лице «рабочей оппозиции», выступавшей под анархо-синдикалистским флагом, перекрасившихся *меньшевиков, реставраторов капитализма, врагов коммунизма*. Все их дешевенькие разговоры о равенстве, все

их лицемерные крики о том, что они защищают рабочий класс, оказались *маскировкой врага.*

Анархисты могут сказать: зачем же вы нам *навязываете* таких анархо-синдикалистов? Нет, мы их не навязываем анархистам. Но это ведь факт, что «рабочая оппозиция» нашла полную поддержку среди анархистов. Ее литература, как «Манифест рабочей оппозиции» А. Коллонтай, была переведена на другие языки и распространена анархистами. Но хуже всего было то, что русские анархисты вошли в анархистский «совет действия», который объединил в дни Кронштадтского мятежа анархистов со всеми антисоветскими организациями. Значит, анархисты были не в рядах революционного пролетариата, а против него, они были с теми, кто боролся с рабоче-крестьянской советской властью.

V

«ФЕДЕРАЦИЯ АНАРХИСТСКИХ ГРУПП» В РОССИИ. ГРУППА «НАБАТ» и НЕСТОР МАХНО. «АНАРХИСТЫ ПОДПОЛЬЯ»

Несомненно, крупной фигурой анархистского движения в России в период пролетарской диктатуры являлся Нестор Махно, а то, что вошло в историю гражданской войны в России под именем «махновщины», представляет наивысшее проявление анархистской теории и практики. Поэтому нельзя говорить об анархизме в России, не разобрав подробно деятельности Махно и махновцев, не показав, как выглядит учение анархизма в его практическом применении «на другой день после революции»,—не в книжках и статьях, а в массовых действиях.

Прежде всего несколько слов о самом Махно, которого испанские анархисты еще в 1936 г. в «Солидаридад Обрера» назвали «нашим товарищем в России». Если бы все испанские рабочие знали всю правду о Махно, вряд ли «Солидаридад Обрера» могла бы назвать его «нашим товарищем».

До Октябрьской революции Махно, будучи сельским учителем на Украине, вступает в группу крестьянской молодежи, которая проводила мелкие нападения на помещиков, на администрацию, занималась грабежами и убийствами. Махно был приговорен за это к каторге, когда ему было 19 лет. С каторги Махно был освобожден февральско-мартовской революцией 1917 г., совершенной рабочими и крестьянами-солдатами, но, во всяком случае, *не анархистами*. В тюрьме Махно познакомился с учением анархистов. Вернувшись на свою родину—в зажиточный крестьянский район Гуляй-Поле, на Украине, где было большое количество кулаков, Махно вначале даже не знал, к какому лагерю примкнуть. Только в 1918 г., когда на Украину пришли интервенты—австро-немецкие войска, Махно определился в Гуляй-Поле как анархист.

Став во главе организации, созданной для отпора интервентам, Махно стал приобретать популярность среди крестьян окружающих районов. В то же время к нему стали стекаться анархистские деятели, особенно из группы «Набат»: Барон, Волин, Аршинов, Глагзон и др. Они старались руководить движением, дать ему идеологически анархистское обоснование.

Оговоримся заранее: мы отнюдь не считаем махновское движение с самого начала его возникновения, во все его моменты

враждебным революции. Были моменты, правда кратковременные, когда Махно и махновцы помогали революции.

Но если взять все движение в целом, то оно, безусловно, сыграло вредную роль для пролетарской революции, и преступления, совершенные махновцами, так велики и позорны, что «махновщина» вошла в сознание масс в СССР как безудержный кулацкий бандитизм, от которого прежде всего страдали пролетарская революция и ее защитники.

Несомненно, что летом 1918 г., когда Махно действовал заодно с советской властью и Красной Армией в организации повстанческого движения на юге Украины, вокруг Гуляй-Поля, против войск гетмана и австро-германской оккупации, он принес пользу революции, ибо действовал тогда заодно с Рабоче-Крестьянской Красной Армией и советской властью. Но это продолжалось недолго, и сам Махно очень быстро свел на-нет ту небольшую пользу, которую он оказал в первоначальный период.

В конце 1918 г. Махно помог восставшим рабочим Екатеринослава (теперь Днепропетровск) выбить из города белогвардейцев. *Это был первый большой успех анархистской «армии» Махно.* Посмотрим же, что сделали анархист Махно и его «армия» в занятом большом рабочем центре. Анархисты в своей литературе стараются умолчать, что восставшие екатеринославские рабочие, при помощи которых Махно занял Екатеринослав, были не анархистами, а большевиками. Причем, и это надо сказать, Махно пришлось упрашивать, чтобы он помог большевикам разгромить белогвардейцев. Перед занятием Екатеринослава, при переговорах с партийной организацией большевиков, Махно и часть его командиров колебались, не верили ни в свои силы, ни вообще в успех революции.

Но стоило только Махно со своей армией войти в город, как сказались все слабые, отрицательные стороны его недисциплинированного, анархистского отряда. Его партизанская «армия», привыкшая уже к грабежам, занялась безудержным разграблением Екатеринослава. Махновцы, в том числе и многие главари, перепившись, насиловали женщин, грабили и громили квартиры не только буржуазии, но и трудящихся. Распоясались, при явном попустительстве махновцев, антисемиты.

Что же делает в это время «батько» Махно со своими «сынками», со своим штабом? Эти «безвластники-анархисты» заседали и торговались с контрреволюционной организацией «левых» эсеров о том, *как организовать власть* и как разделить правительственные места. А в это время значительный отряд петлюровцев под командой полковника Самокиша ворвался в город, и пьяная орда махновцев обратилась в паническое бегство. Дезорганизованные этим бегством, рабоче-красногвардейские отряды не могли оказать сопротивления войскам Петлюры, и 2 тысячи рабочих и махновцев погибли на переправах через Днепр под огнем белогвардейцев-петлюровцев.

Анархия явилась не «матерью порядка», как проповедывали анархисты, а источником и причиной разгрома рабочих первым же отрядом петлюровцев.

Через месяц, в январе 1919 г., Екатеринослав был занят вновь, но уже советскими войсками, отрядами Рабоче-Крестьянской Красной Армии.

А что же делал в это время «батько» Махно со своей «армией»? Он отсиживался в Гуляй-Поле. Многие крестьянские партизанские отряды Махно просто-напросто разошлись по домам. Они проявляли «организованную недисциплинированность».

Мы не сомневаемся, что испанские рабочие и крестьяне, на себе испытавшие все тяжелые последствия такого отношения к дисциплине в армии, поймут, что *советская власть обязана была потребовать от Махно и его вооруженных отрядов подчинения общему военному командованию.*

В большой гражданской войне партизанские отряды играют положительную роль только тогда, когда они действуют согласованно с революционной армией, когда они помогают ей, когда они бьют врага в том направлении, в каком это необходимо в интересах общей борьбы.

А как поступил Махно, когда советская власть, заняв Екатеринослав, постановила соединить все партизанские отряды, в том числе и отряды Махно, с Красной Армией? Признал ли он необходимость единой военной организации, с единым командованием и единой дисциплиной? Нет, он не признал этой необходимости. Он не захотел подчинить интересы своих местных партизанских отрядов интересам пролетарской революции, всей страны, ему не было дела до интересов пролетарской революции в целом. При этом Махно действовал неискренно, хитрил, часто лицемерил. На словах Махно даже согласился признать командование Красной Армии. На деле же он попрежнему «творил», что хотел: реквизировал в свою пользу оружие, продовольствие, уголь, предназначенные для всей страны, срывал исполнение распоряжений органов советской власти, воздерживался от борьбы с явными врагами революции, заигрывал с ними. Отсюда и возникли его первые конфликты с советской властью.

Что советская власть намерена была принять сотрудничество с Махно и анархистами в борьбе против интервентов и белогвардейцев, видно из того, что командование Красной Армии назначило Махно командиром дивизии. Но действия Махно, его штаба и его отрядов были настолько отталкивающими, что от него стали уходить прежде всего бедняки и середняки—крестьяне и рабочие, которые видели, что Махно все больше связывается с кулацкими и бандитскими элементами, враждебными пролетарской революции и советской власти, ищущими в войне личной наживы.

Но это *перерождение* махновцев мало смущало анархистскую группу «Набат», в которую входили и анархо-коммунисты и анархо-синдикалисты, взявшие на себя идейное оправдание махновщины. На конференции анархистов в Курске весной 1919 г. выносится решение, что «украинская революция будет иметь значительные шансы быстро стать идейно социально-анархической». Это говорилось тогда, когда Махно стал уже центром

притяжения кулацко-бандитских элементов, оттолкнув от себя бедноту и рабочих.

Анархисты, не давая себе труда серьезно учесть соотношение классовых сил, считали, что можно *немедленно перейти к безвластному, анархистскому обществу*. Но, мол, им мешает пролетарская диктатура, советская власть. Поэтому Курская конференция анархистов заявила, что «анархист должен постоянно и упорно агитировать за создание *вместо* нынешних советов — истинных советов рабочих и крестьянских организаций, беспартийных и *безвластных*». Но всякому ведь понятно, что если создавать *другие советы* вместо созданных советской властью, то надо распустить уже созданные советы. А это в условиях гражданской войны и означало—*свергать* советы, это как раз было то, о чем мечтали белогвардейцы.

Агитация за создание безвластных советов вместо существующих советов рабочих и крестьянских депутатов, имеющих всю полноту власти, фактически могла означать только призыв к свержению советской власти.

Самое понятие *безвластный* совет—вреднейшая меньшевистско-белогвардейская выдумка. Первый съезд анархистов в Елисаветграде высказался «окончательно и категорически против вхождения» анархистов в советы, так как, дескать, это органы «демократического централизма, покоящиеся на началах власти, государственного управления и мертвящего централизма сверху».

Так анархисты в России подрывали пролетарскую диктатуру, так они вели борьбу против советов, так они настраивали и махновскую армию против советской власти и, таким образом, делали дело контрреволюции.

Тот же елисаветградский съезд анархистов высказался против Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Такой армией, по мнению анархистов, могла быть только партизанская, повстанческая армия, «организуемая снизу»,—под этим понимались бандитские армии Махно и ему подобных.

Анархисты отрицали, что в действительно народной, *пролетарской* революции, какая произошла в октябре 1917 г., армия пролетарской революции организуется и *сверху и снизу*. Но объединение этих сил революционной армии не может итти иначе, как посредством подчинения всех сил единому командованию, единому руководству. В России в период гражданской войны создавались в Сибири, на Дальнем Востоке, в Закавказье и в других районах крупные и мелкие *партизанские армии*. Они создавались по инициативе местных революционных деятелей из рабочих и крестьян, и нередко, отрезанные от сил регулярной Красной Армии, действовали на свой риск и страх. Но эти *партизанские отряды связывались с Красной Армией, старались получить* от ее командования директивы, согласовывали свою деятельность с Красной Армией, помогали ей, и, таким образом, удары ее в тылу врага имели огромное значение. История всех гражданских войн подтверждает ценность *такого* опыта

деятельности партизанских отрядов. Этот опыт гражданской войны в СССР должны всесторонне изучить и усвоить испанские товарищи.

Было бы неправильно, если бы все свои надежды трудящиеся Испании построили на деятельности партизанских отрядов. И это теперь поняли, повидимому, и те анархисты Испании, которые с самого начала противились созданию регулярной армии.

Достаточно взять речь анархиста Дуррути и речь анархистки Монтсени (конец ноября 1936 г.), когда последняя правильно заявила, что «единственный способ выиграть войну заключается в создании единой армии и настоящего единого командования».

Замечательный борец испанский анархист Дуррути показал *личным примером* образец отношения к революции. Товарищ Дуррути говорил по радио трудящимся Каталонии: «*Должна существовать единая организация с единой дисциплиной*».

К сожалению, в начале революции в Испании многие не понимали, что во время гражданской войны нужна строжайшая дисциплина всех трудящихся, борющихся против врагов. Именно это непонимание послужило к тому, что кое-кто защищал и восхвалял в Испании «организованную недисциплинированность». Находились люди, которые говорили: «Мы не хотим такой дисциплины, которая ограничивает мужество, интеллект и чувства». Находились люди, которые защищали право каждого отряда действовать только в таком направлении и такими методами, какие он сам найдет нужным, а не тогда и не в том направлении и не теми методами, какие требуют общие интересы борьбы, общие цели.

Вот и Махно и другие анархисты, действовавшие совместно с ним, проявили «такую организованную недисциплинированность», которая переросла неизбежно в кулацкую контрреволюцию.

Махновцы фантазировали и болтали насчет «безвластных вольных советов». Они повторяли, как попугаи, бакунинские фразы о вреде всякого государства, о вреде всякой диктатуры, в том числе и пролетарской. Они использовали и возглавляли малосознательные, шкурнические и кулацкие элементы, недовольные трудностями гражданской войны.

Трудящиеся Испании на своем примере видят, какие трудности выпадают на долю трудящихся во время гражданской войны и как враг может использовать для своей агитации против республиканского правительства эти трудности, во всем обвиняя правительство.

Когда в Советской России нехватало продуктов, спекулянты вздували цены, доставляя продукты через так называемых мешочников. Анархисты-махновцы взяли под свое покровительство кулаков, недовольных тем, что советское правительство брало у них излишки продуктов для снабжения голодных рабочих и бойцов на фронте. Анархисты-махновцы взяли под свою защиту мешочников и спекулянтов и в союзе с кулаками убивали работников продовольственных отрядов, нападали на сельские и городские кооперативы, грабили их. Они расхищали обще-

ственную собственность, громили организации снабжения, созданные на трудовые гроши рабочих и крестьян. Нападая на сельские и городские кооперативы, грабя их, махновцы тем самым показали, что они не только прикрывали флагом анархизма уголовно-бандитские элементы, но и сами действовали в союзе с ними. При этом они очень ловко использовали недовольство советской властью кулацких элементов—вообще людей, недовольных революцией. Такой революции, которая бы никого не обидела, не было и не может быть. Всякая революция, которая означает переход власти от одного класса к другому, означает крутую ломку экономических и политических отношений, задевает тех, кого она лишает власти, кого она лишает возможности легко наживаться, грабить, эксплоатировать массы.

Пролетарская революция в России задела многих. Она задела прежде всего всех помещиков, всех капиталистов, все духовенство, почти все старое чиновничество, большинство руководителей старой царской армии. Она задела довольно обширные слои, которые вели при царизме, при буржуазно-помещичьем строе паразитическое существование.

И не мудрено поэтому, что в то время повсюду вспыхивали контрреволюционные восстания недовольных пролетарской революцией. Но кто же были эти недовольные? Восставали те, которых революция лишала возможности заниматься эксплоатацией чужого труда. Анархисты-махновцы, зачислив кулаков в «трудовые массы», попытались идеологически оправдать кулацкие контрреволюционные восстания против советской власти, они сами организовывали эти восстания.

Этот переход махновцев к защите кулаков, мешочников, спекулянтов, против бедноты, против советской власти, против рабочих вызвал отход от Махно лучших людей, примкнувших вначале к его отрядам. Но окружавшие Махно главари-анархисты изображали этот отход так, что умирает революция. Анархист Барон писал: «Революция умирает. Вступает в свои права обнаглевшая реакция». На самом деле умирала не революция в России, а умирал русский анархизм, умирала «махновщина».

Нападки анархо-махновцев на советскую власть, поддержка ими кулачества, их нежелание признать необходимость единых действий с Красной Армией были наруку белогвардейским генералам. В то время белогвардейский генерал Деникин, подкрепленный империалистами-интервентами, которые снабжали его оружием, как снабжают теперь генерала Франко германские, итальянские и португальские фашисты, занимал один за другим советские города и районы. Он подходил к Харькову и Екатеринославу, крупнейшим центрам Украины. Красноармейцы с большим трудом сдерживали напор белой гвардии. Пришел ли им на помощь Махно? Нет, Махно был занят в это время другим: он созывал в июне 1919 г. в Гуляй-Поле новый съезд анархистов, чтобы организовать в занимаемом им районе анархистское государство.

Махно не желал подчинить свои действия интересам революции, он не помог Красной Армии в этот труднейший момент. Он поступил, как предатель,—открыл фронт белым войскам и ушел со своей армией в другой район. Вследствие предательства Махно кровавый генерал Шкуро зашел в тыл Красной Армии, и от его озверелых банд погибли десятки тысяч трудящихся.

Анархисты вместе со своим «батько» Махно ушли в глубокий тыл, разоружали и грабили красноармейские отряды, убивали коммунистов и красноармейцев. Лучших помощников белым генералам и искать не надо было. От многих махновцев в этот период можно было услышать те же самые лозунги, что и от белогвардейцев: «Бей комиссаров, коммунистов и жидов».

Но вот Красная Армия собрала свежие силы и под руководством товарища Сталина стала громить деникинцев. Успехи красных заставили махновцев вновь временно повернуть против Деникина, который зверски расправлялся с крестьянами, восстанавливал власть помещиков, бесцеремонно отбирал землю не только у бедняков и середняков, но и у кулаков, для того чтобы вернуть ее помещикам. Деникин задел и военные отряды Махно, в которых было в это время немало кулацких сынков. И Махно в таких условиях создает видимость борьбы с Деникиным. Перед Махно стоял выбор: либо потерять последних своих приверженцев, либо начать борьбу против Деникина.

Теснимая красноармейцами, белая армия Деникина стремительно катилась на юг. В это время махновцам удалось занять Екатеринослав. Второй раз махновцы занимали этот город. Екатеринославские рабочие не забыли, как в конце 1918 г. махновцы грабили население, громили город, как они позорно отдали город петлюровскому полковнику Самокишу и бежали в панике из Екатеринослава. Рабочие не забыли, как они, преданные анархистами-махновцами, тонули на переправах под пулями петлюровцев. Теперь Махно снова занял город, и вместе с ним пришла вся анархистская организация.

Что же сделал теперь Махно, как он осуществлял учение, программу анархизма? Как анархист он *проповедывал на словах безвластие, а на деле установил бесконтрольную диктаторскую власть. Никаких «вольных безвластных советов», которые проповедывали анархисты, он не создал: большевиков, которые хотели создать совет рабочих депутатов, Махно казнил. Махно назначил бесконтрольного коменданта со всей полнотой военной и гражданской власти. Это была ничем не ограниченная анархистская власть.* Комендант безнаказанно грабил, насиловал, казнил, особенно жестоко расправлялся с коммунистами. Махновцы грабили не только буржуазию, но и рабочих. Каждый махновец искал себе теплую шубу, и махновцев прозвали «шубниками». За всякое слово против этого невыносимого махновского режима созданная Махно разведка, в которой главную роль играли два уголовных бандита, два брата Задовы, способные на любое зверство, предавала мучительной казни.

Махно окружил себя садистами, которым доставляло наслаждение, как и самому Махно, рубить живых людей на части, мучить их. Начальник штаба махновской «армии» объяснял после в своих показаниях перед судом советской власти, почему анархисты Махно, Левко, Зинковский, Голик, Петренко и др. применяли пытки: махновцы хотели вселить страх в своих противников. «Махно практиковал с первых дней своего выступления эти пытки... арестованных рубили на куски, бросали в топку паровоза, когда человек был уже убит. Были случаи, когда это производилось с людьми, которые были приговорены к смертной казни, но когда они были еще живы».

Предстояло организовать хозяйственную жизнь большого города; надо было организовать рабочих, крестьян, организовать снабжение населения. Но махновцы этим не занимались. Когда рабочие-железнодорожники и телеграфисты обратились к Махно с просьбой выдать им продукты и деньги за работу, Махно им ответил: «Мы не большевики, чтобы вас кормить от государства; нам дороги не нужны, если они нужны были вам, берите хлеб с тех, кому нужны ваши дороги и телеграф».

Разве это ответ серьезного общественного деятеля, отвечающего за народное хозяйство? Так отвечали махновцы и другим рабочим организациям. Они оказались совершенно бессильны *организовать* на месте разрушенного старого капиталистического хозяйства новое, более совершенное, социалистическое хозяйство на коллективных началах. А Бакунин и Кропоткин ведь называли себя коллективистами!

Здесь полностью сказалась несостоятельность анархизма. Анархисты считали, что нет необходимости в централизованной организации. А разве без централизованной организации, без централизованного управления могут существовать железные дороги, телеграф, телефон, связь, может существовать промышленность большого государства или даже отдельной крупной области? Разве может существовать организованное народное хозяйство без организаций, которые руководили бы народным хозяйством, помогая каждой отдельной хозяйственной единице, селу, фабрике, заводу, артели, коллективу, отдельным крестьянским хозяйствам? *Анархизм оказался неспособным организовать народное хозяйство.*

Видя, что Махно затевает новое предательство и своим самовольничанием наносит огромный вред революции, военное командование Красной Армии предложило ему сдать командование дивизией другому командиру. Махно сделал вид, что подчиняется этому приказу, но в то же самое время расставил в дивизии всюду своих доверенных людей, которым дал поручение подготовить разложение дивизии.

Сдавши командование дивизией другому командиру, он оставляет себе отряд, во главе которого начинает свои кочевые набеги на украинские села и города в начале 1920 г. Это была новая полоса борьбы Махно против советской власти. Она сопровождалась погромами, нападениями на советские учреждения,

убийствами коммунистов, красноармейцев. Очень красочные сведения об этом мы находим в дневнике близкой к Махно женщины, кочевавшей вместе с ним. Вот что мы читаем в этом дневнике:

«23.II—20 г. Наши хлопцы схватили большевистских агентов, которые были расстреляны.

25.II—20 г. Переехали в Майорово. Там поймали трех агентов по сбору хлеба. Их расстреляли.

1.III—20 г. Скоро приехали хлопцы и известили, что взят в плен командир красноармейцев Фидюкин. Батько послал за ним, но посланец вернулся и сообщил, что хлопцы не имели возможности возиться с ним раненым и по его просьбе расстреляли его.

7.III.—20 г. В Варваровке батько совсем напился и стал ругаться на всю улицу нецензурною бранью. Приехали в Гуляй Поле. Здесь под пьяную команду батько стали делать что-то невозможное, кавалеристы стали бить плетками и прикладами всех бывших красных партизан, встреченных на улице. Приехавшие, как сумасшедшая орда, несутся на лошадях, налетают на невинных людей и бьют их...

Двум разбили голову, одного загнали в реку...

11.III—20 г. Ночью сегодня хлопцы взяли два миллиона денег и сегодня выдано всем по 1 000 рублей.

14.III—20 г. Сегодня переехали в село Михайловку, убили здесь одного коммуниста».

Через три месяца картина та же:

«5.VI—20 г. На ст. Зайцево Махно прервал телефонное и телеграфное сообщение, разобрал путь впереди и сзади поезда № 423, находившееся в поезде имущество ограбил, а обнаруженных коммунистов изрубил.

16.VII—20 г. Махно произвел налет на ст. Гришино, продержался 3 часа, расстрелял 14 захваченных работников советских и рабочих организаций; уничтожил телеграф и разграбил продовольственный склад железнодорожников.

26.VII—20 г. Ворвавшись в Константиноградский узел, Махно в течение двух дней изрубил 84 красноармейцев.

12.VIII—20 г. Ворвавшись в Зеньково, Махно изрубил 2 украинских коммунистов и 7 работников сельских и рабочих организаций».

Еще через 4 месяца:

«12.XII—20 г. Налет на Бердянск. Анархо-махновцы в течение трех часов под предводительством самого Махно зарубили и зарезали 83 коммунистов, в том числе одного из лучших работников Украины—Михалевича, выворачивали руки, отрубали ноги, распарывали животы, закалывали штыками, зарубали топорами.

16.XII—20 г. На участке Синельниково—Александровск пущен под откос поезд, убито около 50 рабочих, красноармейцев и коммунистов».

Вот она—страшная, неприкрашенная, кошмарная правда о деятельности анархиста Махно и его сподвижников. А ведь это только несколько фактов о преступной, бандитской деятельности Махно и махновцев. Найдется ли в Испании честный анархист, который после этого скажет, что Махно был революционным вождем и «нашим товарищем»?

Все это делалось тогда, когда против Советского государства вели войну польские белогвардейцы и войска барона Врангеля. Расстреливая, замучивая зверски коммунистов, свергая советы, анархо-махновцы и не думали о каких-либо «вольных советах», о которых писали в своих газетах.

Кто же на деле мешал анархистам осуществить свою организацию «безвластных советов» хотя бы в районе, который они занимали в течение долгого времени, в районе Гуляй-Поле? Никто им там не мешал, но они сами ничего не сумели создать, никаких «безвластных советов» они не создали, а насажали *диктаторов*-комендантов, и эти диктаторы-коменданты не считались совершенно с мнениями и с интересами широких масс народа. *Это была партийная, анархистская, кулацкая власть.* Это была анархистская диктатура, враждебная народу.

В конце 1920 г. белая армия барона Врангеля угрожала захватить Донбасс, Украину. Врангель прямо писал, что ему помогает Махно. От Махно отшатнулись многие из его сторонников. Тогда Махно делает попытку восстановить свою популярность. Он обращается к советской власти с предложением своих услуг в борьбе с бароном Врангелем.

Согласно соглашению, подписанному со стороны командования южного фронта тт. Фрунзе и Гусевым, а со стороны махновцев—Куриленко и Поповым, махновские части сохраняли свою внутреннюю организацию, но должны были подчиниться командованию советской армии. В то же самое время махновцы-анархисты получили полную свободу пропаганды своих идей, но без всякого призыва к свержению советской власти. Анархисты получили возможность издавать в Харькове газету «Набат», орган секретариата анархистской федерации Украины, и «Голос махновца»—орган махновцев.

Но анархисты-махновцы не выполнили соглашения. На фронт отправился лишь незначительный отряд, а главные силы махновцев остались в тылу и занялись грабежами красноармейских частей.

В то же самое время Махно пытался провести насильственную мобилизацию крестьян в свои отряды. Правда, анархисты-махновцы объявили эту мобилизацию «добровольной», но стоило кому-либо не явиться на эту мобилизацию, как махновская разведка беспощадно расправлялась с такими рабочими и крестьянами. Махновцы в отношении красноармейцев действовали нисколько не лучше, чем отряды белой гвардии. 12 ноября 1920 г. в селе Михайловке махновцами убито и раздето догола 12 красноармейцев, 16 ноября в селе Пологи махновские части ограбили красноармейцев 124-й бригады, 17 ноября там же напали на

командира 376-го полка, 7 ноября в селе Ивановка махновцы убили 6 красноармейцев и т. п.

Это была самая явная измена. Махно отказался выполнить прямой приказ командующего М. В. Фрунзе, отказался выступить на фронт, и советская власть не могла иначе поступить с махновцами, как с изменниками.

Командующий южного фронта Фрунзе писал в воззвании 24 ноября 1920 г.: «Махно и его штаб, послав для очистки совести против Врангеля ничтожную кучку своих приверженцев, предпочли в каких-то особых видах засесть с остальными бандами во фронтовом тылу. Теперь эти виды раскрываются. Господа махновцы вместо войны с Врангелем занялись борьбой с транспортами и тылами нашей дивизии. Ими спешно организуются и вооружаются за счет нашего имущества новые отряды».

М. В. Фрунзе отдал приказ о расформировании махновских частей, с тем чтобы влить их в состав IV Армии. Тогда от Махно отвернулось большинство его приверженцев из среды рабочих и крестьян.

Махно, покинутый своими войсками, с жалкими остатками своих приверженцев позорно бежал, прорвался в Румынию, у румынских бояр укрылся от суда революционного народа, от суда рабочих и крестьян. Так кончилась карьера этого авантюриста, бандита, которого некоторые анархисты возводят в «герои революции». Нет, революция пролетариата, революция трудящихся масс не нуждается в таких «героях»!

* * *

Таким образом, мы видели на деле, как анархистская организация, отрицая необходимость какой бы то ни было государственной власти, создала худший вид личной контрреволюционной диктатуры, создала бесконтрольную разведку, которая без суда расправлялась со всяким неугодным Махно рабочим и крестьянином, пытала, казнила, рубила и сжигала живыми тысячи людей.

Мы видели, как Махно не раз на деле помогал врагу, был главарем кулацко-бандитских элементов и выступал против рабочих и крестьянской бедноты. Ненависть к крестьянской бедноте со стороны махновцев была ненавистью кулачества к бедноте и рабочим.

Рабочие, деревенская беднота еще и еще раз убедились, что Махно для них чужой человек, враг. Выступая против государства или за «безвластные советы», Махно создавал кулацкое правительство гуляй-польского махновского государства, которое никем не контролировалось, никем не выбиралось. Борясь против сознательной революционной дисциплины, против Красной Армии, Махно насаждал в своих отрядах палочную дисциплину. Эти отряды служили не пролетариату, а кулацким элементам. Мах-

новцы не отменили ни батрачества, ни беспощадной эксплоатации рабочих в районах, где они господствовали.

На деле получилось так, что, начавши борьбу против советской власти во имя анархии, безвластия, анархисты-махновцы создали полицейско-кулацкое государство со своей разведкой, со своими палачами, со своими тюрьмами, бесконтрольными самовластными комендантами, со своей армией, уничтожили всякую свободу печати, всякую политическую свободу. Русские анархисты вошли в историю пролетарской революции в СССР как ее враги, как контрреволюционеры.

Часть анархистов стремилась вырваться из этого порочного круга, в который загнала их анархистская теория в период пролетарской революции. Мы видели уже, что часть анархо-синдикалистов после бесплодных попыток применить идеи анархо-синдикализма в революции убедилась во вреде этого и перешла в ряды коммунистов. Другой попыткой части анархистов найти общий язык с пролетарской революцией была попытка так называемых «анархо-универсалистов» пересмотреть свое отрицательное отношение к диктатуре пролетариата, освободиться от бандитизма и белогвардейщины. Возглавивший это движение анархист Гордин считал, что «переходное время немыслимо без диктатуры». «Если,— писал Гордин,—можно применять неорганизованное насилие по отношению к отдельному буржуа, то почему против них нельзя применять организованного насилия?» И Гордин приходит к выводу: «Вне диктатуры в переходный период не может быть перехода к анархии и к свободе». Соответственно этим взглядам *на основной вопрос—о власти* «анархо-универсалисты» предлагали пересмотреть все свое отношение к советской власти, к своему участию в революции. Заметьте, что они все еще оставались анархистами, но *делали маленький шаг вперед, к правильному пониманию революции, ее хода, ее задач.* Мы не излагаем здесь подробно истории анархо-универсализма. Анархо-универсалисты имели даже открыто существовавший в 1920—1921 гг. свой клуб. Но вот вспыхивает в марте 1921 г. мятеж в Кронштадте. Большинство «анархо-универсалистов»—за поддержку контрреволюционного мятежа. В листовке, выпущенной ими в этот период, они призывают к восстанию против советской власти.

Большинство анархистов отлучило Гордина от анархистской церкви за его «еретические», с точки зрения анархизма, идеи о необходимости в переходный период от капитализма к социализму диктатуры пролетариата. «Анархо-универсализм» был лишь слабым проблеском правильной мысли в том хаосе бакунинско-кропоткинских противоречий, в которых безнадежно запутались анархисты в России, но и они в конце концов пошли вместе с контрреволюционерами.

* * *

Мы проследили путь русского анархизма от его колыбели до могилы. Порожденный в стране в эпоху, когда пролетариат еще

не выступал самостоятельно, анархизм Бакунина—Кропоткина создал движение, которое задерживало образование рабочей партии, способной разрешить задачи, поставленные историей России перед трудящимися,—свержение царизма, свержение власти помещиков и капиталистов. Эту задачу трудящиеся выполнили под знаменем Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина, под знаменем коммунизма.

В период пролетарской революции в России анархизм полностью обанкротился. Отрицание необходимости диктатуры пролетариата привело анархистов разных течений к прямому столкновению с интересами революции, к борьбе против пролетариата, к защите кулака, к прямому союзу с врагами революции, к измене пролетарской революции, к контрреволюции.

Поучительные уроки!

Мимо них не имеет права пройти ни один анархист, ни один анархо-синдикалист в мире, не задумавшись над ними и не сделав для себя всех выводов.

VI

СОВРЕМЕННЫЙ АНАРХО-СИНДИКАЛИЗМ В СВЕТЕ ПРОЛЕТАРСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ И АНТИФАШИСТСКОЙ БОРЬБЫ

Выше мы уже писали о русском анархо-синдикализме и об особой его разновидности, известной в истории большевистской партии под именем «рабочей оппозиции». Мы видели, что анархо-синдикалисты считали главной и основной организацией рабочего класса не партию, а профессиональные союзы. Однако более полно идеи анархо-синдикализма были выражены не в России, а на Западе, в таких странах, как Франция, Испания и др. Но все анархо-синдикалисты исходят, во-первых, из признания, что главной и основной и даже единственно способной к революционному действию организацией являются профсоюзы (синдикаты); во-вторых, они это признание соединяют с учением об анархизме, которое, несомненно, является партийным учением, т. е. учением определенной мелкобуржуазной *партии*, хотя сами анархо-синдикалисты на словах всячески отрицают значение партии. Основой анархизма, как мы знаем, является учение о безвластном, безгосударственном обществе, о необходимости борьбы со всякой властью, со всяким государством. Таким образом, анархо-синдикалисты, как и все анархисты, отрицают необходимость вооруженного свержения власти капиталистов и установления диктатуры рабочего класса, отрицают переходный период от капитализма к коммунистическому обществу. Анархо-синдикалисты считают, что профсоюзы сами по себе в состоянии не только совершить социалистическую (или, как говорят анархо-синдикалисты, социальную) революцию, но и заменить организацию капиталистического производства синдикалистской (социалистической, кооперативной) организацией. Анархо-синдикалисты убеждают рабочих, что они должны быть освобождены от влияния партий, что они должны действовать *независимо* от них.

Что касается того, *какое анархическое учение* кладут в основу своей деятельности анархо-синдикалисты, то на этот счет среди анархо-синдикалистов различных стран существует много разногласий. Одни анархо-синдикалисты считают главным своим теоретиком Михаила Бакунина, другие—довольно мирного профессора Антонио Лабриола, третьи—Пуже. А на I конгрессе Профинтерна в июне 1921 г. некоторые синдикалисты, участво-

вавшие в комиссии по тактике, заявили, что революционный синдикализм есть попытка примирить учение Прудона с учением Карла Маркса. Мы привели этот факт только для того, чтобы показать, насколько разнородны и противоречивы взгляды самих анархо-синдикалистов, насколько лоскутно-пестро, эклектично их мировоззрение.

Хотя анархо-синдикалисты в разных странах отличаются несколько между собою, хотя среди синдикалистов есть и *реформисты* и *левое* крыло, тем не менее анархо-синдикалисты все сходятся на анархистской теории о вреде всякого государства, всякой власти и признании главной и основной организацией рабочего класса—синдиката, профсоюза.

Основным документом, определяющим деятельность всех анархо-синдикалистов, является Амьенская хартия, принятая в 1906 г. на Амьенском конгрессе Всеобщей конфедерации труда. Она гласит:

«Конфедеральный конгресс в Амьене подтверждает основную статью 2 устава ВКТ (Всеобщая конфедерация труда.—*Ем. Я.*), в которой говорится: «ВКТ объединяет, независимо от каких бы то ни было политических течений, всех рабочих, сознающих необходимость борьбы за уничтожение системы наемного труда и предпринимательства». Конгресс считает, что это заявление равносильно признанию классовой борьбы, которая противопоставляет на экономической почве восставших рабочих всем формам эксплоатации и угнетения, как материальным, так и духовным, осуществляемым капиталистическим классом против рабочего класса. Конгресс уточняет, при помощи следующих пунктов, данную теоретическую декларацию.

В своей борьбе за повседневные требования, синдикализм стремится к координированию рабочих сил, к улучшению благосостояния трудящихся при помощи достижения непосредственных улучшений, как-то: сокращение рабочего дня, увеличение заработной платы и т. д.

Но эта работа составляет лишь часть задачи синдикализма: она подготовляет полное освобождение, которое может быть достигнуто только путем экспроприации капитала; она предлагает, как средство борьбы—всеобщую стачку и считает, что синдикат, являющийся в настоящее время объединением для сопротивления, сделается в будущем объединением для производства и распределения, основой реорганизации общества.

Конгресс заявляет, что эта работа, как повседневная, так и стремящаяся к конечной цели, вытекает из самого положения наемных рабочих, которое давит на рабочий класс и ставит всех рабочих, независимо от их убеждений и политических и философских течений, перед долгом принадлежать к тому основному объединению, каким является синдикат.

В соответствии с этим, поскольку дело идет об отдельных личностях, конгресс заявляет, что каждый член синдиката совершенно свободен участвовать вне профессиональной организации в тех формах борьбы, которые соответствуют его философским или политическим убеждениям, требуя от него взамен только одного: не вносить в синдикат те мнения, которые он исповедует вне профессионального движения.

Что касается до организации, то конгресс заявляет, что для того, чтобы синдикализм достиг наибольших результатов, экономическая борьба должна вестись непосредственно против предпринимателей, так как конфедерированные организации, в качестве синдикальных объединений, не должны считаться с партиями и сектами, которые вне синдикатов или рядом с ними могут свободно добиваться со своей стороны переустройства общества».

Постараемся разобраться в основных положениях современного анархо-синдикализма и этой хартии.

Анархо-синдикалисты признают классовую борьбу, но в этом

нет особой заслуги анархо-синдикалистов. Классовая борьба и учение о ней существовали раньше, чем анархо-синдикалисты появились на свет. Маркс и Энгельс в «Манифесте коммунистической партии», написанном в 1847 г., т. е. с лишком 90 лет тому назад, писали:

«История всех до сих пор существовавших обществ была историей борьбы классов.

Свободный и раб, патриций и плебей, помещик и крепостной, мастер и подмастерье, короче—угнетающий и угнетаемый находились в вечном антагонизме друг к другу, вели непрерывную, то скрытую, то явную борьбу, всегда кончавшуюся революционным переустройством всего общественного здания или общей гибелью борющихся классов»[1].

Классовую борьбу признают и многие буржуазные ученые и политические деятели, так что признание классовой борьбы не есть особый признак анархо-синдикалистов. Коммунистическая партия в своей деятельности исходит не только из признания классовой борьбы, но и руководит классовой борьбой пролетариата за его полное освобождение. Величайшей заслугой Маркса является то, что он не ограничился только признанием классовой борьбы, а доказал, что эта классовая борьба приводит *к диктатуре пролетариата*, которая необходима для подавления врагов революции, для уничтожения всяких классов и создания бесклассового социалистического общества..

В письме к Вейдемейеру от 5 марта 1852 г. Маркс разъясняет: «То, что я сделал нового, состояло в доказательстве следующего: 1) что существование классов связано лишь с определенными историческими битвами, свойственными развитию производства, 2) что *классовая борьба необходимо ведет к диктатуре пролетариата*, 3) что *эта диктатура сама составляет лишь переход к уничтожению всяких классов и к обществу без класса...*»[2].

Каким же путем уничтожится разделение общества на классы? Программа Бакунина дает на это, как известно, совершенно реакционный ответ. Бакунин выдвигал требование *уравнения классов*. Но десятки лет борьбы рабочего класса в современном обществе показали, что ни о каком уравнении классов речи быть не может. Нельзя *уравнять* пролетария с капиталистом, крестьянина с помещиком. *Бесклассовое общество достигается, как это показал весь опыт русской социалистической революции, не уравнением классов, которые уравнять нельзя, а ликвидацией эксплоататорских классов и превращением крестьян в равноправных с рабочими тружеников социалистического общества.* Ликвидация классов не есть дело одного только дня, потому что и после социалистической революции классы остаются, вопреки утверждениям анархистов, будто классы исчезают на другой день после социалистической революции.

[1] *Маркс* и *Энгельс*, Манифест Коммунистической партии, стр. 27—28, Госполитиздат, 1938 г.

[2] Цитирую по тезисам ИМЭЛ к 50-летию смерти К. Маркса, стр. 6, Партиздат, 1933 г.

С паразитическими классами приходится вести беспощадную борьбу, лишить их всех средств производства, посредством которых они эксплоатировали массы. А класс мелких товаропроизводителей—крестьян, ремесленников—нельзя уничтожить и нельзя в один день поравнять их с классом промышленных рабочих. С мелкими товаропроизводителями надо *ужиться*, их надо переделать, перевести их на социалистический путь, помочь им в этом, руководить ими. Надо провести целый ряд мероприятий, которые уничтожили бы разницу между городом и деревней, уничтожили бы разницу между трудом умственным и физическим. *Силой, которая выполняет эту огромную историческую задачу, является диктатура пролетариата, возникающая в результате социалистической революции.*

Только тогда, когда пролетариат совершит *социалистическую* революцию, свергнет власть капитализма, возьмет в свои руки *средства производства*,—только тогда он может организовать социалистическое хозяйство. Но и тогда остаются еще на известное время, как это показал опыт Советского государства, элементы капитализма и пережитки других укладов. *И нужны годы* упорной, систематической, по единому плану построенной работы в условиях диктатуры рабочего класса, для вытеснения паразитических элементов, для их ликвидации, для обуздания рыночной стихии, для развития планового социалистического хозяйства.

Анархо-синдикалисты считают, что зародышем будущего общества, которое может взять на себя организацию производства и управление производством, является профсоюз, синдикат. Синдикаты во многих странах объединяют только людей физического труда; работников умственного труда, или, как говорят синдикалисты, работников свободных профессий—учителей, врачей, художников, артистов, писателей и т. п. они не объединяют. Анархисты отрицают необходимость объединения в синдикатах работников умственного труда. Правда, и на этот счет *за последнее время* взгляды анархо-синдикалистов начинают меняться: они начинают сознавать, что необходима организация и людей умственного труда.

Анархо-синдикалисты представляют себе дело так, что *уже в рамках капитализма синдикаты, профсоюзы представляют собой организацию, которая является основой будущего социалистического общества;* что это готовый производственный аппарат социалистического общества и что эти синдикаты, профсоюзы сразу, на другой день после революции без диктатуры рабочего класса смогут управлять всем народным хозяйством на социалистических началах.

Нет ничего вреднее такой теории. Конечно, капитализм создал *техническую основу*, на которой начинает развиваться на другой день после социалистической революции *социалистическое хозяйство*. Конечно, при капитализме пролетариат не только эксплоатируется, но он и сплачивается в могучую силу, которая *свергает капитализм вооруженной силой*, т. е. вырывает у него власть, экспроприирует средства производства и организует со-

циалистическое хозяйство. Без этой социалистической революции ни о каком социалистическом хозяйстве речи быть не может.

Никакие синдикаты, никакие профсоюзы в капиталистическом обществе этого подготовить не могут. Профсоюзы, синдикаты и после социалистической революции без организации аппарата государственной власти пролетариата не могут выполнить эту задачу. Существуют, однако, «мирные социалисты», проповедующие так называемый *конструктивный социализм.* Эти мирные социалисты, конструктивисты,—родные братья анархо-синдикалистов. Они мечтают о том, чтобы при капитализме создать какие-то «кусочки будущего», которые мирно перерастут в социализм.

Такая организация производства, о какой мечтают анархо-синдикалисты,—через синдикаты, через профсоюзы и кооперативы, является вредной утопией, мечтой мелкого буржуа. Надуманная анархо-синдикалистами организация производства не только не может устранить анархии производства, перепроизводства одних товаров и недопроизводства других, не только не может устранить конкуренции, рынка, но может еще более усилить их, так как все дело будет зависеть от того, насколько тот или иной синдикат богаче другого, имеет больше средств, лучшую технику и т. п.

Русские народники в 80 и 90-х годах XIX столетия, отказавшись от революционного свержения царизма, проповедывали, что рабоче-крестьянские артели (т. е. своего рода производственные синдикаты) являются зародышевыми ячейками будущего коммунистического общества. Эти артели существовали при царизме, при капитализме. Со всей силой и страстью Ленин выступал против этой утопии, против этого самообмана, будто в рамках царизма и в рамках капитализма возможно было создавать зародышевые производственные ячейки социализма. Это есть реакционные мечтания, вредные для рабочего класса, потому что они мешают ему видеть вещи так, как они есть, мешают ему определить настоящие пути победы социализма. В условиях капитализма не может быть «социалистических» производственных артелей, все это мечтания мелких буржуа, не желающих борьбы за социализм.

Единственный путь построения социалистического общества—это диктатура пролетариата. Другого пути нет. Вот почему мы требуем от революционера не только признания классовой борьбы, этого мало: надо довести ее до конца и бороться за диктатуру пролетариата.

Каковы же взгляды анархо-синдикалистов по этому важнейшему вопросу, каково их отношение к диктатуре пролетариата?

Анархистские вожди в один голос повторяли в течение десятков лет, что пролетариат, свергнув власть капитализма, не должен создавать никакой власти, никакого государства. Так учил Бакунин, так учили Кропоткин и Малатеста, и Пуже, и Реклю и другие учители анархистов.

Исходя из опыта всех *буржуазных* революций, анархисты уверяли, что «все правительства, какое бы название они ни носили,

всегда стояли на стороне богатых» (Пуже). Это верно, если иметь в виду только *буржуазные революции,* которые вели к созданию капиталистических правительств.

Но неверно, когда тот же Пуже говорит: «Как бы ни изменялась в течение времени форма собственности и власти, их сущность остается одна и та же».

Октябрьская социалистическая революция создала совершенно новую форму власти. Об этом забывают, или этого не понимают, или сознательно замалчивают, извращая истину, многие анархисты. Предшественницей власти советов была власть Парижской Коммуны 1871 г. Но Парижская Коммуна просуществовала всего 72 дня. Она не сумела и не могла развернуть свои творческие силы, не могла перестроить общество на новых началах. В новом столетии пролетариат, свергнув власть буржуазии, нашел новую форму пролетарского государства— Советы.

Изменилась не только форма государства, но и его сущность. Советское государство есть социалистическое государство рабочих и крестьян. Социалистическая собственность на средства и орудия производства, фабрики и заводы, леса, недра земли, воды, банки и т. д. в корне отличается от капиталистической собственности. Колхозная собственность в СССР, собственность социалистическая, также в корне отличается от мелкой собственности крестьянства в капиталистическом обществе. Капиталистическая собственность служит средством эксплоатации рабочих и крестьянских масс для обогащения капиталистов.

Социалистическая же собственность в Советском государстве служит рабочему классу и крестьянству *для поднятия своего материального и культурного уровня*, для создания новых условий существования, которых не знала история человечества. В СССР ликвидирована эксплоатация человека человеком. Социалистическая система хозяйства и социалистическая собственность составляют экономическую основу СССР, основу социалистического строя. Следовательно, социалистическая пролетарская революция в России внесла *совершенно новое* содержание и в форму собственности и в форму власти, ибо она создала такие формы собственности и такую форму власти, которых никогда не знало человечество. Эти формы собственности и власти служат не для обогащения эксплоататоров, а для зажиточной, культурной жизни самого народа, самих трудящихся. Вот почему, как маяк во тьме ночи разгоняет всякие призраки и указывает ясную цель, так социалистическая революция осветила перед рабочим классом всего мира его путь. И призраки, которые были нагромождены антипролетарскими учениями, в том числе и учением анархо-синдикалистов о вреде всякой власти и всякой собственности,—рассеиваются перед светом социалистической революции.

Социалистическая революция в России лишила власти буржуазию, помещиков и капиталистов, лишила их средств производства, отняла у них фабрики, заводы, капиталы, средства транс-

порта, землю и т. п. и передала все это в руки трудящихся, в собственность социалистического государства, сделала все это достоянием всего народа.

В завоеванной народами Советского Союза Сталинской Конституции сказано:

«Статья 1. Союз Советских Социалистических Республик есть социалистическое государство рабочих и крестьян.

Статья 2. Политическую основу СССР составляют Советы депутатов трудящихся, выросшие и окрепшие в результате свержения власти помещиков и капиталистов и завоевания диктатуры пролетариата.

Статья 3. Вся власть в СССР принадлежит трудящимся города и деревни в лице Советов депутатов трудящихся.

Статья 4. Экономическую основу СССР составляют социалистическая система хозяйства и социалистическая собственность на орудия и средства производства, утвердившиеся в результате ликвидации капиталистической системы хозяйства, отмены частной собственности на орудия и средства производства и уничтожения эксплоатации человека человеком...»

«Статья 6. Земля, ее недра, воды, леса, заводы, фабрики, шахты, рудники, железнодорожный, водный и воздушный транспорт, банки, средства связи, организованные государством крупные сельскохозяйственные предприятия (совхозы, машинотракторные станции и т. п.), а также коммунальные предприятия и основной жилищный фонд в городах и промышленных пунктах являются государственной собственностью, то-есть всенародным достоянием.

Статья 7. Общественные предприятия в колхозах и кооперативных организациях с их живым и мертвым инвентарем, производимая колхозами и кооперативными организациями продукция, равно как их общественные постройки составляют общественную, социалистическую собственность колхозов и кооперативных организаций...»

Разве все это возможно было бы осуществить, если бы рабочий класс царской России послушался анархистов и, свергнув власть царя, затем власть капиталистов, отказался бы создать организацию власти—диктатуру пролетариата—для подавления контрреволюции, для отпора интервентам, для ликвидации эксплоататорских классов и построения социалистического общества, для проведения ряда политических, экономических и культурных мероприятий, для обороны этого нового, социалистического общества? Без диктатуры пролетариата контрреволюционные классы, поддержанные мировым империализмом, свергли бы вновь рабочий класс и заковали бы его в еще более тяжкие цепи, в какие закован теперь рабочий класс в Германии, Австрии, Италии, Польше и ряде других государств.

Анархисты учили, что «собственность есть кража». Да, капиталистическая собственность была и является кражей. Капиталисты экспроприируют труд рабочего класса, часть его труда присваивают себе в виде прибавочной стоимости, грабят труд

рабочего. Но собственность трудового крестьянина не есть кража. Трудящийся крестьянин ни у кого ничего не отнимает, он никого не эксплоатирует, он не присваивает себе чужого труда.

В Советском социалистическом государстве рабочий, крестьянин, интеллигент ни у кого ничего не отнимают, не присваивают себе чужого труда. И то, что трудящиеся имеют: неприкосновенность личности, право на труд, право на отдых, право на образование, право на социальное обеспечение,—все это им обеспечивает социалистическое государство. Материальные, политические и моральные блага, завоеванные в революции, рабочие, крестьяне и интеллигенты в СССР имеют не потому, что они у кого-либо что-либо отнимают или кого-либо эксплоатируют. Они имеют все это потому, что это ими создано и завоевано в борьбе за социализм, это их *священное достояние*, ничего общего не имеющее с правом частной собственности капиталиста, помещика и других эксплоататоров капиталистического общества. Всего этого трудящиеся СССР достигли, создав свое социалистическое государство—диктатуру пролетариата.

Вот почему глубоко ошибочную позицию заняли Национальная конфедерация труда и районный комитет Федерации анархистов Иберии, опубликовав 26 августа 1936 г. в газете «Вангуардия» манифест, в котором заявляют: «Так как некоторые секторы, которые образуют вместе с нами антифашистский фронт, мечтают о диктатуре, мы заявляем: анархисты были и есть всегда против всякой диктатуры, будь она красная, голубая или белая. Диктатура никогда не теряет своих атрибутов—деспотизма и тирании. Мы, которые боролись, как львы, против фашизма, отвечаем: «Будем бороться против всякой попытки установления диктаторского режима, как бы он демагогически ни был завуалирован».

Совершенно не верна такая политика. Она направлена против основных интересов рабочего класса. Это утверждение испанских анархистов основано на предположении, что стоит только пролетариату совершить революцию, как исчезнут классы, исчезнет насилие капитализма, и пролетариату не нужна никакая власть. Ибо *что такое диктатура того или иного класса, в особенности в период революции? Это, прежде всего, есть такая организация власти, которая способна подавить сопротивление врага, сломить его всей силой власти, всей силой авторитета, применяя по отношению к этому врагу, если нужно, насилие*. Разве пролетариат СССР мог бы *без насилия* над помещиками и капиталистами, без подавления их вооруженной рукой освободить страну от этих эксплоататоров, паразитов? Известно ведь, что на это понадобилось целых четыре года кровопролитнейшей вооруженной борьбы.

Разве сейчас испанские анархисты не видят, не убедились на собственном опыте, что врагов испанских рабочих и крестьян—испанских помещиков, испанских крупных банкиров и капиталистов—поддерживают итальянские, германские, португальские и

иные фашисты? Разве трудящиеся Испании не видят, что фактически *вся мировая крупная буржуазия* сочувствует тому, как фашистские интервенты Германии и Италии убивают тысячи жителей городов и сел Испании? И разве они не видят теперь, что *только сила—сила организованная, сила единая и беспощадная к врагу—может помешать поработителям вернуть себе власть над рабочими и крестьянами Испании?* Разве испанская революция не внесла ничего нового в мировоззрение испанских анархистов? Они должны видеть теперь, что в этом вопросе теория анархо-синдикализма оказалась *неправильной*, что поддерживать ее нельзя, вредно для дела революции, для пролетариата, что *нельзя рабочему классу воздерживаться от политики, что пролетариат обязан участвовать активнейшим образом в политической жизни страны, что он должен проводить свою пролетарскую, классовую политику.*

При этом, как показал опыт революционного движения в России и в других странах, анархо-синдикалисты не дают себе труда серьезно разобраться в *характере* революции. Они смешивают буржуазно-демократическую революцию с социалистической, объявляя буржуазно-демократическую революцию *социальной*, т. е. социалистической, и начинают в период буржуазно-демократической революции проводить мероприятия, которые соответствуют только социалистической революции. Это приносит огромный вред движению.

Этот вопрос имеет огромное значение, потому что без правильного анализа происходящих событий, без правильного определения того, какая происходит революция, нельзя пролетариату правильно определить и свою линию поведения.

Опыт русской революции показал, что и там, где уже произошла социалистическая революция, между переходом власти к пролетариату в результате социалистической революции и созданием социалистической экономики, созданием социалистического хозяйства, могут пройти целые годы. В России, которая оказалась достаточно сильной, чтобы в первые же четыре года покончить с интервентами и белогвардейской контрреволюцией, понадобилось почти 20 лет для создания социалистической экономики. Поэтому утверждение анархистов о том, что социалистическая революция кончается в тот момент, когда уничтожена политическая власть буржуазии, оказалось опровергнутым. Государство не уничтожается и не отмирает на другой же день после революции. Пролетарское государство необходимо пролетариату для того, чтобы он мог справиться с врагами, и для того, чтобы он мог построить свое социалистическое хозяйство, строить коммунистическое общество. *Но пролетарское государство возникает только в результате социалистической революции. Оно не может возникнуть в результате всякой революции.*

Об отмирании государства мы поговорим особо в следующей главе. Поэтому мы здесь не останавливаемся на той в высшей степени важной критике анархизма по этому вопросу, которую дали Маркс—Энгельс—Ленин—Сталин.

* *
*

Разберемся теперь в вопросе *о средствах совершения революции.* Как их себе представляют анархо-синдикалисты? По мнению анархо-синдикалистов, единственно действительное средство для совершения революции—это всеобщая стачка. Эту идею проповедывали анархисты еще в I Интернационале. Важности всеобщей стачки никогда не отрицали коммунисты. Наоборот, именно коммунистам-большевикам приходилось еще в период революции 1905 г. отстаивать применение всеобщей стачки в спорах против оппортунистов, против меньшевиков.

История первой русской революции показала громадное значение всеобщей стачки рабочих. Однако эта же революция показала совершенную недостаточность всеобщей стачки не только для свержения капитализма, но и для свержения царского правительства. Против всеобщей стачки рабочих современные капиталистические правительства обладают достаточно сильными средствами. При определенных условиях, как это было в 1905 и 1917 гг., рабочие должны были переходить к высшей форме борьбы рабочего класса—к вооруженному восстанию.

Не всеобщая стачка, а вооруженное восстание рабочих и крестьян *привело к падению царизма в феврале 1917 г. Не всеобщая стачка, а вооруженное восстание рабочих и деревенской бедноты дало победу пролетариату в октябре 1917 г.* Поэтому всеобщая стачка, которая не ставит перед собой задачу перехода к вооруженному восстанию, может окончиться для рабочих поражением. И это подтвердил опыт английской всеобщей стачки в 1926 г., когда, несмотря на свою организованность (в профессиональном, синдикалистском смысле), английские рабочие потерпели поражение именно потому, что поддались обману со стороны своих профсоюзных лидеров и не перешли к вооруженному восстанию.

Так анархистская идея о всеобщей стачке как *единственном* средстве совершения революции потерпела крушение. Да и сами анархо-синдикалисты в процессе борьбы за последние годы должны были признать, что всеобщая стачка не является единственным средством революционной борьбы рабочего класса. Многие анархо-синдикалисты убедились, что нельзя играть всеобщей стачкой как *единственным* средством борьбы, что такое применение всеобщей стачки притупляет это оружие, делает его недейственным.

* *
*

Теперь перейдем к выяснению очень важного для рабочего класса вопроса—*о партии.*

Во взглядах на партию и ее задачи среди анархо-синдикалистов царит невероятная путаница. Так, французский анархо-синдикалист Пуже в своей работе «Основы синдикализма» прямо говорит о Партии труда. Он объясняет, что она представляет собой «автономную организацию рабочего класса, объединенного

в одно целое на экономической почве. Основной ячейкой партии труда является *синдикат*, т. е. профессиональный или производственный союз рабочих». Следовательно, анархо-синдикалистская организация и представляет собой, по мнению Пуже, *особую партию—Партию труда*. Правда, это своеобразная партия, которая, по путаному определению Пуже, «не преследует никаких политических целей, она партия социальная и революционная. Главной ее основой является классовый интерес пролетариата и поэтому эта партия ни в коем случае не может стать партией политиков».

Такого рода путаницей в вопросах о классовой борьбе пролетариата и о партии забивает головы рабочим не только Пуже, но и многие другие (вернее—все) теоретики анархо-синдикализма. Правда, все сознательные рабочие знают, что *всякая последовательная классовая борьба есть борьба политическая, потому что она затрагивает не только экономические, но и политические интересы того или иного класса*. Если рабочий класс ведет экономическую борьбу с классом капиталистов и добивается успехов, то он этими успехами не только улучшает свое материальное положение, но доказывает и свою *политическую* (т. е. общественную) силу. Он *заставляет* капиталистов уступить рабочему классу, он *колеблет* этим самым и *политическую силу* класса капиталистов. Нельзя быть *«социальной и революционной партией»*, о которой говорит Пуже, и в то же самое время заявлять, что такая партия «не ставит себе никаких политических целей». Борьба за коммунистическое общество, борьба за уничтожение всякой власти есть острая *политическая борьба*, и надо вещи называть их именами, чего не делают, к сожалению, анархо-синдикалисты.

Или возьмем другой пример. Анархистской организацией в Испании является ФАИ (Федерация анархистов Иберии). Никто не станет отрицать, что Федерация анархистов Иберии руководит Национальной конфедерацией труда (так обстояло дело до 1938 г.), несмотря на то, что членами Национальной конфедерации труда состоят не только анархисты. Следовательно, Национальной конфедерацией труда руководит *партия испанских анархистов, партия, которая имеет свою программу, свою тактику, свою организацию*. И как бы ни были различны наши понятия о партийной дисциплине, как бы отрицательно на словах ни относились анархисты к дисциплине,—у Федерации анархистов Иберии есть *своя дисциплина*, которая на основе и писанного и неписанного устава обязательна для участников этой организации.

Верно ли утверждение анархо-синдикалистов, что партия, основанная на общности взглядов вступающих в нее членов, не является классовой организацией, что она не может быть авангардом рабочего класса, что она, во всяком случае, не является основной и главной организацией рабочего класса и что главной организацией рабочего класса является синдикат, профсоюз? Почему анархо-синдикалисты это утверждают? Они утверждают это потому, что в профсоюзе, дескать, рабочий защищает свои

экономические интересы, а экономика всегда определяет сознание людей. Политическая же партия объединяет людей, у которых общая идеология, общее сознание. Но разве это сознание падает с неба? Разве оно не определяется *бытием* того или иного класса? Разве социалистическое, коммунистическое сознание не определяется бытием, интересами пролетариата прежде всего, в том числе экономическими? Это первое.

Во-вторых, чем отличается коммунистическая партия как авангард рабочего класса от всяких других организаций? В резолюции II конгресса Коминтерна о роли коммунистической партии в пролетарской революции мы читаем:

«Коммунистическая партия создается путем отбора лучших, наиболее сознательных, наиболее самоотверженных, наиболее дальновидных рабочих. Коммунистическая партия не имеет интересов, отличных от интересов всего рабочего класса. Коммунистическая партия отличается от всей массы рабочих тем, что она обозревает весь исторический путь рабочего класса в целом и старается на всех поворотах этого пути защищать интересы не отдельных групп, не отдельных профессий, а интересы рабочего класса в целом. Коммунистическая партия есть тот организационно-политический рычаг, при помощи которого наиболее передовая часть рабочего класса направляет по правильному пути всю массу пролетариата и полупролетариата».

В своей замечательной работе «Вопросы ленинизма» товарищ Сталин в главе «О партии» указывает на то, что революционная партия рабочего класса, партия большевиков, партия коммунистов имеет ряд особенностей, отличающих ее от всякой другой партии. Это прежде всего *передовой отряд* рабочего класса. Но, чтобы быть действительно передовым отрядом, рабочая партия должна быть хорошо вооружена революционной теорией, знанием законов революционного движения, знанием законов революции, знанием ее движущих сил. Без этого партия не в состоянии руководить борьбой всего класса пролетариата, вести его вперед. Она должна видеть далеко, она должна итти вперед, а не плестись за стихийным движением рабочего класса, она должна не увлекаться минутными интересами движения, а видеть дальше и поднимать в каждый данный момент, в каждой данной местности массы до уровня классовых интересов всего пролетариата. Такой передовой теорией человечества является марксизм—ленинизм.

Этот передовой отряд должен быть *самым тесным образом связан с беспартийными массами*, со всем рабочим классом, со всеми трудящимися массами, ибо партия есть неразрывная часть рабочего класса.

Партия есть организованный отряд рабочего класса. Как организованный отряд партия требует *единой дисциплины*, требует подчинения всех партийных организаций выбранному ими Центральному комитету, а от каждого члена партийной организации она требует его подчинения решениям данной партийной организации, в которой он состоит.

Да, большевистская партия есть не просто *сумма* партийных организаций, а единая *система* этих организаций. Эти организации не просто только формально объединены в партии; нет, вся партия построена на основе *демократического централизма*— низшие парторганизации подчиняются высшим, меньшинство подчиняется большинству. Иначе не может быть организованного целого—пролетарской партии.

У рабочего класса могут и должны существовать и профсоюзные, и кооперативные, и другие организации. У него могут быть те или иные парламентские организации, беспартийные объединения женщин, союз молодежи и другие массовые организации. В социалистическом советском государстве он создал советы рабочих и крестьянских депутатов, в настоящее время в СССР советы депутатов трудящихся. Ни одна из них не является высшей формой классовой организации рабочего класса.

Партия же рабочего класса руководит борьбой не только рабочих той или иной профессии—она руководит борьбой всего рабочего класса, она устраняет тот разнобой, который может существовать в руководстве отдельных организаций; она помогает им вести борьбу в одном направлении, потому что она объединяет в себе все лучшие элементы всего рабочего класса, крепко связана со всеми беспартийными организациями и с массами, вырабатывает тип профессиональных революционеров, способных руководить всеми проявлениями борьбы рабочего класса. Именно поэтому партия является высшей формой классовой организации пролетариата, состоящей из лучших людей класса, вооруженных передовой теорией.

Партия является орудием борьбы рабочего класса в завоевании диктатуры пролетариата и в строительстве социалистического государства. Пролетариату, взявшему власть, приходится вести борьбу в различных направлениях: и культурном, и хозяйственном, и военном, и торговом, осуществлять внешнюю политику и т. д.

Партия является *боевым штабом* рабочего класса, который помогает ему не только завоевать власть, но и удержать эту власть до окончательной победы коммунизма. Для этого, конечно, партия должна быть единой, она не может допускать в своей среде существование групп, которые проводят в жизнь не линию партии, а свои, отличные от партии, взгляды. Именно поэтому большевистская партия борется против всякого рода фракций внутри партии, за что оппортунисты упрекают ее в нетерпимости. Именно поэтому она выгнала из своих рядов троцкистов, анархо-синдикалистов, правых оппортунистов, буржуазных националистов и других врагов рабочего класса, которые скатились в лагерь контрреволюции, стали агентурой и слугами фашизма. Установлено, что вдохновитель троцкистов—Троцкий и его подручные бухаринцы и троцкисты связаны прямо, непосредственно с рядом контрреволюционных правительств, в частности с германским фашистским правительством Гитлера.

Установлено, что и троцкисты и бухаринцы договорились с

германскими фашистами и японскими империалистами о взаимной помощи и что троцкисты уже оказали серьезные услуги фашистам. По их заданию троцкисты и бухаринцы в СССР убили члена Политбюро ЦК ВКП(б) т. Кирова; троцкисты и бухаринцы убили тт. Куйбышева, Менжинского; они убили великого пролетарского писателя Горького; они устроили взрывы на шахте Кемерово, где были задушены газом рабочие; они устроили крушения нескольких поездов с огромными человеческими жертвами, в том числе крушение воинского поезда на станции Шумиха, где было убито 29 красноармейцев и столько же ранено. По заданию фашистов троцкисты взялись дезорганизовать обороноспособность СССР. Они, агенты фашизма, явились провокаторами, поджигателями войны против СССР. Они и в Испании, в лице организации ПОУМ, сыграли такую же провокаторскую роль. Нет никакого сомнения, что они действовали в сговоре с германскими и итальянскими фашистами, толкая испанских анархистов на такие шаги, которые были вредны для революции. Они пользовались своими связями с фашистами, конечно, не только против СССР, но и против революционного движения пролетариата в других странах.

К партии большевиков-коммунистов могут примазаться и примазываются вредные, чуждые элементы, в нее могут проникнуть отдельные карьеристы, шкурники, разложившиеся люди. Коммунистическая партия их беспощадно выгоняет из своих рядов, систематически проводя чистки партии.

Партия большевиков, ее вожди Ленин и Сталин всегда боролись за укрепление партии, за партийность. Еще тогда, когда строилась партия, в 1904 г. Ленин писал:

«У пролетариата нет иного оружия в борьбе за власть, кроме организации. Разъединяемый господством анархической конкуренции в буржуазном мире, придавленный подневольной работой на капитал, отбрасываемый постоянно «на дно» полной нищеты, одичания и вырождения, пролетариат может стать и неизбежно станет непобедимой силой лишь благодаря тому, что идейное объединение его принципами марксизма закрепляется материальным единством организации, сплачивающей миллионы трудящихся в армию рабочего класса. Перед этой армией не устоит ни одряхлевшая власть русского самодержавия, ни дряхлеющая власть международного капитала»[1].

Анархо-синдикалисты выступают против партийности, тогда как на деле сами представляют *партийное* течение. Как мы уже указывали, фактически существует *анархо-синдикалистская партия*. И когда Амьенская хартия советует «не считаться с партиями и сектами, не вносить в синдикаты те мнения, которые тот или иной член синдиката исповедует вне профессионального движения», то анархо-синдикалистская организация действует в данном случае неискренно, потому что *в синдикатах, профсоюзах анархо-синдикалисты проводят мнение своей партии—анархистской партии*. Следовательно, они не могут требовать того,

[1] *Ленин*, Соч., т. VI, стр. 328.

чтобы коммунисты в профсоюзах не проводили своих взглядов, не вносили своих мнений. А разве профсоюз не имеет программы? Ведь Всеобщая конфедерация труда во Франции объединяет (пункт 2 устава), независимо от каких бы то ни было политических течений, всех рабочих, *сознающих необходимость борьбы за уничтожение системы наемного труда и предпринимательства.* Разве это не есть политическая программа, разве уничтожение наемного труда не есть в высшей степени важное *политическое* требование всего пролетариата?

Вся история борьбы рабочего класса показала несостоятельность взглядов анархо-синдикалистов в вопросе об отношении к политической борьбе, к формам государства. И мы горячо приветствуем поэтому тех анархо-синдикалистов в Испании, Франции, которые это поняли и которые пошли на единый фронт с коммунистами и социалистами для борьбы против фашизма. И это есть сугубо политическая борьба. Воздержание от этой борьбы нанесло бы огромный вред рабочему классу. Никакой «*нейтральности*», которую проповедывали еще недавно анархо-синдикалисты по отношению к политической борьбе, *у профсоюзов и синдикалистов, у рабочего класса не должно быть.* Какой бы вопрос ни ставился в стране, рабочий класс должен иметь свое определенное мнение по этому вопросу и должен его отстаивать.

* * *

Наконец, *верно ли утверждение анархо-синдикалистов, что всякая централизованная организация—зло?*

Мы приводили уже мнение анархо-синдикалиста Пуже, который в книге «Основы синдикализма» противопоставляет теорию синдикализма демократизму, причем он утверждает, что «*синдикальное право* ничего не имеет общего *с демократическим правом*», что «демократизм со своим правом всеобщего голосования и с политическим господством народа стремится укрепить экономическое рабство рабочего класса». Этому демократизму Пуже противопоставляет синдикализм, который, по его словам, «исходит из признания личности, как автономного существа...»

В Лондоне в 1906 г. состоялось совещание анархистов. На этом совещании анархисты обсуждали, какой должна быть форма их организации. Они отвергли необходимость создания центрального комитета и всякой централизованной организации. Они отвергли принцип решения вопросов по большинству голосов. Принятые решения анархисты считают обязательными только для тех, кто принимает их и кто с ними добровольно соглашается.

А что же получается от этого? Получается то, что вместо коллективного мнения, обязательного для всех членов организации и проводимого в жизнь, каждый «сам себе господин». Вырабатывается культ личности, аристократический культ, и этот культ личности приводит к тому, что в решительный момент, когда рабочему классу надо действовать безотлагательно, начинается бесконечная дискуссия, которой пользуется враг. Врагу выгодно,

чтобы у рабочего класса не было одного мнения, обязательного для всех участников борьбы. Врагу выгодно, чтобы каждый пролетарий действовал по-своему, а не так, как этого требуют общие интересы рабочего класса. Врагу выгодно, чтобы у трудящихся не было единой дисциплины, единых, обязательных для всех решений—врагу выгодно такое анархическое состояние организации. А рабочему классу такое состояние приносит огромный вред. Вся история борьбы рабочего класса, в особенности борьбы последних лет, в том числе и борьбы трудящихся Испании, показывает, какой огромный вред приносит это учение анархистов рабочему классу.

Таким образом, на собственном опыте анархисты и анархо-синдикалисты Испании должны были убедиться в том, что необходимо, во-первых, активнейшее участие рабочего класса в политической борьбе; во-вторых, что необходим единый фронт анархистов и анархо-синдикалистов с другими политическими партиями, борющимися против фашизма; в-третьих, что необходима единая дисциплина, единое руководство; в-четвертых, что вредно для дела пролетариата отказываться от участия в революционной власти.

А эти сдвиги в сознании анархистов и анархо-синдикалистов и тех трудящихся, которые находятся под их влиянием, помогут сближению между анархистами и коммунистами, помогут их совместным действиям в Испании и других капиталистических странах.

VII
КРИТИКА АНАРХИЗМА И АНАРХО-СИНДИКАЛИЗМА В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ МАРКСА, ЭНГЕЛЬСА, ЛЕНИНА и СТАЛИНА

С самого начала возникновения коммунистического движения Маркс и Энгельс вели борьбу против непролетарских, ненаучных учений, которые распространялись в рабочем классе. От капитализма страдал не только пролетариат. Развитие капитализма означало переход средств производства в руки все меньшего количества владельцев, означало разорение не только крестьянства и огромной массы ремесленников, т. е. мелких собственников, но вело также в период кризисов к разорению менее приспособленных мелких капиталистов-предпринимателей. Таких «взбесившихся от ужасов капитализма» буржуа было не мало среди сторонников анархического движения, против которых вели борьбу Маркс и Энгельс, Ленин и Сталин.

Ленин в 1901 г. написал тезисы «Анархизм и социализм», предназначенные для реферата на эту тему. В этих тезисах Ленин писал:

«Ан[а]р[хи]зм—вывороченный на изнанку буржуазный *индивидуализм.* Индивидуализм, как основа всего мировоззр[ения] ан[а]рх[и]зма... защ[ита] мелк[ой] соб[ственно]сти и *м[елкого] х[озяйст]ва* на земле... отриц[ание] объед[иняющей] и организ[ующей] силы власти... Непон[имание] разв[ития] общ[ест]ва—роль крупного про[изводст]ва—разв[ития] кап[итали]зма в с[оциализ]м.

(Ан[ар]х[из]м—порожд[ение] *отчаяния.* Психология выбитого из колеи интеллигента или босяка, а не пролетария). ...Непон[имание] *клас[совой]* б[орь]бы прол[етариа]та... подч[инение] раб[очего] к[лас]са *б[уржуа]з[ной]* политике под видом отрицания политики». Основным вопросом, по которому они вели борьбу против анархистов, был вопрос об отношении к власти.

Ленин следующим образом определил основное расхождение марксистов с анархистами:

«Анархистами называются те, которые отрицают необходимость государственной власти, а мы говорим, что она безусловно необходима и не только для России сейчас, но и для всякого государства, которое даже прямо бы переходило к социализму. Безусловно необходима самая твердая власть! Мы только хотим, чтобы эта власть была всецело и исключительно в руках большинства рабочих, солдатских и крестьянских депутатов»[1]. Так

[1] *Ленин,* т. XX, стр. 405.

говорил Ленин на I Всероссийском съезде крестьянских депутатов летом 1917 г., незадолго до социалистической Октябрьской революции. Этими словами Ленин провел резкую черту между анархистами и коммунистами. И действительно *основной вопрос, который разделяет анархистов и коммунистов,—это вопрос об отношении к государству, к власти, к необходимости революционной власти для пролетариата, диктатуры пролетариата* в период перехода от капитализма к коммунизму.

Известно, что Маркс дал резкую критику произведениям отца анархизма *Прудона*. Еще в самом начале своей политической деятельности Маркс увидел в произведениях этого мелкобуржуазного утописта вредное пролетариату учение. В книге «Нищета философии» Маркс дает резкую критику мелкобуржуазных взглядов Прудона.

Прудон в 1847 г. опубликовал свою работу «Система экономических противоречий», в которой выразил свои мечты о том, что будущее общество будет построено на началах мютюэлизма, т. е. взаимного товарообмена между отдельными самостоятельными (автономными) группами производителей. Прудон был противником организованной экономической борьбы рабочего класса, высказывался против союзов и стачек. Он писал, что «закон, разрешающий союзы, есть закон в высшей степени антиюридический и антиэкономический, противоречащий всякому обществу и порядку». Он был противником классовой борьбы и мечтал о сотрудничестве классов. Он был противником всякого вмешательства той или иной политической партии в борьбу между трудом и капиталом, считая, что надо предоставить все свободе и конкуренции.

Конечно, Маркс должен был обрушиться против такого рода теории, которая была очень выгодна капиталистам, которая целиком была в интересах эксплоататоров. Маркс дал поэтому исчерпывающий и резкий, вполне заслуженный ответ на эти мелкобуржуазные планы в своей книге «Нищета философии».

Вместе с тем *Прудон был отцом анархистских взглядов на государство*. Он проповедывал необходимость разрушения всякого государства. Анархист Бакунин заимствовал свои идеи у Прудона.

Энгельс в письме к Т. Куно 24 января 1872 г. писал: «У Бакунина своеобразная теория, смесь из прудонизма и коммунизма, причем для первого характерно, что он считает главным злом, подлежащим устранению, не капитал, не классовое противоречие между капиталистами и рабочими, возникшее благодаря общественному развитию, а *государство*»[1].

В чем же состоит основное отличие между анархистами и коммунистами в вопросе об отношении к государству? Это различие в основном Ленин сводит к трем важнейшим пунктам:

«Различие между марксистами и анархистами состоит в том, что 1) первые, ставя своей целью полное уничтожение государ-

---

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Письма, стр. 269—270, Партиздат, 1932 г.

ства, признают эту цель осуществимой лишь после уничтожения классов социалистической революцией, как результат установления социализма, ведущего к отмиранию государства; вторые хотят полного уничтожения государства с сегодня на завтра, не понимая условий осуществимости такого уничтожения. 2) Первые признают необходимым, чтобы пролетариат, завоевав политическую власть, разрушил полностью старую государственную машину, заменив ее новой, состоящей из организации вооруженных рабочих, по типу Коммуны; вторые, отстаивая разрушение государственной машины, представляют себе совершенно неясно, *чем* ее пролетариат заменит и *как* он будет пользоваться революционной властью; анархисты даже отрицают использование государственной власти революционным пролетариатом, его революционную диктатуру. 3) Первые требуют подготовки пролетариата к революции путем использования современного государства; анархисты это отрицают»[1].

Некоторые анархисты видят разницу взглядов анархистов и коммунистов в том, что анархисты будто бы стоят за полное уничтожение государства, а коммунисты-де считают необходимым сохранение государства навсегда. Это неправильно. И Маркс, и Энгельс, и Ленин, и Сталин неоднократно писали о том, что они борются за коммунизм, за такое общественное устройство, при котором не будет необходимости *ни в какой государственной власти*. Но когда это возможно? Только тогда, когда победит социализм не только в одной, а, по крайней мере, в целом ряде решающих стран, когда исчезнет капиталистическое окружение, исчезнет опасность восстановления капитализма. Когда социалистическое общество поднимется на такую ступень, при которой возможно будет осуществление принципа «от каждого по его способностям, каждому по его потребностям». Тогда, следовательно, выработаются и новая дисциплина труда и новые взаимоотношения между людьми, будут полностью выкорчеваны остатки капитализма в экономике и в сознании людей. Только тогда и не нужна будет государственная *власть*. Тогда исчезнет необходимость в *пролетарском* государстве, и государство это начнет *отмирать*.

Правда, Маркс и Энгельс, исходя из того, что революция социалистическая произойдет *одновременно* во всех или в главнейших капиталистических странах, думали и писали, что государство начнет отмирать с того момента, когда средства производства перейдут в руки пролетариата *и некого будет подавлять*. На деле же история развития империализма и история пролетарской революции показали, что победа социализма одновременно во всех странах *невозможна*. Революция пролетариата победила в одной стране—в России. На $^5/_6$ земного шара осталось господство капитализма, осталось капиталистическое окружение, враждебное социализму. Стало быть, не может быть и речи об отмирании государства в таких условиях.

---

[1] *Ленин*, т. XXI, стр. 449.

«Только в коммунистическом обществе,— писал Ленин,— когда сопротивление капиталистов уже окончательно сломлено, когда капиталисты исчезли, когда нет классов (т.-е. нет различия между членами общества по их отношению к общественным средствам производства), *только* тогда «исчезает государство и *можно говорить о свободе*». Только тогда возможна и будет осуществлена демократия действительно полная, действительно без всяких изъятий. И только тогда демократия начнет *отмирать* в силу того простого обстоятельства, что, избавленные от капиталистического рабства, от бесчисленных ужасов, дикостей, нелепостей, гнусностей капиталистической эксплуатации, люди постепенно *привыкнут* к соблюдению элементарных, веками известных, тысячелетиями повторявшихся во всех прописях правил общежития, к соблюдению их без насилия, без принуждения, без подчинения, *без особого аппарата* для принуждения, который называется государством»[1].

Анархисты же считали и считают, что государство должно отмереть и отмирает *на другой день после социалистической революции* или, как они говорят, на другой день после *социальной* революции. Коммунисты считают—и это доказал опыт пролетарской социалистической революции в СССР,—что *после социалистической революции пролетариат ломает аппарат буржуазного государства,* и на месте разрушаемой машины буржуазного государства создается новое государство—социалистическое, пролетарское.

У пролетарского государства есть такие функции, которые сразу не могут отмереть, такие задачи, которые сразу не могут быть выполнены. Ему надо подавить сопротивление эксплоататоров, раздавить контрреволюцию. Опыт показал, что для этого необходим централизованный аппарат государства, нужна мощная технически оснащенная Красная Армия, нужны органы «плебейской», быстрой, решительной и беспощадной расправы с врагами народа. Пролетарскому государству надо оборонять революцию от капиталистического окружения, помогающего контрреволюционерам бороться за восстановление капиталистического строя. Социалистическому государству нужна армия, нужна опытная разведка, умеющая пресекать козни врагов. Пролетарскому государству необходимо ликвидировать классы, уничтожить паразитические классы и оказать помощь мелким товаропроизводителям в переходе на путь коллективного, социалистического хозяйства. Социалистическому государству надо создать свою совершенную технику, вести огромную хозяйственную, строительную работу, надо создать хозяйственную систему, более совершенную и производительную, чем капиталистическая. Все эти функции не могут отмереть сразу, а некоторые из них требуют сохранения до тех пор, пока существует капиталистическое окружение.

Маркс и Энгельс высмеивали в свое время мелкобуржуазного философа Евгения Дюринга, который защищал анархистскую идею

[1] *Ленин,* т. XXI, стр. 431.

о том, что государство может быть «*отменено*». *Не об отмене государства* писали Маркс и Энгельс, а именно *об отмирании его*. Но надо помнить, что если победивший в социалистической революции пролетариат разбивает машину *буржуазного* государства, то пролетарское социалистическое государство отомрет только тогда, когда будет построено коммунистическое общество. Товарищ Сталин, развивая учение Маркса в новых условиях классовой борьбы, исходя из опыта строительства социалистического общества в обстановке капиталистического окружения, учит, что социалистическое государство рабочих и крестьян должно быть укреплено, чтобы быть способным развеять вправ всех врагов и обеспечить победу коммунизма. На путях к коммунистическому обществу надо не ослаблять, а укреплять диктатуру рабочего класса, социалистическое государство рабочих и крестьян.

Так обстоит дело с отмиранием государства.

В критике Готской программы германских социал-демократов, разоблачая пошлые буржуазные словечки Лассаля о «народном государстве», Маркс писал:

«Между капиталистическим и коммунистическим обществом лежит период революционного превращения первого во второе. Этому периоду соответствует и политический переходный период, и государство этого периода не может быть ни чем иным, кроме как *революционной диктатурой пролетариата*»[1].

Повторяем, это пролетарское государство необходимо именно для того, чтобы создать новое, социалистическое хозяйство, построить фундамент социалистической экономики, подавить, уничтожить сопротивление эксплоататорских классов, помочь крестьянству стать на путь социализма, ликвидировать паразитические классы и тем самым подготовить переход к коммунистическому обществу. Именно эту задачу и выполнила советская власть, пролетарская диктатура в СССР после Октябрьской революции 1917 г., но этого еще недостаточно. Социалистическое государство необходимо для построения коммунистического общества, первая фаза которого в основном уже построена в СССР. Этого не понимают те анархисты, которые затвердили бакунинско-прудоновскую мысль, что надо разрушить всякое государство, и поэтому они мало задумываются над тем, существуют ли в каждый данный момент в том или ином государстве конкретные условия для того, чтобы перейти к социализму. Поэтому они воображают, будто социалистическая («социальная») революция может произойти в любой стране при любых условиях.

Еще хуже, если руководители и участники движения не умеют разобраться во-время в том, какая революция происходит в той или иной стране, если они смешивают революцию социалистическую с революцией буржуазно-демократической. Это очень опасно, когда буржуазно-демократическую революцию принимают за социалистическую и начинают проводить такие мероприятия,

---

[1] *Маркс*, Критика Готской программы, стр. 47, Партиздат, 1937 г.

которые неосуществимы при буржуазно-демократической революции. В этом случае анархистские вожаки движения нередко приходят, как это имело место не раз, в противоречие со всем ходом развития революционного движения. Вот почему Маркс, Энгельс, Ленин и Сталин так резко критикуют отношение анархистов к государству, к государственной власти и к участию пролетариата в органах власти, создаваемых революцией.

«Надо,—писал Ленин, излагая взгляды анархистов,—думать *только* о разрушении старой государственной машины, нечего вникать в *конкретные* уроки прежних пролетарских революций и анализировать, *чем* и *как* заменять разрушаемое»,—рассуждает анархист (лучший из анархистов, конечно, а не такой, который, вслед за гг. Кропоткиными и К°, плетется за буржуазией); и у анархиста выходит поэтому тактика *отчаяния,* а не беспощадно-смелой и в то же время считающейся с практическими условиями движения масс революционной работы над конкретными задачами»[1].

Таким образом, и коммунисты и анархисты *сходятся* на том, что необходимо осуществить такой строй, при котором исчезла бы всякая необходимость в государственной власти; но в то время как коммунисты считают необходимым государство пролетарской диктатуры для того, чтобы построить коммунистическое общество, анархисты воображают, будто можно *прямо* перескочить от любого строя—капиталистического, помещичьего, полуфеодального—к коммунизму, к безгосударственному строю.

Когда Бухарин, впоследствии расстрелянный советским судом как фашистский бандит, в годы империалистической войны пытался протащить в партию анархистские взгляды о «взрыве» государства после социалистической революции, Ленин и Сталин разоблачили эти по существу контрреволюционные взгляды. Ленин и Сталин доказали, что нельзя смешивать анархистскую теорию «взрыва» государства с марксистской теорией «слома» буржуазно-государственной машины. Рабочему классу нужно мощное социалистическое государство, способное ликвидировать классы, построить социалистическое общество, обеспечить окончательную победу социализма.

В то время как *коммунисты считают необходимым создание определенного централизованного управления, анархисты являются сторонниками федерализма*—строя, основанного на договоре отдельных самостоятельных, автономных общин («коммун»), причем этот федерализм анархисты, как они уверяют, устанавливается *снизу*. Правда, мы видели на примере деятельности Махно и анархистов-махновцев, что никакого федерализма снизу они не провели, а провели диктатуру анархистов, назначая сверху диктаторов-комендантов и т. п. Начав с анархистских заявлений о вреде всякого государства, всякой власти и всякой диктатуры, анархисты-махновцы создали в районе своей деятельности полицейско-махновское государство с *неограниченной* вла-

[1] *Ленин,* т. XXI, стр. 452.

стью кулацко-бандитских элементов, с тайной полицией—разведкой со своими безапелляционными судами, со своей армией и т. п. Европейским анархистам кажется, что на другой день после революции каждая коммуна, каждый синдикат, каждая сельская организация, каждый кооператив свободно и самостоятельно объединятся на договорных началах, как хотят и с кем хотят, и что такую организацию можно создать в каких угодно масштабах. Опыт революции в СССР и опыт революционного движения в других странах—в том числе и события в Испании—показывают, что это мнение анархистов неправильно. Поэтому с такими взглядами коммунисты не могут согласиться. Именно поэтому и у Ленина в его замечательной работе «Государство и революция» мы находим такое указание:

«Маркс сходится с Прудоном в том, что они оба стоят за «разбитие» современной государственной машины...

Маркс расходится и с Прудоном и с Бакуниным как раз по вопросу о федерализме (не говоря уже о диктатуре пролетариата). Из мелкобуржуазных воззрений анархизма федерализм вытекает принципиально. Маркс централист. И в приведенных его рассуждениях нет никакого отступления от централизма. Только люди, полные мещанской «суеверной веры» в государство, могут принимать уничтожение буржуазной машины за уничтожение централизма!

Ну, а если пролетариат и беднейшее крестьянство возьмут в руки государственную власть, организуются вполне свободно по коммунам и *объединят* действие всех коммун в ударах капиталу, в разрушении сопротивления капиталистов, в передаче частной собственности на железные дороги, фабрики, землю и прочее *всей* нации, всему обществу, разве это не будет централизм? разве это не будет самый последовательный демократический централизм? и притом пролетарский централизм?»[1]

Таким образом, самым главным и основным в различии между анархистами и коммунистами надо считать вопрос о том, нужно ли рабочему классу организовать власть, когда он побеждает, нужно ли ему иметь свое социалистическое государство? Вопрос этот встает перед пролетариатом не только в период социалистической революции. И в 1905 г., когда в России происходила буржуазно-демократическая революция, Ленин и большевики отстаивали необходимость организации временного революционного правительства из представителей рабочих и крестьян. Ленин, Сталин и вся партия большевиков настаивали на том, что такое правительство должно быть революционной диктатурой рабочих и крестьян. Эта диктатура нужна для того, чтобы подавить сопротивление помещиков и капиталистов, конфисковать помещичьи земли, отстоять завоевания революции. Тем более государственная власть необходима пролетариату, когда он свергает капиталистов, устанавливает диктатуру пролетариата и строит коммунистическое общество.

---

[1] *Ленин,* т. XXI, стр. 406.

В самом начале 1917 г., когда царизм был свергнут и встал вопрос о том, что же делать дальше, Ленин в «Письмах из далека» высказывался совершенно определенно, что нам, коммунистам, необходимо организовать революционную власть.

«Нам нужна,—писал Ленин,—революционная *власть,* нам нужно (на известный переходный период) *государство.* Этим мы отличаемся от анархистов. Разница между революционными марксистами и анархистами состоит не только в том, что первые стоят за централизованное, крупное, коммунистическое производство, а вторые за раздробленное, мелкое. Нет, разница именно по вопросу о власти, о государстве состоит в том, что мы *за* революционное использование революционных форм государства для борьбы за социализм, а анархисты *против*»[1].

Что же касается буржуазно-демократической революции, какими были революция 1905 г. и февральская революция 1917 г., то в том и в другом случае дело шло о создании такой власти рабочих и крестьян, которая позволила бы им справиться со всеми врагами революции и облегчить переход к следующему ее этапу—к социалистической революции.

До Октябрьской социалистической революции 1917 г. анархисты всех стран, не имея перед собой ни одного примера победившей пролетарской диктатуры, могли еще *теоретически* спорить о том, нужна ли пролетариату государственная власть, нужна ли пролетарская диктатура. Но вряд ли найдется хотя бы один серьезный общественный деятель, хотя бы один вполне сознательный рабочий, который сказал бы, что, сбросив власть капиталистов и помещиков в октябре 1917 г., рабочие и крестьяне-бедняки бывшей России могли бы обойтись без государственной власти, без диктатуры пролетариата. Нет никакого сомнения в том, что тогда, объединившись между собой, интервенты вместе с только что сброшенными капиталистами, помещиками, генералами, купцами, попами, чиновниками и кулаками восстановили бы власть капитализма, власть помещиков в гораздо более жестоких формах, что они залили бы кровью всю страну, чтобы установить в ней старые порядки.

Без сильной централизованной власти народы Советской России не могли бы защищаться против интервенции 14 капиталистических государств. Пролетарская социалистическая революция именно потому и победила в России, трудящиеся СССР потому и сумели в основном построить социализм, что с самого начала была организована советская власть, эта новая форма пролетарского государства, созданная пролетариатом. Эта пролетарская власть—диктатура пролетариата—сконцентрировала в своих руках все средства, все силы, объединила всю страну, всю мощь трудящихся масс многонациональной страны. В обстановке невероятной нищеты, страшных разрушений, вызванных империалистической и гражданской войнами, в обстановке саботажа со стороны старых чиновников, старых специалистов,—эта пролетарская дик-

[1] *Ленин,* т. XX, стр. 34—35.

татура, железной рукой расправляясь с врагами, руководя трудящимися массами, сумела вывести страну из состояния разрухи. Из нищей, разоренной страны пролетарская диктатура превратила СССР в богатое государство, из технически отсталого—в передовое, социалистическое; из страны с мелким раздробленным единоличным крестьянским хозяйством в страну с мощным, передовым коллективным сельским хозяйством, вооруженным передовой техникой; из страны, в которой массы народа были неграмотны, в культурную, грамотную страну.

Вот, например, что представляет собой сельское хозяйство СССР: колхозы в конце 1936 г. имели в своем распоряжении 316 тыс. тракторов мощностью в 5 700 тыс. лош. сил, а вместе с совхозами они имели свыше 400 тыс. тракторов мощностью в 7 580 тыс. лош. сил. Эти цифры привел товарищ Сталин в своем докладе о проекте Конституции СССР. К 1 августа 1937 г. на социалистических полях работало 450 тыс. тракторов мощностью в 8 300 тыс. лош. сил. А все знают, что до Октябрьской социалистической революции сельское хозяйство не имело тракторов, что ни один завод в России не производил тракторов. Вот эту огромную армию железных коней создало Советское государство.

Сельское хозяйство СССР получило от пролетарского государства не одни только тракторы, а и автомобили, электромоторы, локомобили, нефтяные двигатели, комбайны и т. п. Сумма механической энергии, которая обслуживает социалистическое земледелие, уже в конце 1936 г. в СССР равнялась 19 млн. лош. сил. Мы о таких цифрах два-три десятка лет тому назад, когда работали в подпольных организациях, борясь против царизма, против капиталистов и помещиков, не могли и мечтать.

Еще в 1928 г. эта механическая энергия составляла всего 4% общей суммы энергии, затрачиваемой сельским хозяйством СССР, а в 1936 г. она составляла уже 60%, почти в 15 раз больше. Сотни тысяч комбайнов и огромный парк других сельскохозяйственных орудий и машин работают на социалистических полях СССР. Старые крестьянские хозяйства в своем большинстве вооружены были деревянной сохой. До революции было 8 млн. сох. Соха теперь исчезла, ее заменили прекрасные стальные плуги и тракторы. В социалистическом сельском хозяйстве работают комбайны, сноповязалки, виндроуэры, свеклоподъемники, всевозможные механические сеялки, культиваторы, мощные молотилки на механическом приводе и т. п. Всюду организованы государством машинно-тракторные станции, которые обслуживают крестьянские коллективные хозяйства. Тракторов в 1937 г. в Советском Союзе в 30 раз больше, чем в Германии, в 40 раз больше, чем в Италии. Достаточно привести только эти цифры, чтобы понять, что пролетарское государство со всей его мощью, со всей его организованностью, направленными к одной цели—к организации социалистического хозяйства, к победе социализма, могло добиться таких результатов.

Советский Союз стал мощной индустриальной державой. Нет такой машины, такого станка, которых нельзя было бы изготовить

в СССР. Промышленность СССР по сравнению с довоенным уровнем выросла более чем в 7 раз. Выросли и растут новые люди, новые кадры, овладевшие техникой, обеспечивающие такой мощный производственный подъем, о котором и мечтать не могут капиталистические страны. И все это обеспечило народам Советского Союза социалистическое государство рабочих и крестьян, руководимое большевистской партией, партией Ленина—Сталина.

Поэтому в высшей степени жалкими, совершенно необоснованными именно в свете пролетарской революции являются рассуждения анархистов о вреде всякого государства, о вреде всякой власти.

Нет, не всякое государство должен разрушать пролетариат, и не против всякой власти он должен выступать: он должен выступить против буржуазного государства, разрушить его и построить пролетарское государство. Он сам должен стремиться создать такую власть, которая действует в интересах революции, в интересах пролетариата. Пролетариат не может поэтому воздерживаться от участия в такой, например, власти, как власть народного антифашистского фронта, защищающая революцию против фашистов, против империалистов; при определенных условиях он должен принять *активнейшее* участие в такой власти, для того чтобы помочь разрешить сложнейшие задачи, которые встают в такой момент перед трудящимися массами. В 1905 г. большевики спорили с оппортунистами-меньшевиками по вопросу о том, может ли пролетариат участвовать в революционном правительстве рабочих и крестьян. Анархисты знают, кто такие меньшевики, и никто из них не скажет, что мелкобуржуазная партия русских меньшевиков была в 1905 г. по-настоящему революционной партией. Нет, и тогда меньшевики тормозили революцию; в буржуазно-демократической революции они выступили на деле как агентура буржуазии в рабочем движении, хотя и находились *формально* в течение ряда лет в Российской социал-демократической рабочей партии вместе с большевиками. То, что они лишь прикрывали марксистскими фразами свою антипролетарскую природу, обнаружилось полностью уже в период реакции, между двумя революциями, и особенно в период революции 1917 г., когда меньшевики выступили как враги пролетарской революции, когда они очутились по другую сторону баррикад вместе с эсерами, кадетами и другими буржуазными партиями против пролетариата, против крестьянства. Они объединились с белогвардейцами против пролетарской диктатуры, против пролетарской революции. Вот эти-то оппортунисты-меньшевики упрекали нас, коммунистов-большевиков, в том, что мы стояли за участие пролетариата во временном революционном правительстве. История посмеялась над меньшевиками. В 1905 г. они выступили против участия *в революционном* правительстве, а в 1917 г. они вступили в *контрреволюционное* правительство Керенского и боролись против пролетарской революции.

Анархисты в течение ряда лет учили, что они не должны участвовать ни в какой власти, они проповедывали воздержание от политической борьбы. Но уже революция в России показала, что на деле анархисты поступают иначе. Мы видели, что анархисты-махновцы создали власть, но власть, враждебную рабочему классу, причем власть эта была диктаторской, не ограниченной никакими законами. Следовательно, анархисты в России сами показали несостоятельность своего учения об отношении к власти. Это не мешало им продолжать, как не мешает это продолжать анархистам других стран, твердить в своей печати, в своих выступлениях перед трудящимися массами, что анархисты против всякой власти и против участия в ней пролетариата. Анархизм приносит огромный вред пролетариату. Поэтому мы, коммунисты, и боремся против анархизма.

* * *

Должны ли рабочие участвовать в выборах в парламенты? Анархисты на это отвечали до сих пор так: рабочие не должны участвовать в парламентах. Ну, а как же быть тем рабочим, которые входят в синдикаты, в профсоюзы, когда эти рабочие спрашивают анархистов, кому они должны отдать голоса? Во время парламентских выборов анархисты обыкновенно отвечают рабочим, что они не советуют участвовать в выборах, а если рабочие хотят участвовать в выборах, то это их дело, анархисты не интересуются, за кого рабочие подадут голос. Хуже этого совета нельзя ничего себе и представить. К чему приводит такой совет? Он приводит к тому, что совершенно сбивает с толку рабочего, отдает его под влияние различного рода буржуазных политиков и ослабляет единую волю пролетариата. Нередко анархистски настроенные рабочие отдают голоса буржуазным партиям и тем самым усиливают буржуазию.

Пролетариат не может воздерживаться от участия в политической борьбе, а парламентская борьба есть один из видов политической борьбы. За эту проповедь воздержания от политической борьбы Маркс и Энгельс критиковали в прошлом испанских анархистов.

Энгельс в 1873 г. написал в газете «Фольксштаат» три статьи «Бакунисты за работой». В этих статьях Энгельс подверг критике действия испанских анархистов во время восстания 1873 г. В чем состояли эти ошибочные действия испанских анархистов? После отречения от престола испанского короля Амадео 9 февраля 1873 г. была провозглашена республика. В ответ на это в баскских провинциях Испании вспыхнуло так называемое карлистское, т. е. монархистское, восстание. Борьба шла, таким образом, между республиканцами и монархистами. *Должны ли были анархисты уклониться от этой борьбы? С точки зрения бакунинско-кропоткинской теории, они должны были уклониться. А на самом деле могли ли они уклониться? Нет, они не могли уклониться и приняли участие в этой борьбе.* Но что же получилось? Анархисты в течение многих лет проповедывали,

что рабочие не должны участвовать ни в какой революции, если эта революция не имеет целью немедленное и полное освобождение рабочего класса, что рабочие не должны участвовать в выборах и т. п. И вот накануне выборов в учредительное собрание, когда рабочие Барселоны, Алькоя и других мест потребовали разъяснения от анархистов, какой политики им следует держаться как в парламентской, так и во всякой другой борьбе, бакунисты, руководствуясь своей пресловутой идеей автономности, им отвечали, что «*Интернационалу, как ассоциации, вовсе не следует заниматься политической деятельностью, но что члены Интернационала, каждый за свой страх, могут действовать, как им угодно, и примыкать ко всякой партии, к какой им заблагорассудится...*»

«Каков же был результат применения этакого нелепого учения?—Таков, что огромная масса членов Интернационала, включая анархистов, приняла участие в выборах без программы, без знамени, не имея собственных кандидатов, и, таким образом, способствовала тому, что избраны были почти исключительно буржуазные республиканцы»[1].

Так в 1873 г. бакунисты в Испании оказались политическими банкротами, а своей линией поведения нанесли вред рабочему классу. Этот опыт показал, что вести себя так, как это сделали бакунисты, рабочий класс, как самый революционный класс, не должен, что *как класс* он должен иметь свою линию в таком важнейшем вопросе. Анархисты проповедывали в течение многих лет, что единственным серьезным средством борьбы является *всеобщая стачка*. В бакунинской программе всеобщая стачка является тем рычагом, посредством которого совершается социальная революция. Мы уже видели в предыдущей главе, что одна всеобщая стачка не может привести к победе революции без вооруженного восстания. И вот в 1873 г. в Барселоне была объявлена всеобщая стачка. Анархисты, объявившие ее, сказали:

«Рабочие! Мы устраиваем всеобщую забастовку, чтобы выразить глубокое негодование, которое мы испытываем при виде того, как правительство использует войска для усмирения наших трудящихся братьев, пренебрегая, однако, войной против карлистов»[2] и т. д.

Опять-таки, вместо того чтобы решить и сказать рабочим, на чьей же стороне они должны выступить с оружием в руках в этой борьбе, анархисты ограничились провозглашением всеобщей стачки в виде протеста.

В Алькое тогда было около 30 тысяч жителей, причем, по словам анархистской газеты «Солидаридад Революционер», в сражении участвовало около 5 тысяч рабочих, а против них было 32 вооруженных жандарма и еще несколько вооруженных

---

[1] Доклад Новой мадридской федерации Интернационала, представленный Женевскому конгрессу. См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Соч., т. XV, стр. 109.

[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*, Соч., т. XV, стр. 112. Партиздат, 1935 г.

людей. Победили рабочие. Что же тогда сделали они, руководимые анархистами? Они создали «комитет общественного спасения», т. е. *создали революционное правительство. После многих лет проповеди воздержания от участия в правительстве анархисты в Алькое создали революционное правительство.* Может быть, это революционное правительство приняло меры к тому, чтобы добиться, согласно программе, «немедленного полного освобождения рабочих»? Нет, комитет лишь запретил всем мужчинам выезжать из города, а женщинам это разрешил при наличии паспортов. А когда из Аликанте подошли войска генерала Веларде, «комитет общественного спасения», получив обещание от генерала, что члены его будут амнистированы, сложил свои полномочия.

Не лучше обстояло дело в Сан-Лукаре—де-Баррамеда и в других местах.

Энгельс высмеял за это Бакунина и его учеников, тогдашних испанских анархистов. Выводы Энгельса настолько важны для сегодняшней революционной Испании, настолько являются значительными для борьбы всего международного пролетариата, что мы приводим их здесь целиком:

«Каков же результат всего нашего исследования?

1) Как только бакунисты оказались пред лицом серьезной революционной ситуации, они вынуждены были выбросить за борт всю свою прежнюю программу. Прежде всего они пожертвовали своим учением о необходимости политического воздержания и, в особенности, воздержания от участия в выборах. Затем подверглась той же участи анархия, уничтожение государства; вместо того, чтобы уничтожить государство, они пытались, напротив, создать множество новых, мелких государств. Затем они отбросили тот принцип, что рабочие не должны принимать участия ни в какой революции, которая не имеет целью немедленное полное освобождение пролетариата, и приняли участие в заведомо чисто буржуазном движении. Наконец, они грубо нарушили свой только что провозглашенный догмат, что участие в революционном правительстве было бы только новым надувательством и новой изменой рабочему классу, преспокойно вступив в правительственные комитеты отдельных городов, и притом почти везде в качестве бессильного меньшинства, политически эксплоатируемого буржуазным большинством.

2) Это отречение от проповедывавшихся до тех пор принципов выразилось, однако, в самой трусливой, самой лживой форме и под давлением нечистой совести, так что ни сами бакунисты, ни руководимые ими массы, вступая в движение, не имели никакой программы или вообще не знали, чего они хотят. Каков же был естественный результат этого?—Тот, что бакунисты либо препятствовали всякому движению, как в Барселоне, либо вовлекались в разрозненные, лишенные плана, нелепые восстания, как в Алькое и в Сан-Лукар—де-Баррамеда; либо же руководство восстанием попадало в руки «непримиримых» буржуа, как это было в большинстве восстаний. Таким образом, как только дошло

до дела, ультра-революционный визг бакунистов превратился или в отлынивание, или в заведомо безнадежные восстания, или же в присоединение к буржуазной партии, которая постыднейшим образом политически эксплоатировала рабочих и вдобавок награждала их пинками сапога.

3) От так называемых принципов анархии, свободной федерации независимых групп и т. п. не остается ничего, кроме безмерного и бессмысленного раздробления средств революционной борьбы, позволившего правительству с помощью горсти солдат покорять почти без сопротивления один город за другим.

4) Все это привело не только к тому, что хорошо организованный и многолюдный испанский Интернационал,—как ложный, так и действительный,—полетел в пропасть вслед за непримиримыми и ныне фактически не существует, но вдобавок еще к тому, что на него же возводится множество вымышленных бесчинств, без которых филистеры всех стран не могут даже и представить себе рабочего восстания. А вследствие этого может быть на целые годы стала невозможной новая международная организация испанского пролетариата.

5) Одним словом, бакунисты в Испании дали нам непревзойденный пример того, как *не* следует делать революцию»[1].

Все это происходило больше 60 лет тому назад. Было бы в высшей степени печально, если бы прошедшие десятилетия и опыт русской революции, опыт прихода к власти фашистов в Италии, Германии, Польше, Португалии и опыт испанской революции—прошли даром для анархизма, если бы анархисты не сумели извлечь для себя необходимые уроки.

К счастью для революции, мы видим, что анархисты многое поняли; они увидели и убедились, что им необходимо многое пересмотреть в своей теории и практике, и в этом залог сближения между анархистами и коммунистами в Испании и других странах.

Не менее важным вопросом, связанным с предыдущим, является *вопрос об авторитарности, т. е. о признании авторитета, обязательности для себя мнения той или иной организации.*

В отличие от организации коммунистов, которую анархисты называют *«авторитарной»*, они себя называют *«либертерами»*, т. е. сторонниками полной, ничем не ограниченной свободы, полной автономии отдельной личности и каждой отдельной организации. Анархисты требуют, чтобы первым же актом социалистической революции была отмена всякого авторитета, всякой власти. Но они идут дальше; они требуют отмены всякого авторитета, всякой власти не только в социалистической революции. Из желания остаться верными учению анархизма о вреде всякой власти анархисты борются против авторитета, против власти того правительства, которое в данный момент ответственно за судьбу революции. Энгельс справедливо спрашивал по этому поводу:

---

[1] *К. Маркс и Ф. Энгельс*, Соч., т. XV, стр. 123—124.

«Видали ли они когда-нибудь революцию, эти господа? Революция есть, несомненно, самая авторитарная вещь, какая только возможна. Революция есть акт, в котором часть населения навязывает свою волю другой части посредством ружей, штыков, пушек, т. е. средств чрезвычайно авторитарных. И победившая партия по необходимости бывает вынуждена удерживать свое господство посредством того страха, который внушает реакционерам ее оружие. Если бы Парижская Коммуна не опиралась на авторитет вооруженного народа против буржуазии, то разве бы она продержалась дольше одного дня? Не вправе ли мы, наоборот, порицать Коммуну за то, что она слишком мало пользовалась этим авторитетом?»[1]

Революция в Испании показала анархистам, что они должны отказаться от защиты тех взглядов на авторитет власти, которые они защищали на протяжении многих и многих лет. Революционное насилие есть такое явление, без которого не может обойтись ни одна революция, и тем более социалистическая. Именно в интересах победы социализма, победы пролетариата Маркс, Энгельс, Ленин и Сталин отстаивали всегда необходимость революционного насилия и организации революционной власти.

Другое весьма существенное различие между анархизмом и марксизмом (коммунизмом) подчеркнул еще в 1906 г. товарищ Сталин в статье «Анархизм или социализм», напечатанной в грузинской газете «Ахали дроеба»:

«Марксизм и анархизм построены на совершенно различных принципах, несмотря на то, что оба под социалистическим флагом выходят на арену борьбы. Краеугольный камень анархизма—*личность*, освобождение которой, по его мнению, является главным условием освобождения массы, т. е. по мнению анархизма освобождение массы невозможно до тех пор, пока не освободится личность, в виду чего его лозунг: «Все для личности», тогда как краеугольный камень марксизма—*масса*, освобождение которой, по его мнению, является главным условием освобождения личности, т. е., по мнению марксизма, освобождение личности невозможно до тех пор, пока не освободится масса, в виду чего его лозунг: «Все для массы».

Вряд ли надо теперь доказывать, что и этот спор история разрешила в пользу марксизма-ленинизма. Исходя из *анархистской* идеи, писатель граф Лев Толстой учил, что счастье людей не зависит от изменения *политических* и *экономических* условий существования, *что* дело в *совершенствовании личности*. Облекая это учение в религиозно-нравственную оболочку, он учил, что «царство божие внутри нас». Мы видели уже, что известный анархист-индивидуалист Макс Штирнер ставит личность, ее интересы над обществом. Но вся история человечества, вся история борьбы классов, и в особенности история борьбы за социализм в СССР, показала, что не может быть и речи об освобождении личности, если не освобождены массы. Только в СССР могут быть

[1] Цит. по *Ленину*, т. XXI, стр. 412.

созданы и создаются условия для полного, всестороннего развития личных способностей, индивидуальных талантов. Для того чтобы из массы рабочих, крестьян, служащих, из миллионов людей труда могли вырасти гениальные музыканты, художники, инженеры, изобретатели, авиаторы, ученые, необходимо обеспечить прежде всего то, что обеспечивает сейчас Конституция СССР: право на труд *для всех*, право на образование *для всех*, право на отдых *для всех*, полное равноправие мужчины и женщины и другие условия существования тружеников социалистического общества. Надо было уничтожить безработицу, уничтожить возможность эксплоатации человека человеком, уничтожить беспризорность, чтобы создать условия для свободного развития *всех* трудящихся. *Только при наличии этих общественных условий* творческие силы, заложенные в *личности*, могут свободно развиваться.

Как быть, если интересы личности сталкиваются с интересами класса? Только когда каждый пролетарий подчиняет свою волю, свои интересы воле и интересам класса, воле и интересам *своего народа*, только тогда может быть успешной борьба. Это доказал опыт всех революций. Это доказал опыт революции и борьбы за социализм в СССР. Это доказывает повседневный опыт революции в Испании.

Нам кажется, что и этот вопрос революция разрешила таким образом, что анархисты Испании и других стран должны понять, что лозунг «все для масс» означает в то же время и осуществление условий для освобождения личности, что только освобождение трудящихся масс может создать свободу личности, возможности ее всестороннего развития.

С этими вопросами об отношении к власти, об участии в органах власти, об участии в созидательной государственной работе связан вопрос и о дисциплине и принуждении. *Конечно, во всякой серьезной пролетарской организации должна быть пролетарская революционная сознательная дисциплина.* Она проверяется не словами, а делами, преданностью, готовностью к самопожертвованию. Пролетарская дисциплина должна не только не уступать дисциплине в буржуазном государстве—*она должна быть выше, крепче и сильнее.* Пролетариат поэтому должен бороться против расхлябанности и недисциплинированности в своих рядах, которую сторонники этой расхлябанности защищают разговорами о свободе.

Свобода нового человеческого общества немыслима без сознательной революционной дисциплины ее членов; она немыслима без обязательности для всего пролетариата решений руководящих органов, им создаваемых. Мы можем только порадоваться, что революция в Испании в значительной степени разъяснила массам и этот вопрос, и анархистски настроенные рабочие усваивают необходимость железной дисциплины. Многие из них поняли, насколько вредна проповедь «организованной недисциплинированности», какие величайшие несчастья может принести и приносит революции эта проповедь. Спасением революции является созидательная железная революционная дисциплина.

* * *

Остановимся еще на двух вопросах, имеющих, несомненно, большое значение в спорах между анархистами и коммунистами.

Первый вопрос: *можно ли отменить классы или можно ли осуществить требование бакунинской программы—уравнение классов?* Недавно[1] мы читали в органе испанских анархистов сообщение о «коллективизации» алькойской металлопромышленности под таким заголовком:

«Свободное соглашение между трудящимися ликвидирует классы».

«В алькойской металлопромышленности существуют только трудящиеся, нет больше ни эксплоатируемых, ни эксплоататоров».

Нас заинтересовало: каким же образом в одном из городов Каталонии, *где еще не произошла социалистическая революция, не уничтожена частная собственность на средства производства*,—каким образом там классы уже ликвидированы, да еще «по свободному соглашению между трудящимися»? Как произошло то, что «там нет больше ни эксплоататоров, ни эксплоатируемых»? Если это можно сделать в *алькойской металлопромышленности*, то, очевидно, то же самое можно легко сделать во всех других областях хозяйства не только в Алькое, но и повсюду?

Когда мы ознакомились подробно с этим сообщением, мы убедились в том, что *никакой ликвидации классов на самом деле там не произошло.* В самом деле, что же произошло? Был произведен именем республиканской власти фактический *секвестр* металлургических предприятий Алькоя. После этого единый союз работников металлопромышленности города Алькоя созвал на собрание всех предпринимателей вместе с представителями фабрично-заводских комитетов. Открывая заседание, председатель союза Гонсало Боу произнес следующую речь:

«Господа, капитализм погиб, единственной основой сохранения его существования является фашизм, а фашизм в Испании на пути к уничтожению. Вы знаете, что мы переживаем кризис труда. Мы не хотим обострять этот кризис, несущий голод и нужду. Для разрешения всех проблем, связанных с кризисом, наш союз выдвигает определенную программу. Но мы понимаем, что, несмотря на благоприятствующие нам обстоятельства, мы должны предоставить вам возможность наметить выход, который, по вашему мнению, нормализует положение».

Что же сказали алькойские предприниматели? Они заявили, что *у них нет никаких предложений.* Под конец один из них, Франсиско Родес, сказал, что у него было предложение о создании консорциума алькойской металлопромышленности, которое он думал *при капитализме* поставить на обсуждение предпринимателей, но теперь капитализма больше нет, и он считает свое предложение несвоевременным.

---

[1] Это относится к 1936 г.—*Ред.*

Затем председатель изложил собравшимся следующие предложения:

«Экспроприация или социализация всех предприятий, складов, фабрик, текущих счетов, с пассивом и активом каждой фирмы. Экспроприация предприятий от имени единого союза работников металлопромышленности, который отныне будет называться «Единым союзом работников социализированной металлопромышленности». Образование административного центра из *представителей бывших* предпринимателей, рабочих, техников, коммерческих служащих и счетоводов. *Уничтожение всяких социальных границ.* Бывшим предпринимателям предоставляется работа на любом предприятии в качестве организаторов производства, причем они будут получать вознаграждение, равное тому, которое они получали при возникновении нынешней обстановки. Впрочем, режим зарплаты будет подвергнут пересмотру и изменению.

Тем временем надо приступить *к повышению зарплаты* рабочим, пусть в небольших размерах, но с тенденцией к уравнению зарплаты.

Для того чтобы предприниматели вошли в среду рабочих, они должны вступить в рабочую организацию.

...Можно сказать,—заключает корреспондент этого собрания в анархистском органе,—что сейчас в алькойской металлопромышленности путем совместных действий и предпринимателей и рабочих разрешена величайшая проблема. Вчерашние миллионеры, вчерашние капиталисты сейчас почитают себя счастливыми, работая рука об руку с рабочими и являясь членами Национальной конфедерации труда».

Мы не беремся здесь давать совет, нужно ли было производить секвестр металлургических предприятий в Алькое или нет. Испанские трудящиеся разберутся в этом вопросе и сами. Однако мы очень сомневаемся, чтобы одной только резолюцией можно было уничтожить «всякие социальные границы». Будущее покажет, насколько правильны такие мероприятия, но то, что мы знаем очень твердо из всего опыта революции, заключается в том, что *классы таким образом не ликвидируются.*

В 1921 г., когда Грузия была освобождена от власти грузинских меньшевиков, армянских и других мелкобуржуазных групп, связанных с империалистами, Ленин писал тогдашним руководителям Грузии—Серго Орджоникидзе и другим по поводу особенностей Грузии, и в этом письме он давал следующие советы:

«Первое: надо немедленно вооружить рабочих и беднейших крестьян, создавая крепкую грузинскую Красную армию.

Второе: необходима особая политика уступок по отношению к грузинской интеллигенции и мелким торговцам. Надо понять, что их не только нерасчетливо национализировать, а надо пойти на известные даже жертвы, лишь бы улучшить их положение и оставить им возможность вести мелкую торговлю».

Затем Ленин писал:

«Прошу помнить, что и внутренние, и международные условия Грузии требуют от грузинских коммунистов не применения рус-

ского шаблона, а умелого и гибкого создания своеобразной тактики, основанной на большей уступчивости всяческим мелкобуржуазным элементам»[1].

В другом письме к товарищам коммунистам Азербайджана, Грузии, Армении, Дагестана, Горской республики в апреле 1921 г. Ленин также писал о том, что необходимо:

«*Больше мягкости, осторожности, уступчивости по отношению к мелкой буржуазии, интеллигенции и особенно крестьянству...*»

«*Более медленный, более осторожный, более систематический переход к социализму—вот что возможно и необходимо для республик Кавказа в отличие от РСФСР*»[2].

Необходимо помнить, что это Ленин писал *спустя четыре года после социалистической революции в России.*

Для чего мы приводим эти документы? Мы думаем, что эти указания Ленина должны быть приняты во внимание рабочими многих стран. Советы, которые давал Ленин, были необходимы для Закавказья после социалистической революции; тем более они могут быть полезны для Испании. Не в том, конечно, смысле, что нужно обязательно в точности копировать то, что происходило в этих областях, а в том, что нужно прочувствовать, изучить, понять особые условия Испании для того, чтобы решить, можно ли сейчас, в 1937—1939 гг., когда еще не доведена до конца даже буржуазно-демократическая революция, не только проводить ликвидацию классов, но и говорить о ликвидации классов. С точки зрения марксизма-ленинизма, с точки зрения коммунизма это было бы ошибкой.

* * *

Второй вопрос—*об отношении анархистов и коммунистов к религии.* Это очень важный вопрос.

Коммунисты являются противниками религии, а стало быть, и сторонниками антирелигиозной пропаганды. Они никогда не являлись сторонниками церкви, сторонниками религии. Этого они никогда не скрывали и всегда боролись против религиозных мировоззрений и против церкви; *но они никогда не выдвигали требования отмены религии или отмены религиозных культов, никогда не выдвигали тактики насильственной ликвидации церкви.* Коммунисты выдвигают требование, которое имеется и в программе многих буржуазных партий,—отделение церкви от государства и школы от церкви. Отличие коммунистов от буржуазных партий заключается здесь в том, что буржуазные партии *провозглашали* эти требования, но никогда их последовательно, до конца не проводили, так как для государства буржуазии выгодно поддерживать реакционную церковь, оправдывающую и защищающую существующее неравенство и деление общества на классы.

---

[1] *Ленин,* т. XXVI, стр. 187—188.
[2] *Там же,* стр. 192.

В отличие от коммунистов анархисты, начиная с Бакунина, выдвигали требование *«отмены религии»*. Маркс и Энгельс, Ленин и Сталин всегда боролись против такого отношения к религии. В принятой на Чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде советов Сталинской Конституции СССР имеется статья, по которой обеспечивается всем гражданам свобода отправления религиозных культов и свобода антирелигиозной пропаганды. Антирелигиозная пропаганда сделала огромные успехи в СССР, но вместе с тем священники, служители культа в СССР пользуются всеми гражданскими правами наравне с остальными гражданами. Религиозные общины существуют на основании специального закона. Правда, революция уничтожила давным-давно все монастыри в СССР, которые были убежищем паразитов, эксплоататоров, контрреволюционеров и содержались на государственные средства. Служители культа не имеют в СССР никакого отношения к школе. В школе воспитываются новые люди, которые не нуждаются в религиозной морали, руководствуются более высокой общечеловеческой коммунистической моралью.

Но вот мы читаем в одном из номеров анархического органа «Солидаридад Обрера», что в результате революции в Каталонии все попы и монахи изгнаны, отправление церковного культа *прекратили*. Правильно ли это? Мы считаем, что такая тактика была неправильна, она не соответствовала интересам революции. Почему? Потому, что среди испанских рабочих и испанских крестьян, несомненно, очень много религиозных людей, которые с религией так легко и охотно не могут расстаться, как они расстаются со своими генералами, эксплоататорами, ненавистными им. Результаты векового религиозного воспитания не могут быть уничтожены в один день. Для этого нужна *большая политическая и культурно-просветительная работа*. Для этого еще более нужны глубокие изменения во всей хозяйственной жизни, во всем общественном укладе жизни трудящихся. К счастью, ошибка каталонских анархистов впоследствии была исправлена и в этом вопросе.

Мы считаем полезным напомнить, что писал Ленин по этому вопросу в специальной статье «Об отношении рабочей партии к религии». Ленин требовал, чтобы антирелигиозная пропаганда, пропаганда атеизма была полностью подчинена основной задаче пролетариата—«развитию классовой борьбы эксплуатируемых *масс* против эксплуататоров».

«Возьмем пример,—пишет Ленин.—Пролетариат данной области и данной отрасли промышленности делится, положим, на передовой слой довольно сознательных социал-демократов, которые являются, разумеется, атеистами, и довольно отсталых, связанных еще с деревней и крестьянством рабочих, которые веруют в бога, ходят в церковь или даже находятся под прямым влиянием местного священника, основывающего, допустим, христианский рабочий союз. Положим, далее, что экономическая борьба в такой местности привела к стачке. Для марксиста обязательно успех стачечного движения поставить на первый план, обязательно решительно

противодействовать разделению рабочих в этой борьбе на атеистов и христиан, решительно бороться против такого разделения. Атеистическая проповедь может оказаться при таких условиях и излишней и вредной—не с точки зрения обывательских соображений о неотпугивании отсталых слоев, о потере мандата на выборах и т. п., а с точки зрения действительного прогресса классовой борьбы, которая в обстановке современного капиталистического общества во сто раз лучше приведет христиан-рабочих к социал-демократии и к атеизму, чем голая атеистическая проповедь. Проповедник атеизма в такой момент и при такой обстановке сыграл бы только *на руку* попу и попам, которые ничего так не желают, как замены деления рабочих по участию в стачке делением по вере в бога. Анархист, проповедуя войну с богом во что бы то ни стало, на деле помог бы попам и буржуазии...»[1]

Над этими словами Ленина следует призадуматься каждому испанскому рабочему, и особенно безбожнику, атеисту. Ведь он должен заключить единый фронт не только с безбожниками, а он должен заключить единый фронт со всеми трудящимися, в том числе и с верующими; и поэтому он должен и в вопросе об отношении к религии так построить свою тактику, чтобы это не мешало главной и основной задаче сегодняшнего дня—сохранению и укреплению народного фронта для победы над фашизмом. Каталонские, мадридские, валенсийские и другие рабочие и крестьяне, уже ставшие на путь атеизма независимо от того, к какой они партии принадлежат, не должны забывать, что их *братья по борьбе*,—значительная часть рабочих и крестьян многих провинций Испании, в особенности таких областей, как Бискайя, Кастилия, Наварра и др.,—*являются людьми религиозными* и что эти религиозные люди одинаково с ними заинтересованы в борьбе против фашистских угнетателей Испании. Вот почему *неправилен и вреден анархистский лозунг отмены религии и отмены религиозного культа.*

Когда верующие сами убедятся в том, что религия им не нужна, только тогда они решат вопрос—*это надо предоставить их доброй воле*—о том, быть ли им в религиозной организации или нет, отправлять им религиозный культ или нет.

* * *

Мы не претендуем на то, что в этой небольшой главе мы дали исчерпывающую критику анархизма с точки зрения учения Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина. Мы остановились здесь на наиболее важных вопросах, имеющих отношение к современному революционному движению, к его теории и практике.

Великий продолжатель дела Ленина, вождь коммунизма—товарищ Сталин обогатил учение Маркса—Энгельса—Ленина о государстве рабочего класса, диктатуре пролетариата. Ленин и

---

[1] *Ленин,* т. XIV, стр. 72.

Сталин учат, что Советское государство живет в окружении капиталистических стран и поэтому надо укреплять социалистическое государство рабочих и крестьян. Надо ликвидировать остатки капитализма в экономике и сознании людей. Эксплоататорские классы в результате победы сталинских пятилеток ликвидированы, но остатки их хватаются за самые острые методы борьбы, получая поддержку капиталистического окружения.

«Сильная и мощная диктатура пролетариата,—вот что нам нужно теперь для того, чтобы развеять впрах последние остатки умирающих классов и разбить их воровские махинации»,—сказал товарищ Сталин. Нужно усилить мощь социалистического государства рабочих и крестьян для того, чтобы организовать оборону социалистического государства и построить коммунистическое общество.

VIII

ОТНОШЕНИЕ АНАРХИСТОВ К РЕВОЛЮЦИИ В ИСПАНИИ

Героическая борьба трудящихся Испании против фашизма, за демократическую республику привлекает к себе внимание всего мира. Равнодушных к этой борьбе почти нет. Весь мир разделился на врагов и друзей испанского народа. Дело генерала Франко—это дело кровавого фашизма, дело всей международной реакции. Дело трудящихся Испании—это дело трудящихся всего мира, дело всего передового и прогрессивного человечества. Отношение к революционным событиям в Испании прекрасно выразил вождь трудящегося человечества всего мира товарищ Сталин в своем ответе на приветственную телеграмму ЦК компартии Испании. «Освобождение Испании,—писал товарищ Сталин,—от гнета фашистских реакционеров не есть частное дело испанцев, а—общее дело всего передового и прогрессивного человечества».

Трудящиеся Испании знают, что ответ товарища Сталина—*это не только его личный ответ, это ответ всех народов СССР,* проникнутых горячим желанием помочь трудящимся Испании. Коммунистической партии, ее творцам и вождям—Ленину и Сталину обязаны трудящиеся СССР своим глубоким интернациональным воспитанием. Трудящиеся СССР всегда отзываются на призыв о помощи рабочему классу других стран. Трудящиеся СССР не раз давали неопровержимое доказательство международной братской солидарности, и эта международная братская солидарность в особенности ярко проявилась в отношении испанского народа.

Нас разделяют тысячемильные пространства, нас разделяют горы, реки, нас разделяют границы нескольких государств, но все препятствия преодолеваются, когда дело идет о помощи братьям по классу, братьям по борьбе. И это не на словах, а на деле доказали трудящиеся СССР. Они горды тем, что ими руководит славная коммунистическая партия большевиков, партия Ленина—Сталина, приведшая их к величайшим победам.

На VII конгрессе Коммунистического Интернационала мы слышали речи испанских делегатов-коммунистов, известных трудящимся всей Испании и далеко за пределами Испании: тт. Долорес Ибаррури, Гарсия, Хуано Вентури, Мартинеса Эваристо. Все их

речи были проникнуты желанием создать *единство трудящихся Испании, единство всех борющихся против фашизма и реакционных сил.* К этому единству призвал на VII конгрессе Коммунистического Интернационала руководитель Коминтерна т. Георгий Димитров, сделавший так много после освобождения его из застенков германских фашистских палачей для создания народного фронта против фашизма. И т. Димитров не устает призывать трудящихся всего мира:

«*Всеми силами помочь испанскому народу разгромить фашистских мятежников;*

не допустить дискредитации и срыва народного фронта во Франции;

всемерно ускорить создание мирового народного фронта борьбы против фашизма и войны»[1].

Тов. Димитров напомнил слова Ленина о том, какие условия создают это единство.

«Единство,—писал Ленин накануне империалистической войны,—действительно, необходимо рабочим. И всего необходимее понять, что кроме самих рабочих *никто* им не «даст» единства, никто *не в состоянии* помочь их единству. Единство нельзя «обещать»—это будет пустым хвастовством, самообманом; единство нельзя «создать» из «соглашения» интеллигентских группок—это печальнейшее, наивнейшее и невежественнейшее заблуждение.

Единство надо *завоевать*, и только сами рабочие, сами сознательные рабочие в состоянии добиться этого—упорным, настойчивым трудом.

Нет ничего легче, как написать аршинными буквами слово «единство», как посулить его, «провозгласить» себя сторонником его. На деле, однако, двинуть единство вперед можно только трудом и организацией передовых рабочих, *всех* сознательных рабочих.

Единство невозможно без организации. Организация невозможна без подчинения меньшинства большинству.

Истины эти—бесспорные. Никто в них не усумнится. Остается только—только!—провести их в жизнь. Это не легко. Это требует труда, настойчивости, сплочения всех сознательных рабочих. Но без такого труда нечего и говорить о рабочем единстве»[2].

И трудящиеся Испании показали, что они научились понимать и ценить значение единого фронта: они создали в обстановке борьбы организацию единого фронта, о которую разбиваются объединенные силы фашизма. Трудящиеся Испании видят, как во всех странах мира лучшие элементы рабочего класса, члены коммунистической партии, выступают на защиту дела испанского народа. Руководитель французских коммунистов, докладывая на собрании актива парижской организации коммунистической партии 30 октября 1936 г., говорил:

---

[1] *Димитров,* Народный фронт борьбы против фашизма и войны, «Коммунистический Интернационал» № 17 за 1936 г., стр. 47.

[2] *Ленин,* т. XVII, стр. 408.

«Все надо сделать, решительно все, чтобы вместе с испанской республикой восторжествовало дело свободы и мира во всех странах»[1].

Интернациональные бригады, сражавшиеся в Испании,—живое, яркое выражение этого единства международного пролетариата[2].

Какие же условия необходимы для успеха испанской революции, для ее победы над фашизмом? Для этого необходимо прежде всего *дальнейшее усиление и укрепление того единого фронта, который до сих пор обеспечивал победы.* Для этого необходимо, чтобы участвующие в едином фронте силы, в особенности пролетарские организации, совершенно точно определили цели и задачи движения. А для этого они должны *совершенно ясно представлять себе, что происходит в Испании, какая в ней происходит революция.* Имеем ли мы в настоящее время один ответ на это? К сожалению, нет. Почему важно для пролетариата иметь совершенно правильную и точную оценку характера происходящей революции? Потому, что *в зависимости от характера революции рабочий класс должен строить свою тактику, должен искать себе союзников, должен применять те или иные средства борьбы.*

Происходит ли в настоящее время пролетарская революция в Испании или буржуазно-демократическая революция? От правильного ответа на этот вопрос зависит правильность действий пролетариата.

На это правильный ответ дают коммунисты. *В Испании происходит в своеобразной обстановке, при своеобразном едином фронте трудящихся буржуазно-демократическая революция.* В статье «Что происходит в Испании» Долорес Ибаррури (Пасионария) правильно заявила:

«Буржуазно-демократическая революция, которая *в других странах*, как Франция, произошла более столетия назад, у нас в стране развертывается только сейчас, и мы, коммунисты, являемся авангардными бойцами в этой борьбе против мракобесия, против темных сил прошлого»[3].

В своем недавнем манифесте коммунистическая партия Испании заявила:

«Перед лицом фашистской угрозы мы поднялись на защиту республики, на защиту нашего права на жизнь. Мы хотим спасти нашу страну от опасности новых военных авантюр, мы хотим жить в мире со всеми народами. Мы защищаем самые чистые принципы демократии. Мы боремся за то, чтобы рабочие получали хорошую заработную плату, чтобы их не страшил призрак безработицы и голода. Мы боремся за справедливое законодательство, за равенство политических и социальных прав для

---

[1] «Коммунистический Интернационал» № 17 за 1936 г., стр. 64.

[2] В настоящее время (конец 1938 г.) интернациональные бригады, выполнив свой долг, отозваны с фронта испанским республиканским правительством, и борцы интернациональных бригад возвратились в свои страны.

[3] «Коммунистический Интернационал» № 14 за 1936 г., стр. 56.

женщин. Мы боремся за то, чтобы крестьяне имели достаточно земли, чтобы прожить. Мы хотим благосостояния для всего народа, и мы знаем, что это возможно сегодня только при демократической республике, и поэтому мы ее защищаем, так же как мы защищаем те свободы, на которые имеют право Каталония, страна басков, Галисия и Марокко. Мы уважаем религиозные идеи так же, как мы хотим, чтобы уважали наши идеи. Но мы беспощадно боремся с торговцами религией, с теми, кто превращает церкви и монастыри в центры заговоров и шпионажа и в крепости, направляющие дуло своих пушек против народа... Мы боремся за то, чтобы освободить крестьян от феодального рабства, чтобы передать землю помещиков—изменников своей родины—в руки крестьян, чтобы крестьянство имело обеспеченный кусок хлеба и жило в свободе и счастье, а не в рабстве».

Конечно, между буржуазно-демократической революцией, происходящей в Испании, и буржуазно-демократической революцией, которая происходила во Франции в XVIII в., имеются существенные различия. Товарищ Сталин указывает в «Вопросах ленинизма» на то, что буржуазно-демократическая революция в период империализма сближается с революцией социалистической, что условия для ее перерастания в период империализма более благоприятны, чем в предыдущий период развития капитализма. Вот что говорит товарищ Сталин о революции в России:

«Едва ли нужно доказывать, что в обстановке империализма, чреватого столкновениями и войнами... когда империализм соединяется со всеми, без исключения, реакционными силами, вплоть до царизма и крепостничества, делая тем самым необходимым коалирование всех революционных сил...,—едва ли нужно доказывать, что буржуазно-демократическая революция, в более или менее развитой стране, должна сближаться при таких условиях с революцией пролетарской, что первая должна перерастать во вторую»[1].

И, конечно, *в Испании уже произошел ряд изменений, которые отличают коренным образом эту буржуазно-демократическую революцию от буржуазно-демократических революций в других странах*. Необходимо учитывать особенности этой буржуазно-демократической революции в Испании. Тов. Эрколи—член Исполкома Коминтерна, давший развернутую характеристику особенностей испанской революции, указал на то, что испанский народ решает задачи буржуазно-демократической революции по-другому, *по-новому*—в интересах самих широких масс:

«Во-первых, он разрешает их в обстановке вызванной мятежниками гражданской войны. Во-вторых, интересы вооруженной борьбы против фашизма принуждают его к конфискации собственности замешанных в мятеже землевладельцев и предпринимателей, ибо нельзя одержать победу над фашизмом, не подо-

[1] *Сталин*, Вопросы ленинизма, стр. 19—20, изд. 10-е.

рвав его экономических позиций. В-третьих, он имеет возможность использовать исторический опыт завершения буржуазно-демократической революции пролетариатом России после завоевания им власти, ибо Великая пролетарская революция блестяще осуществила «попутно» и «мимоходом» то, что составляет основное содержание революции в Испании на нынешнем историческом этапе. Наконец, испанский рабочий класс стремится осуществить свою ведущую роль в революции, накладывая на нее пролетарский отпечаток размахом своей борьбы и ее формами»[1].

Существует отличие также между гегемонией пролетариата в революционном движении Испании и гегемонией пролетариата в буржуазно-демократической революции в России. В России с самого начала организованного выступления рабочего класса во главе его шла партия нового типа, боевая партия большевиков под водительством Ленина и Сталина. Эта партия руководила его революционными боями уже в 1905 г. Она руководила его движением вплоть до полной победы и руководит до последнего дня его борьбой за полное построение коммунистического общества. В Испании рабочий класс сверг монархию в 1931 г., когда коммунистическая партия только что начала складываться и пролетариат находился под очень сильным влиянием *реформистской* социалистической партии. Испанские социалисты пользовались гораздо большим влиянием на испанских рабочих, чем русские меньшевики на рабочих России. Особенностью испанского пролетариата является также и то, что анархисты имеют в среде испанских рабочих довольно сильные организации, тогда как в России анархистское движение никогда, как мы это видели, не было массовым движением, а было в большинстве случаев *движением небольших* групп, оторванных от масс.

Следует иметь также в виду, что в Испании не только мелкая буржуазия, но и часть буржуазии стоит на стороне революции. Единый фронт поддерживают не только крестьянство и не только мелкая буржуазия городов,—в едином фронте участвуют и такие люди, как Хозе Хираль, Касарес Кирога, Франсиско Барнес, Энрико Рамос, Мануэль Бласко Гарсия и ряд других представителей буржуазии, которые не пошли вместе с фашистами, а стали на сторону республики. Значительная часть буржуазии Каталонии и Бискайи поддерживает революцию, поддерживает единый фронт с пролетариатом и крестьянством, тогда как *русская либеральная буржуазия боялась революции и шла на сделки с царизмом, предала революцию, предала рабочий класс.* И т. Эрколи совершенно правильно указывает на то, что роль тех групп «баскской буржуазии, которые с оружием в руках боролись бок о бок с героическими защитниками Ируна, Сан-Себастьяна и Бильбао, несомненно прогрессивнее роли тех английских вождей лейбористской партии, которые тянутся в фарватере английской политики «невмешательства»[2].

---

[1] *Эрколи,* Об особенностях испанской революции, стр. 8, Партиздат, 1936 г.
[2] *Там же,* стр. 16.

Эти особенности испанской революции чрезвычайно важно понять всем трудящимся Испании потому, что, только поняв характер революции и ее особенности, можно правильно наметить линию борьбы, создать единый народный фронт борьбы с фашистскими интервентами. Всякие извращения в толковании задач испанской революции выгодны только врагам испанского народа.

Остановимся прежде всего на ошибках испанских анархистов в их оценке характера испанской революции. Анархисты пытаются стать «левее» коммунистов и обвиняют последних в том, что они мешают якобы развитию революции, тогда как на самом деле анархисты не поняли или, не желая понять основных вопросов революции, пытались проводить такие меры, которые приносили только вред революции.

Так, «Солидаридад Обрера» 17 июля 1936 г. писала, что «фашизм может быть искоренен только социальной революцией», и обвиняла коммунистов и социалистов, что они не задумываются над необходимостью проведения социальной (социалистической) революции.

В «Информационном бюллетене» Национальной конфедерации труда от 30 июля 1936 г. анархисты, исходя из того, что уже *наступила* коммунистическая революция, писали: «...области Испании, находящиеся под влиянием Национальной конфедерации труда с Каталонией во главе, имеют своей задачей превратить движение, которое до сих пор было чисто политическим движением, в движение социально-революционное. Сейчас найдется не мало охотников направить современное антифашистское движение в русло буржуазной республики. Но Национальная конфедерация труда идет своей дорогой. Испания идет навстречу социальной революции».

13 августа 1936 г. «Солидаридад Обрера» так определяет характер испанской революции: «История предопределила, чтобы Испания стала первой страной в мире, рассматривающей рабочий класс как социальное ядро, определяющее все исторические явления. Вместе с фашизмом отмирает капитализм как экономическая система буржуазного общества. Социальные классы сливаются в конгломерат свободных и равных личностей».

В статье от 28 октября «Солидаридад Обрера» писала об испанской революции:

«Сейчас мы находимся в кульминационном пункте Иберийской пролетарской революции».

Наконец, приведем еще утверждение анархистского органа «Ль'Эспань Антифашиста» (французское издание «Солидаридад Обрера»). В воззвании к рабочим всех стран от 30 августа 1936 г. мы читаем следующее заявление:

«Впервые в истории народ своими собственными силами одержал победу над армией, вооруженной по последнему слову техники... Впервые в продолжение 15 дней народ безвозвратно уничтожил: господство церкви, *отменив* практику культа, господство предпринимателей над трудящимися и, наконец, господство

городской бюрократической цивилизации над деревней, ...осуществив в рамках профсоюзных организаций тесную связь рабочих и крестьян. *Революция развивается и оставляет позади себя все политические революции прошлого:* английскую революцию XVII века, французскую революцию XVIII века, европейские революции XIX века и *большевистскую русскую революцию* XX века... Испанская революция наносит смертельный удар фашизму и капитализму не только в Испании, но и во всей Европе»[1].

Все эти высказывания не оставляют никакого сомнения в том, что испанские анархисты не прочь были объявить в Испании введение коммунизма одним взмахом. При этом они не останавливались перед клеветой на коммунистов Испании и на Великую Октябрьскую социалистическую революцию в России. Ведь совершенно клеветническим и вздорным является суждение французского органа анархистов об Октябрьской социалистической революции 1917 г. Всякий сознательный рабочий во всем мире знает, что Октябрьская революция в России была социалистической, пролетарской, что она уничтожила власть капиталистов и помещиков, что она передала власть пролетариату, что она все средства производства—фабрики, заводы, земли, банки, средства связи, все культурные учреждения—превратила в достояние народа; все трудящиеся знают, что в СССР уничтожена эксплоатация человека человеком; что Октябрьская революция создала новое государство—антикапиталистическое, социалистическое государство. Доказывать все это в 1939 г., когда страна социализма подвела величайшие итоги пролетарских побед всемирно-исторического значения за 20 лет своего существования, вряд ли есть необходимость; и вышеприведенные заявления анархистской французской газеты свидетельствуют только о том, что пишущие в этой газете не дали себе даже труда понять то, что поняли миллионы трудящихся во всем мире.

Точно так же совершенно неправильно заявляла «Солидаридад Обрера», будто Испания является *первой страной* в мире, которая рассматривает пролетариат как главную движущую силу революции. Еще в 1894 г. Ленин в книге «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» писал, что пролетариат станет во главе всех демократических элементов и свергнет царизм, а затем, рядом с пролетариатом других стран, пойдет к коммунистической революции. Еще в 1905 г. и накануне буржуазно-демократической революции 1905 г. Ленин и Сталин определяли пролетариат как главную движущую силу революции, как вождя и руководителя революции, а крестьянство как союзника. Еще ранее этого Маркс и Энгельс в своих произведениях указывали на эту роль пролетариата как гегемона, вождя в грядущей революции.

Неверно также заявление писателей-анархистов из «Солидаридад Обрера», будто «с фашизмом отмирает и капитализм как

[1] Курсив наш.—*Ем. Я.*

экономическая система буржуазного общества». Фашизм господствует не во всех капиталистических странах, и гибель фашизма в ряде стран еще не то же самое, что гибель капитализма. Попытки, которые мы видели в Испании,—отменить, ликвидировать классы посредством резолюций и собраний, как в Алькойской металлопромышленности,—это есть совершенно ошибочные попытки, как совершенно ошибочным является и заявление о том, что «социальные классы сливаются после гибели фашизма в конгломерат свободных и равных личностей». Все это существует только в голове писателей из «Солидаридад Обрера», а не в жизни. Это вредиая отрыжка, исходящая из анархического учения, будто на другой день после революции отмирают и уничтожаются классы, тогда как в действительности *ликвидация классов*—дело борьбы многих лет в период после социалистической пролетарской революции.

В чем же тут ошибка анархистов в Испании? В том, что, оценивая революцию как пролетарскую, они пытаются проводить такие меры, которые вредят развитию революции на данном этапе. А так как эти их меры встречают сопротивление не только со стороны буржуазии, но и со стороны части пролетариата и крестьянства, то анархистам кажется, что коммунисты «мешают» осуществить пролетарскую революцию, что онн «задерживают» революцию.

Анархисты пытались проводить секвестр, конфискацию, имущества не только мятежной, контрреволюционной буржуазии, но и конфискацию, в первый период революции, предприятий тех предпринимателей, которые не поддерживают фашистов. Они пытались национализировать, муниципализировать, коллективизировать и средние и мелкие предприятия, вплоть до парикмахерских. Они пытались проводить коллективизацию сельского хозяйства. На эти шаги анархистов часто подталкивают троцкисты— эти злейшие враги рабочего движения, эти гнусные провокаторы, связанные, как это установлено, и с германскими фашистами, и с японскими и другими разведками.

Анархисты делали попытки ликвидации и частной торговли. 12 декабря 1936 г. в «Солидаридад Обрера», в статье «Мелкая собственность и мелкая торговля» сказано:

«Переходим к вопросу о мелкой торговле. Хотя и не следует проводить конфискацию у населения, тем не менее не следует делать вывод, что мелкую торговлю надо уважать, как и мелкую собственность. Мелкий крестьянин производит собственным трудом, мелкий торговец ничего не производит, он паразит. В отношении мелкой торговли мы должны стремиться к тому, чтобы ее ликвидировать. *Крупную и мелкую торговлю надо ликвидировать* постепенно, с тем чтобы контроль над распределением товаров находился в руках общественности».

Анархисты, исходя из совершенно ложных бакунинских теорий, что после революции надо сейчас же уничтожить деньги, во многих районах и областях стали *уничтожать деньги*. Это вредная мера, которая сразу же принесла свои отрицательные резуль-

таты,—отталкивала часть крестьян от революции, ослабляла единство народного фронта. Вот почему коммунисты так терпеливо и настойчиво доказывают массам рабочих и крестьян всю вредность такого «подталкивания революции» анархистами.

К этой же области относится и то, что мы говорили о *религии. Нельзя «ликвидировать» религию и отменять отправление культов*, когда в стране имеются миллионы верующих и когда в самом едином фронте участвуют организации, среди которых преобладают религиозно настроенные люди. Мы приводили уже заявление газеты «Ль'Эспань Антифашиста». В этом заявлении сказано: «Впервые в продолжение 15 дней народ безвозвратно уничтожил: господство церкви, отменив практику культа...» Мы еще раз со всей силой подчеркиваем, что «отменить практику культа» нельзя, что это можно сделать только тогда, когда сами трудящиеся откажутся от отправления культа, от своих религиозных верований, когда они убедятся в превосходстве науки над религией. Отмена религии есть вредное, ничем не оправдываемое мероприятие, направленное против революции.

То же самое необходимо сказать относительно проводимой анархистами «*децентрализации*». Конечно, эта децентрализация— в духе анархистского учения. Централизация производства, централизация управления, централизация всех средств в руках правительства, как и централизация военного командования, диктуется в настоящее время всеми условиями борьбы и единого фронта. Правительство должно располагать всеми средствами, какими располагает страна, а оно не может располагать ими, если каждая отдельная область, каждый отдельный район, каждый отдельный синдикат, каждая отдельная сельская община считают себя «властью на местах» и не считаются с требованиями борьбы. Именно эту ошибку испанские анархисты совершили в 1873 г., и за эту ошибку их так резко критиковал Ф. Энгельс, когда он писал: «...каждый город действовал на собственный страх, объявив самым важным делом не совместные действия с другими городами, а отделение от других городов, и исключив тем самым всякую возможность всеобщего наступления. То, что во время крестьянской войны в Германии и во время немецких восстаний в мае 1849 г. было неизбежным злом,—а именно раздробленность и разрозненность революционных сил, позволявшая одним и тем же правительственным войскам подавлять одно восстание за другим,—то было здесь провозглашено принципом наивысшей революционной мудрости»[1].

Конечно, события в Испании вносят поправки и в эту анархистскую практику. Многие анархисты начинают понимать отрицательное значение этих и подобных им мероприятий; и правильно поступают эти анархисты теперь, когда пересматривают свои взгляды на этот вопрос.

---

[1] *Маркс и Энгельс*, т. XV, стр. 119.

* * *

Теперь посмотрим, действительно ли анархисты сохранили прежнюю свою антигосударственную линию или их отношение к государству изменилось? Мы позволим себе проследить линию анархистов в этом вопросе, главным образом по их органу «Солидаридад Обрера».

14 мая 1936 г. газета в передовой о решениях конгресса Национальной конфедерации труда говорит, что «ни одна организация Национальной конфедерации труда не должна заключать сделки с какой-либо политической партией или с буржуазией». Единственно, с кем считает возможным объединять свои действия «Солидаридад Обрера»,—это с Всеобщей конфедерацией труда, если она примет решение конгресса Национальной конфедерации труда, причем «надо всеми средствами действовать в том смысле, чтобы рабочие из Всеобщей конфедерации труда порвали с политическими партиями и с буржуазией и потребовали прекращения защиты существующего строя». А так как рабочие из Всеобщей конфедерации труда связаны с коммунистической партией и социалистической (в Каталонии—с объединенной партией социалистов и коммунистов), то Национальная конфедерация труда предъявила довольно нескромное требование, чтобы рабочие из Всеобщей конфедерации труда порвали с коммунистами и социалистами, а связались бы только с анархистами, чтобы они прекратили защиту существующего строя, т. е., другими словами, прекратили защиту *революционного* испанского правительства.

Нечего и говорить, что такая точка зрения не имеет ничего общего с защитой революции. Поэтому центральный орган испанской коммунистической партии «Мундо Обреро» правильно ответил на такое заявление. В статье от 14 мая 1936 г. «Дружеское слово к товарищам из Национальной конфедерации труда» коммунисты писали, что это решение Национальной конфедерации труда является *препятствием к единству*, так как единство рабочего класса не ограничивается Национальной конфедерацией труда и Всеобщей конфедерацией труда. «Почему товарищи из Национальной конфедерации труда,—спрашивал «Мундо Обреро»,—против того, чтобы в альянсах участвовали и мы,—ведь наша борьба направлена против общего врага?» И вот когда фашистская опасность надвинулась вплотную, когда многие рабочие анархисты поняли, что правы коммунисты, что фашистская опасность грозит всему народу, тогда под давлением масс меняют свою позицию и вожаки анархистов. Так, в передовой «Дадим сплоченный и решительный отпор фашизму» «Солидаридад Обрера» 14 декабря 1936 г. писала:

«Мы предлагаем правительству все, что мы есть и что мы имеем. Мы не собираемся посягать на его существование; мы напоминаем ему, что представляем собою силу, которую можно в случае необходимости мобилизовать».

«Да, товарищи, нужна решительность. Фашизм не удовлетворится свержением правительства. Вам известна участь итальянского, германского, польского, австрийского пролетариата. *Та же участь ожидает и нас*, если фашизм восторжествует в Испании. *Речь идет не о защите правительства или республики, а о нашей собственной защите. Наши приверженцы, наши организации, наша пропаганда, существование рабочего движения в целом—все это в опасности.* Будем защищаться, ведь на политической арене в Испании фашизм может в любой момент поднять свою страшную голову. Все ли готово для мобилизации? Будьте настороже, товарищи!»

Еще 4 сентября 1936 г., незадолго до создания правительства Ларго Кабальеро, «Солидаридад Обрера» пишет статью «Бесполезность правительства». Мы не касаемся ряда неправильных высказываний в этой статье, но обращаем внимание на приведенные здесь совершенно неправильные слова, будто «рабочее государство есть прекращение революционной деятельности и начало нового политического рабства», что «создание коалиционного правительства и внутренняя борьба в нем делают... невозможной нашу работу в целях освобождения Испании...» Пример Советского государства полностью опровергает такое заявление. Создание государства пролетарской диктатуры в результате победоносной Октябрьской социалистической революции в России не только не прекратило революционную деятельность пролетариата, но открыло новую славную страницу этой революционной деятельности. Разве преодоление контрреволюции, разгром интервенции, разгром белогвардейских генералов на протяжении четырехлетней гражданской войны не является самыми блестящими страницами *революционной* деятельности в истории всемирного пролетариата? Разве *создание социалистического хозяйства* не есть величайшее проявление *революционной* деятельности пролетариата? Клеветническим поэтому является заявление, будто рабочее государство есть начало нового политического рабства. *Рабочее государство*—не выдуманное, а настоящее, в лице СССР—*есть уничтожение всякого рабства, выкорчевывание всяких его следов.* Если бы все написанное в этой статье анархистов было верно, то для чего тогда в самом деле народу поддерживать республиканское правительство? Это была неправильная позиция анархистов, и они, очевидно, это поняли, потому что уже в следующем месяце мы слышим другие голоса.

Итак, анархисты вступают в правительство, и вступают не в социалистическое, а в коалиционное правительство, в котором участвует и буржуазная республиканская партия.

Чем же объясняют анархисты вступление в республиканское правительство? До этого они предлагали создание Национального совета обороны. Это предложение они взяли обратно. Объясняя в передовой статье от 4 ноября 1936 г. почему они это сделали

и почему они вступили в правительство, анархисты из «Солидаридад Обрера» пишут:

«*Мы сделали это не из политических соображений, а ввиду необходимости единства.* Сейчас нужно концентрировать внимание на двух основных вопросах: выиграть войну, укрепить хозяйство и добиться того, чтобы испанский народ не испытывал нужды в предметах потребления».

Правильное утверждение, что главная задача—это выиграть войну с фашистами и укрепить хозяйство, добиваясь того, чтобы испанский народ не испытывал нужды в предметах потребления, анархисты сопровождают *неправильным объяснением. Необходимость единства это есть самое серьезное политическое соображение. И если* анархисты говорят: «Мы сделали это *не из политических соображений*», то этим показывают только свою непоследовательность.

Следовательно, в жизни анархистов произошли события, совершенно исключительные. *Анархисты вступили в правительство*, в котором участвуют буржуазные республиканские партии.

Уже в ноябре 1936 г. «Солидаридад Обрера» в статье «Национальная конфедерация труда, правительство и государство» так объясняет этот шаг:

«Впервые на протяжении всей истории нашей страны Национальная Конфедерация Труда вступила в правительство. Национальная Конфедерация Труда по своим принципам и убеждениям была против государства и врагом всяческих форм правительства. *Обстоятельства изменили характер правительства и Испанского государства. Правительство является сейчас регулирующим органом и перестало быть органом порабощения трудящихся. Государство тоже не является сегодня аппаратом, разделяющим общество на классы. Функции государства заключаются сегодня в том, чтобы в согласии с рабочими организациями регулировать хозяйственную и социальную жизнь страны.* Основная задача правительства—это ведение войны и координирование революционных акций на основе всеобщего плана. Национальная Конфедерация Труда вступила в правительство в интересах страны и в интересах народной революции. Победа народа последует тем быстрее, чем лучше мы будем поддерживать правительство».

Если бы несколько месяцев тому назад дать прочесть такое заявление любому анархисту, он бы сказал, что это писали не анархисты, что анархисты не могут признать какое бы то ни было государство или какое бы то ни было правительство приемлемым для себя. *Мы приветствуем эту сегодняшнюю перемену точки зрения анархистов на власть, на правительство, на государство. Ибо это есть переход от анархизма к более правильному пониманию общественных отношений и роли государства.* Нет никакого сомнения в том, что такое решение поможет испанским рабочим-анархистам сблизиться с рабочими—коммунистами и социалистами и создаст действительно единый фронт пролетариата, единую пролетарскую организацию.

Правда, нельзя закрывать глаза на то, что в Испании происходили иногда такие столкновения между членами Национальной конфедерации труда и Всеобщей конфедерации труда, что дело кончалось даже убийствами. Нет никакого сомнения в том, что в этих убийствах виноваты—и это установлено—фашисты и троцкисты, которые проникают в организации рабочего класса для того, чтобы взрывать их изнутри, для того чтобы сеять раздор между рабочими, для того чтобы натравливать анархистов на коммунистов.

И мы считаем в высшей степени полезным, что Национальная конфедерация труда и Всеобщая конфедерация труда опубликовали 27 ноября 1936 г. воззвание, в котором говорится, что Национальная конфедерация труда и Всеобщая конфедерация труда выработали общую точку зрения по различным вопросам, интересующим рабочий класс. Но «нельзя достигнуть единства, если во время наших совещаний,—говорится в этом обращении,—дело доходит до столкновений между элементами обеих организаций». Поэтому обе организации требуют прекращения борьбы между рабочими различных политических партий, требуют «соблюдения дисциплины и выполнения своего долга согласно указаниям законного правительства».

Повидимому, это движение сближения между анархистами и коммунистами идет еще дальше, так как в Малаге обе организации—Национальная конфедерация труда и Всеобщая конфедерация труда подписали соглашение *о слиянии*, и «Солидаридад Обрера» приводит сообщение об этом слиянии под заголовком «Боевой союз».

Да, рабочий класс Испании нуждается больше чем кто бы то ни было в настоящее время в самом тесном боевом союзе, ему необходимо при этом *не замазывание, а изживание идейных разногласий*, необходимо организационное объединение, и чем дальше и глубже оно пойдет, тем больше шансов для пролетариата, что он закрепит свои победы в процессе революции.

Когда мы говорим об изменившемся отношении анархистов к вопросу о государстве и к республиканскому правительству, мы должны иметь в виду, что *демократическая республика Испании не похожа на буржуазно-демократическую республику Франции и других стран*. Говоря об особенностях этой республики, т. Эрколи дает ей такого рода характеристику:

«Она рождается в гражданской войне, в которой ведущую роль играет рабочий класс, в обстановке, когда на одной шестой части земного шара победил социализм, а в ряде капиталистических стран консервативную буржуазную демократию уже разгромил фашизм. Отличительной чертой этого нового типа демократической республики является то, что выступивший против народа фашизм подавляется народом вооруженной рукой, что этому главному кровавому врагу народа не будет места в этой республике. Фашизм не может в случае победы народа никогда располагать в ней такой, например, свободой, как во Франции, Соединенных Штатах, Англии, использовывая буржуазную

демократию и предоставляемые ею права для уничтожения демократии и установления режима бесправия. Во-вторых, в этой республике будет сломлена материальная основа фашизма. Уже сейчас все земли и предприятия участников фашистского мятежа конфискованы и переданы испанскому народу. Уже сейчас в соответствии с военной обстановкой испанское правительство вынуждено было установить контроль и регулирование хозяйственного аппарата в интересах обороны республики. И чем упорнее мятежники будут вести войну против законного правительства, тем дальше вынуждено будет итти испанское правительство по пути строгой регламентации всей хозяйственной жизни страны. В-третьих, эта новая демократия в случае победы народа не может не быть чуждой всякому консерватизму: она располагает всеми предпосылками для своего дальнейшего развития; она дает гарантии для дальнейших экономических и политических завоеваний трудящихся масс Испании. И именно поэтому все силы мировой реакции хотят поражения испанского народа»[1].

* * *

Пролетариат Испании играет решающую, важнейшую роль в едином фронте всех антифашистских сил, действующих в настоящее время в Испании. Этот фронт очень широкий. Он объединяет в классовом и политическом отношении неоднородные силы. В него входят коммунистическая партия Испании; социалистическая партия; Всеобщий рабочий союз; анархистская Национальная конфедерация труда; синдикалистская организация Пестаньи; мелкобуржуазная республиканская партия Асаньи; каталонская партия Эскерра; буржуазная партия «Республиканский союз»; партия баскских националистов; каталонская крестьянская организация «Раббасайрес». Именно потому, что этот единый фронт в Испании имеет такую широкую базу, пролетариату необходима величайшая выдержка для того, чтобы не оттолкнуть от борьбы непролетарские элементы каким-нибудь необдуманным действием, необдуманным мероприятием и не сузить тем самым базу этого фронта и тем самым не дать фашистам внести раскол в среду борющихся против фашизма. *Важнейшим шагом в деле создания этого единого фронта мы считаем наличие сближения между анархистами и коммунистами в Испании.*

Мы напомним момент, когда анархисты были против единого фронта, и это принесло огромный вред революции в Испании. В июне 1936 г. происходил конгресс Национальной конфедерации труда. Делегация коммунистической партии, тогда еще сравнительно слабой, обратилась к конгрессу Национальной конфедерации труда с предложением единого фронта против контрреволюции. Как же ответили тогда анархисты? На этот конгресс, происходивший в Барселоне и Мадриде 22 июня 1936 г., анархо-синдикалисты *не допустили* представителей рабочих коммуни-

[1] *Эрколи,* Об особенностях испанской революции, стр. 19—20, Партиздат, 1936 г.

стических *профсоюзов*. Все последующие предложения со стороны коммунистов о создании единого фронта с анархистами наталкивались на сопротивление анархистов. Еще раньше, когда контрреволюция угрожала смертельной опасностью пролетариату Испании, ЦК коммунистической партии в марте 1933 г. внес предложение анархистам о создании единого фронта. Анархисты ответили отказом. Они писали в статье «О коммунистической хитрости»: «Единый фронт с коммунистами равносилен союзу со всей антипролетарской реакцией». Через голову своих вождей анархисты-рабочие в 1931 и 1934 гг. все же во многих промышленных центрах действовали совместно с коммунистами, тем самым показывая, что они сознают необходимость создания единого фронта. Но еще 10 мая 1936 г. конгресс испанских анархо-синдикалистов, предложив Всеобщему рабочему союзу Испании единый фронт, выдвигал, как мы видели, условие, чтобы Всеобщий рабочий союз перестал поддерживать правительство народного фронта и перестал поддерживать связь с партией коммунистов и социалистов.

Другими словами, анархо-синдикалисты и тогда еще не понимали, насколько важен и необходим единый фронт в Испании. Вот почему отрадным явлением для всей революции в Испании, для ее победы является эта перемена точки зрения на необходимость единого фронта. Вот почему надо особенно приветствовать происходящее между анархистами и коммунистами сближение. Это сближение различных организаций пролетариата дает колоссальнейшие результаты. Мы это видим на примере *единого союза коммунистической и социалистической молодежи*. Недавно еще это была сравнительно малочисленная организация. В настоящее время она достигает почти *четверти миллиона* рабоче-крестьянской молодежи Испании. Это серьезнейшая сила. А если добиться *объединения не только коммунистической и социалистической, но и анархистской молодежи в один союз*, тогда мы будем иметь в Испании серьезнейшую молодую революционную силу. Сближение между анархистскими и коммунистическими союзами молодежи в процессе революции уже началось, и мы должны всячески содействовать этому сближению, добиваясь образования единого революционного союза молодежи в Испании.

Один из крупнейших деятелей анархистского движения Испании—Буэнавентуре Дуррути говорил незадолго до своей славной смерти:

«Да, я чувствую себя большевиком. Я готов в своем боевом кабинете повесить портрет Сталина». Для вождя анархистов это заявление в высшей степени знаменательно. И особенно эти изменившиеся отношения сказались в письме Дуррути к рабочим СССР, в барселонской демонстрации 7 ноября 1936 г., в которой участвовали все трудящиеся, и в том числе анархисты. Это показывает, что часть анархистски настроенных трудящихся начинает сознавать все больше и больше, что коммунисты—их родные братья, а не враги, как им это говорили в течение многих лет.

Это сближение *пролетарских организаций* усиливает единый фронт. Громадные успехи, которые в этом направлении уже достигнуты, несомненно, были снижены и сужены такого рода анархистскими мероприятиями, как «отмена классов», «отмена религии», «отмена денег», насильственная коллективизация сельского хозяйства, ликвидация мелкой торговли, коллективизация средних и мелких предприятий и т. п.

* * *

Переходим к одному из очень важных вопросов испанской революции—к вопросу *об отношении к армии*. Остались ли здесь неизменными прежние позиции анархистов? Отнюдь нет. Отношение анархистов к армии еще недавно было совершенно иное, чем теперь. Анархисты долгое время были против создания регулярной армии республики, против воинской дисциплины. Они хотели вести войну с фашистскими интервентами силами «народной милиции», построенной на основе «организованной недисциплинированности». В статье «Какой должна быть армия» «Солидаридад Обрера» 28 июля писала: «Испанская армия должна быть армией, состоящей *исключительно из рабочих* и технических служащих, пролетариев, которые бы с оружием в руках защищали свободу и содействовали поражению фашизма». Это было неверно в том отношении, что со счета сбрасывалось испанское крестьянство. Пренебрежение к крестьянству как к союзнику пролетариата всегда было вредно для пролетариата, оно особенно вредно в Испании, где крестьянство составляет значительную силу и в большинстве своем—антифашистскую силу. Это—по вопросу о социальном составе революционной армии.

В августе 1936 г. «Солидаридад Обрера» высказывается *против вербовки в армию*. Она стоит за народную милицию. «Мы не верим,—писала «Солидаридад Обрера» 5 августа,—в необходимость регулярной армии, подбираемой в принудительном порядке».

По адресу той молодежи, которая не хочет итти в армию, «Солидаридад Обрера» писала: «Если вы хотите быть не солдатами, отбывающими воинскую повинность, а добровольными милиционерами, то Национальная конфедерация труда поддержит ваши требования».

Даже такой замечательный деятель испанской революции, к которому мы питаем глубокое уважение, как анархист Дуррути, думал, что нет необходимости в создании особой военной дисциплины. «Будьте спокойны,—говорил он.—На фронте нет никакого хаоса, никакой недисциплинированности». Но мы все знаем, *что первый период борьбы принес целый ряд поражений Испанской республике именно потому, что в революционной армии тогда не было еще достаточной дисциплины, не говоря уже о том, что не было еще и военного опыта*. Когда надо было рыть окопы, некоторые товарищи заявляли в те дни: «Испанцы не такие трусы, чтобы зарываться в окопы». Испанские трудящиеся проявили

чудеса героизма и храбрости, но это не значит, что они не нуждаются в окопах, когда враг вокруг них окапывается и ведет осаду по всем правилам военной техники.

Анархисты в течение довольно продолжительного времени были *против мобилизации*, но жизнь доказала им необходимость мобилизации и необходимость выработки военной дисциплины.

В октябре 1936 г. анархисты высказались за всеобщую мобилизацию. 8 октября «Солидаридад Обрера» публикует статью «Мобилизовать всех, кто может быть использован на войне», где предлагает мобилизовать всех в возрасте от 18 до 40 лет.

«Мы должны забыть старые формулировки,—строгая дисциплина—детище революции»,—пишет «Солидаридад Обрера» в статье от 2 декабря 1936 г.

Федерация анархистов Иберии и Национальная конфедерация труда, в связи с декретом о создании народной армии, дали следующие директивы для дружинников народной милиции:

«Эти директивы... *обязательны* для каждого вооруженного члена нашей организации и подлежат неукоснительному исполнению:

1. Каждый дружинник обязан подчиняться приказам батальонного комитета, делегатам от сотен и групп.

2. Ни одному дружиннику не разрешается действовать в военных делах по собственному усмотрению.

3. Дружинник, отказывающийся подчиниться приказам батальонного комитета и делегатов от сотен и групп, будет привлекаться к ответственности: за мелкое нарушение субординации—его группой, а за серьезное нарушение—батальонным комитетом.

4. Серьезным нарушением считается: дезертирство, уход с поста, саботаж, мародерство, заявления, подрывающие настроение войск.

5. Каждый дружинник... вступил в ряды милиции добровольно, но с того момента, как он стал солдатом революции, он должен повиноваться.

6. Всякий, выступающий против милиции, рассматривается как фашист и должен привлекаться к ответственности комитетом...

Эти директивы, которые должны определять наши действия и наше поведение, не следует рассматривать как казарменную муштру. Их цель—организовать дружные, дисциплинированные условия всех... Без такого сотрудничества—...победа невозможна... Подчиняйтесь, и вы победите!»

Коммунисты могут только приветствовать такой шаг вперед, свидетельствующий о том, что уроки революции не прошли даром для анархистов. Это тем более важно, что еще незадолго перед этим, 28 августа 1936 г. в газете «Ль'Эспань Антифашиста» за подписью трех руководящих анархистских организаций Испании опубликована была чудовищная статья «Организация недисциплинированности». В этой статье мы читаем:

«Движение единства, свободного сотрудничества и открытого альянса, проводимого антифашистским фронтом в борьбе за общее дело, обнаруживает с неоспоримою очевидностью успехи,

достигнутые *в результате организованной в течение ряда лет* недисциплинированности, развития индивидуальности, чувства инстинкта и непосредственных действий».

То, что на войне приходится отдельному бойцу проявлять инициативу,—это одно; другое дело, когда анархисты *восхваляли недисциплинированность* и в этой статье заявляли: «Мы не хотим такой дисциплины, которая ограничивает мужество, интеллект и чувство».

Разве это не вредная директива, которая оправдывает всякую недисциплинированность, особенно вредную на фронте? Именно потому, что испанские анархисты начали понимать, какое громадное значение на фронте имеет дисциплина, такой огромный успех имел советский фильм «Мы из Кронштадта». Когда испанский анархист т. Пейро—один из четырех представителей анархо-синдикалистской Национальной конфедерации труда в правительстве республики выступил на митинге, посвященном торжественной встрече испанских делегатов, вернувшихся из СССР, он обратил особенное внимание на необходимость укрепления дисциплины в рядах антифашистских бойцов как на фронте, так и в тылу и сказал: «*Мне, как анархисту, нелегко призывать к дисциплине, к подчинению и прочее; но сейчас другого выхода нет.* Если мы хотим свободы, то должны ее сначала завоевать и отстоять».

Вот как министр здравоохранения Монтсени в конце ноября оценивала недисциплинированность:

«В начале войны,—говорила Монтсени,—наша милиция была очень опасна для врагов, потому что борьба происходила на улицах и вдоль больших дорог; это была классовая война, в которой милиция хорошо разбиралась. Но позднее обнаружилось, что, когда командование приказывало производить ту или иную операцию, милиция собиралась для предварительного обсуждения вопроса. 5, 6 и 7 часов затрачивалось на дискуссию, так что, когда приступали к проведению операции, враг уже успевал достичь своей цели. Единственный способ выиграть войну заключался в создании единой армии и настоящего единого командования».

В настоящее время анархисты в большинстве своем не защищают «организованной недисциплинированности»; они стоят за единую армию, за единое командование, за единое снабжение, за дисциплину; они поняли необходимость этих мероприятий, которые, правда, колеблют их анархистское мировоззрение, установившееся годами, но эти мероприятия,—это видят все,—необходимы для спасения революции. Большую роль в воспитании испанских рабочих сыграл показ советских кинокартин «Чапаев» и «Мы из Кронштадта». На уроках борьбы рабочих России испанские товарищи учились искусству побеждать. И в этом вопросе, стало быть, анархисты сближаются с коммунистами, которые с самого начала отстаивали необходимость централизованной организации, необходимость железной дисциплины, необходимость единого командования, единого снабжения армии. Коммунисты

приветствуют такой шаг вперед, свидетельствующий, что уроки революции не прошли даром для анархистов.

В процессе вооруженной борьбы с фашизмом,—в этом мы не сомневаемся,—сближение между анархистами и коммунистами, в особенности на фронте, пойдет еще глубже и еще дальше.

* * *

Наконец, один очень важный вопрос, на котором необходимо остановиться, говоря о революции в Испании,—это *вопрос об отношении к СССР.*

К сожалению, испанские анархисты в течение ряда лет помещали на страницах своей печати очень много совершенно фантастических сведений о СССР, и самым неправильным и вредным в этих сообщениях было то, что испанские анархисты извращали положение в СССР.

Мы разобрали уже выдвинутые в свое время анархистами обвинения против русской революции,—по поводу Кронштадта, по поводу разоружения анархистов, захвативших особняки в свою пользу, и по поводу Махно. Мы дали подробный разбор этих обвинений. И каждый честный испанский рабочий и крестьянин понимает, что они сами поступили бы точно так же, как поступили русские рабочие и крестьяне с Махно и другими мятежниками против русской революции, и они сделают так со всеми теми, кто позволил бы себе действовать в Испании так же, как действовали эти враги революции в России.

Мы убеждены, что анархисты в Испании не повторят враждебных действий анархистов в России, не станут покровительствовать уголовным преступникам, не вступят в союз с белогвардейскими элементами, не станут применять террор против коммунистов. Анархисты в Испании не повторят гнусных, позорных деяний Махно; анархисты не устроят заговора совместно с меньшевиками, белогвардейцами, эсерами, как это имело место в Кронштадте, против рабоче-крестьянской власти советов.

Для перемены оценки коммунистической партии и Советского государства у анархистов есть уже достаточно личного опыта. И факты ежедневно говорят об этом идейном повороте испанских анархистов.

Так, 8 ноября 1936 г. по поводу празднования в Каталонии годовщины Октябрьской революции «Солидаридад Обрера» во всю ширину последней страницы поместила заголовок «Исторический праздник». «Каталония празднует день Октябрьской революции и заверяет трудящихся Советского Союза и весь мир в своей абсолютной решимости разбить фашизм». В маленькой заметке к этому сказано:

«Все пролетарские организации Каталонии единодушно празднуют день,—*открывший новый период всемирной истории.* Россия является сегодня единственной европейской страной, которая пришла на помощь антифашистскому испанскому движению и не

только платонически доказала свою солидарность. Каталония празднует сегодня *победу социальной революции* в тот момент, когда она сама осуществляет свою».

Это заявление центрального органа анархистов—«Солидаридад Обрера» о том, что Октябрьская революция открыла новый период всемирной истории, конечно, опровергает все прежние заявления анархистов Испании о характере русской революции, о сущности Советского государства. И мы в высшей степени были удовлетворены письмом т. Дуррути к рабочим СССР от 22 октября 1936 г. В этом письме т. Дуррути, обращаясь к пролетариату Советского Союза, писал:

«Товарищи!

Пользуюсь этим письмом, чтобы послать вам братский привет с арагонского фронта, где тысячи ваших братьев борются, подобно тому, как вы боролись 20 лет назад за освобождение класса, подвергавшегося гнету и унижению в течение веков. 20 лет назад трудящиеся России подняли на Востоке красное знамя—символ братства международного пролетариата. Вы возлагали надежды на международный пролетариат, ожидая от него помощи в начатом вами великом деле. Трудящиеся всего мира не обманули вашего доверия, самоотверженно помогая вам по мере своих сил.

Сейчас рождается на Западе новая революция и развевается знамя, представляющее идеал, который победоносно объединит в братской связи два народа, угнетавшихся царизмом и деспотической монархией. Сегодня мы поручаем вам, трудящиеся СССР, защиту нашей революции, не доверяя никаким так называемым демократическим или антифашистским политикам. Мы верим нашим братьям по классу, ибо только трудящиеся могут защитить испанскую революцию, подобно тому, как мы 20 лет назад защищали русскую революцию.

Верьте нам, мы подлинные рабочие, и мы ни за что на свете не отречемся от своих принципов и не опозорим орудий труда (серпа и молота), символа класса трудящихся.

Привет от всех борющихся против фашизма с оружием в руках на арагонском фронте.

Ваш товарищ Б. Дуррути»[1].

* * *

Коммунистическая партия в Испании—молодая партия. Она родилась в революционной обстановке, она растет и крепнет в боях за свободу испанского народа, и она завоевала себе уважение испанского народа. Это видно по ее росту. Еще недавно она была сравнительно малочисленна. В 1936 г. она имела в своих рядах уже не менее 100 тыс. человек, из которых большинство—это испанские рабочие, наиболее передовая, наиболее сознательная часть испанского народа.

---

[1] «Коммунистический Интернационал» № 17 за 1936 г., стр. 88.

В 1938 г. коммунистическая партия Испании насчитывает около 400 тыс. членов. Объединенная социалистическая партия Каталонии (социалисты и коммунисты)—более 60 тыс. Объединенный союз социалистической и коммунистической молодежи—более 500 тыс. членов.

Мы вовсе не хотим сказать, что в рядах анархистов нет передовых рабочих. Наоборот, мы с полным уважением подчеркиваем: испанские анархисты показали в борьбе против фашизма, что в их рядах имеется не мало славных борцов за освобождение рабочего класса, преданных до последней капли крови пролетариату, преданных *коммунизму*. Мы подчеркиваем это последнее—*преданность коммунизму*, ибо это *приведет к еще более тесному сближению с коммунистами*.

Автор этой работы об анархизме и коммунизме был бы счастлив, если бы она помогла тому, *чтобы эта общая цель глубже, теснее соединила анархистов и коммунистов, чтобы совместная борьба испанских рабочих различных направлений выковала единую революционную организацию, единую организацию рабочих Испании.*

Когда эта цель будет достигнута, испанский пролетариат и испанская революция будут непобедимы!

Автор глубоко убежден, что эта цель будет достигнута тем скорее и полнее, чем скорее и полнее анархисты поймут несостоятельность своей теории,—когда они поймут, что «учение Маркса всесильно, потому что оно верно»[1].

---

[1] *Ленин,* Три источника и три составных части марксизма, Соч., т. XVI, стр. 349.

СОДЕРЖАНИЕ

Редактор *Д. Чугаев*
Отв. корректора *З. Окунь* и *М. Тепер*
Технический редактор *М. Пиотрович*
Сдано в набор 11/XII 1938 г. Подписано в печать 21 I 1939 г. Уполн. Главлита № А-4151. Государственное издательство политической литературы № 53. ИП/Мас. Формат $60 \times 92^{1}/_{16}$. $7^{1}/_{2}$ печ. л. 38 000 зн. в 1 п. л. Тираж 100 000 экз. Заказ № 2641. Цена в переплете 2 руб.

3-я фабрика книги «Красный пролетарий» треста «Полиграфкнига». Москва, Краснопролетарская, 16.